

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

На правах рукописи

Белоногов Иван Николаевич

**Когнитивно-вирусологический подход к анализу способов распространения
научного знания**

Специальность – 09.00.08 – философия науки и техники

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Буданов Владимир Григорьевич

Москва

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ВИРУСОЛОГИЯ КАК МЕТОД И КАК МЕТАФОРА	15
§1. Вирус и метафора	15
1.1. Язык как паразит.....	18
1.2. «Жизнь» между ДНК и Словом	23
1.3. Два типа вирусов.....	30
1.4. Письмо и буквальность	34
1.5. К эволюционной вирусологической эпистемологии	39
Выводы к §1 главы 1	44
§2. История вирусологии.....	46
2.1. Миазмы и контагии	46
2.2. Рождение эпидемиологии	49
2.3. Микробы и политика.....	57
2.4. За рамками таблицы: сетевая модель эпидемии	65
Выводы к §2 главы 1	68
ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «МИРА 3».....	71
§1. Онтология «Мира 3»	71
1.1. От Возможного к Реальному	73
1.2. Актуальные популяции и Виртуальные виды	80
1.3. Инфекционные сети и Социальные эстафеты	84
1.4. От слова-вируса к знанию.....	89
Выводы к §1 главы 1	93
§2. Функционирование «Мира 3»	95
2.1. Объективность	95
2.2. Относительная автономия	103
Выводы к главе 2	112
ГЛАВА 3. МОДЕЛИ ИММУНИТЕТА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗНАНИЯ	114
§1. Иммунитет.....	114
1.1. Хаосмос: Тело без органов и организация	115

1.2. Иммуитет и его стратегии	126
1.3. Внедрение.....	131
1.4. Психическая обработка путём повторения информации	132
1.5. Когнитивный диссонанс.....	136
1.6. Троянский конь.....	138
Выводы к §1 главы 3	139
§2. Модель инфекционного распространения знания	141
2.1. «Ризома» как наиболее общая и реалистичная модель	141
2.2. Пастер после Латура	147
2.3. Принципы Ризомы.....	152
2.4. Изменения вирусов	162
2.5. [Само]организация знания.....	168
Выводы к §2 главы 3	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
БИБЛИОГРАФИЯ	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современное информационное общество характеризуется высокой скоростью роста и распространения массива знаний. Согласно академику В.С. Степину, в науке произошел переход к постнеклассической рациональности¹. Дисциплинарные границы перестают функционировать в качестве «барьеров», актуальны междисциплинарные и трансдисциплинарные подходы в науке и, в тоже время, происходит разветвление научного знания на множество частных и локальных теорий, количество которых постоянно растёт. В такой ситуации необходим кардинально новый взгляд на развитие и практику науки.

Карл Поппер предложил концепцию эволюционной эпистемологии, одним из ключевых вопросов стала проблема роста и изменения научного знания². Его методология ограничивалась рассмотрением научного знания лишь в виде записанных текстов. Согласно Попперу, только записи как на основной способ хранения и передачи знаний о мире, являются объективными и отвечают критериям научности. В условиях высокой скорости изменений и развития научного знания исключительная ориентация на записи не позволяет делать прогнозы, можно лишь составить представление о прошлом. Стивен Тулмин замечал, что необходима такая теория, которая примет во внимание тот факт, что однажды и она сама должна будет быть отброшенной или модифицированной³. В классическом варианте эволюционная эпистемология не может соответствовать тенденциям современного развития научного знания.

¹ Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С.249 – 295

² Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1983.

³ Тулмин С. Человеческое понимание / Перевод с английского З.В. Кагановой. Общая редакция доктора философских наук профессора П. Е. Сивоконя – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 304. с.

Эволюционная эпистемология основывалась на метафорах, взятых из синтетической теории эволюции: эволюции, естественном отборе и генетическом коде как способе передачи информации из поколения в поколение. Если два первых принципа не вызывают никаких сомнений – знание действительно эволюционирует, а теории подвергаются отбору – то последний, третий принцип, нуждается в уточнении. Метафорический перенос, связывающий гены и записи не столь однозначен, как может показаться. У метафоры «гены как язык» имеется долгая история, затрагивающая и лингвистику, и биологию. Она начинается с того, что в результате научного диалога лингвиста Якобсона и биолога Жакоба возникла идея рассматривать ДНК как текст. В свою очередь, в эволюционной эпистемологии связь текстов и генов стала пониматься по аналогии с той ролью, которую гены играют в эволюции, передавая информацию сквозь поколения. В то время как жизнь отдельного индивида заканчивается, «жизнь» генов продолжается в других индивидах. Тоже можно сказать о текстах как семиотических системах. Теории (записи) продолжают существовать, когда их создатели уже мертвы. Но разве устная коммуникация не может играть ту же роль передатчика?

Устная коммуникация нелегитимна для Поппера, согласно которому объективное изучение знания возможно только при «относительной автономии» от людей и их «субъективного мира». Потому, Поппер привязывает знание к записи, утверждая, что «именно возможность или потенциал некоторой вещи быть понятой, её диспозициональный характер быть понятой и интерпретированной или неправильно понятой и неправильно интерпретированной делает её книгой. И эта потенциальная возможность, или диспозиция, книги может существовать, не будучи когда-либо актуализованной или реализованной»⁴. Этот ход позволяет рассматривать знание-запись как нечто объективное, но при этом полностью

⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы Стр. 156-157

закрывает возможность изучения любой другой передачи знания кроме как посредством записи.

На устную коммуникацию обращает внимание другая концепция, возникшая в русле эволюционной эпистемологии – геннокультурная теория, дополненная теорией мемов Ричарда Докинза⁵. Мемы Докинзом связываются с генами как нечто, что передаётся другим поколениям. Ричард Броуди в дополнение к мему вводит понятие «психический вирус» (*Virus of the mind*). В эволюционной эпистемологии появляется новая метафора, имеющая отношение к эпигенетике. Эпигенетика занимается изменениями, происходящими за время жизни индивида, но не передающимися по наследству. Связь эпигенетики и генетики устанавливается в вирусологии. Вирусы, являющиеся, по сути, эпигенетическим фактором, в тоже время, способны встраиваться в геном и передаваться по наследству. Тем самым, в геннокультурную теорию, распространяющееся через устную коммуникацию знание вводится через понятие «психического вируса», как то, что может как передаться другому поколению – «встроиться в геном» – так и не передаться, оставшись в «области эпигенетики». «Мемы» и «психические вирусы» соотносятся друг с другом как знание и то, что его распространяет: мемы – это «единица информации, которая содержится в сознании»⁶, а «психические вирусы» – это способ, которым эта информация распространяется через коммуникацию.

Закономерно встаёт вопрос об объективности мемов: если они содержатся только в сознании, то как возможно их объективно изучать? Поскольку мемы оказываются тем, что всегда скрыто в чьём-либо сознании, всё, с чем мы имеем дело – это всегда «психические вирусы», т.е. то, что мемы переносит. Если Поппер говорил об объективном мире знания («третьем мире») - совокупности всех записанных знаний, то в теории мемов речь идёт о способе передачи, но не о «самих

⁵ Докинз Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз; пер. с англ. Н. Фоминой – Москва: АСТ: CORPUS, 2014 – 512 с.

⁶ Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют наше сознание / Пер. с англ. Л.В. Афанасьевой. – М.: Поколение, 2007. – 304 с.

мемах». А, следовательно, и объективно изучать, в таком случае, возможно лишь то, как знание передаётся, но вопрос о содержании знания допускает множество интерпретаций.

Проблемное поле эволюционной эпистемологии можно представить следующим образом: с одной стороны, нельзя отказаться от эволюционной метафоры, которая лежит в фундаменте концепции, с другой стороны, два способа использования этой метафоры ставят нас перед дилеммой: либо объективное изучение знания, но лишь в виде записей, либо изучение любых способов передачи без возможности иметь дело с самим знанием. Представляется актуальным сохранить метафорическую связь эволюционной эпистемологии с теорией эволюции, но при этом изменить те принципы, с помощью которых эта связь устанавливается.

Разрешение проблемной ситуации видится в обращении к метафоре вируса и эпигенетики. Введя метафоры вирусологии в эпистемологию, мы рассчитываем получить метод, позволяющий исследовать развитие и распространение теорий как набора убеждений, передаваемых «заражением» от одного индивида к другому. Научная картина мира может быть представлена как пространство, внутри которого могут существовать несколько научных мировоззрений одновременно, но с различным уровнем распространённости. К тому же, это позволит рассматривать парадигмы уже не как некую теоретическую абстракцию, но как ментальный вирус, переносимый в коммуникации вполне реальными «физическими» телами.

Акцент на распространении знания предпринимался в рамках социологии науки и философии Бруно Латуром и Рэндаллом Коллинзом. В акторно-сетевой теории Латура⁷ взгляд на науку оказывается крайне актуалистским: теории и идеи редуцируются к записям, а распространение теорий – к росту сети циркулирующих

⁷ Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».—М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.—384 с.—(Социальная теория).—1000 экз.— ISBN 978-5-7598-0819-0 (в пер.)

записей. Коллинз⁸, в свою очередь, сводит всё к анализу коммуникаций личностей. И в том, и в другом случае, оказывается полностью исключено всё содержание науки – сами идеи. Отсюда возникает еще одна проблема – излишняя «социологизация» науки, к которой склонны некоторые современные методологи науки. Актуальна точка зрения на распространение теорий, которая учитывает, как идеи, так и их носителей. Представляется плодотворным использование метафоры вируса при рассмотрении знания, имеющего два режима: инфицирование и актуализацию в носителях.

Степень научной разработанности проблемы

Согласно исследователю Е.Н. Князевой «Эволюционная эпистемология является составной частью (философской частью) широкого ныне интенсивно развивающего междисциплинарного научного образования – когнитивных наук (cognitive science)»⁹. Она исторически подразделяется на две программы. Первая программа эволюционной эпистемологии – которую мы могли назвать «натуралистической» – сосредоточена на исследовании когнитивных способностей организмов и их биологические субстраты. Её основными представителями являются К. Лоренц, Р. Риддл, Д. Кэмпбелл. Вторая программа, к которой относится и данное исследование, занимается изучением рационального знания человека, его развития в виде идей и научных теорий. К этой ветви эволюционной эпистемологии относятся такие мыслители как К. Поппер, С. Тулмин, И. Лакатос, Т. Кун. Первым представителем эволюционной эпистемологии в России был И.П. Меркулов. Отдельно необходимо упомянуть современных российских исследователей – И.А. Бескову, И.А. Герасимову, Е.Н. Князеву, Е.Н. Шульгу, и др.

⁸ Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».—М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.—384 с.—(Социальная теория).—1000 экз.— ISBN 978-5-7598-0819-0 (в пер.)

⁹ Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология в ретроспективе и перспективе. Вступительная статья / Эволюционная эпистемология. Антология / Научный редактор, сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 11.

Современный этап развития науки - «постнеклассика» развивается в концепции В.С. Степина «постнеклассической рациональности». В свою очередь, общие характерные черты и тенденции развития постнеклассической науки первоначально стали комплексно изучать такие исследователи, как В.И. Аршинов, Ю.А. Данилов, Г.И. Рузавин. В дальнейшем этими вопросами занялись О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов, В.В. Василькова, Д.К. Делокаров, Л.П. Киященко, В.И. Моисеев, Е.Н. Князева, А.П. Назаретян.

Постнеклассические исследования подразделяются на различные программы и теории: изучение сложных систем (В.И. Арнольд, Ю.Л. Климонтович, Р. Том, Я.Г. Синай), синергетика (у ее истоков стоит Г. Хакен, в нашей стране для развития данного направления исследований много сделали С.П. Курдюмов и А.А. Самарский, а современными её представителями являются вышеупомянутые В.Г. Буданов, В.И. Аршинов, Е.Н. Князева, А.А. Печенкин, Л.П. Киященко и многие другие), теория аутопоэзиса (У. Матурана, Ф. Варела), анализ диссипативных структур (Г. Николис, И.Р. Пригожин, И. Стенгерс). Отдельно следует упомянуть вопросы анализа информационного общества (Д.К. Делокаров и А.Ю. Алексеев).

Междисциплинарный подход, сближающий лингвистику и вирусологию, разрабатывался за рубежом такими авторами как Терренс Дикон (исследования которого можно отнести к «натуралистическому» направлению в эволюционной эпистемологии) и Уильям Берроуз, но оказался, за малым исключением, практически не исследованным в России. Книга Терренса Дикона «Symbolic species», в которой он проводит аналогию между языком и вирусом, все еще не переведена на русский язык. В свою очередь, хотя книги Уильяма Берроуза переведены на русский, исследования посвященные его теории «Слова-вируса», за малым исключением, все еще неизвестны в России (среди авторов этого направления можно назвать Кристофера Лэнда [Christopher Land], Дугласа Кана [Douglas Kahn] и Яна Мунро [Iain Munro]). Берроуз оказал влияние на таких философов постструктуралистов как Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Представление о вирусном распространении идей так же разрабатывалось в рамках концепции

«мемов» (Р. Докинз, Р. Броуди). Концепцию «логики заражения» в политике и искусстве развивает Олег Аронсон, опираясь на идеи Льва Толстого, Аби Варбурга, Владимира Бехтерева и психоанализ.

Объектом исследования выступают концепции эволюционной эпистемологии и методология вирусологии.

Предметом исследования является представление знания как имеющего вирусоподобную природу.

Цель и задачи исследования

Конкретная **цель** диссертационного исследования состоит в формировании концепции вирусного распространения и существования знания в ракурсе исследований эволюционной эпистемологии, опираясь на функциональную аналогию знания и вируса, а также на вирусную интерпретацию мира языка и знания К. Поппера («мира 3»).

Общая цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- 1) проанализировать использование метафор в философии и науке;
- 2) исследовать роль метафоры «языка-вируса» в контексте исследований Терренса Дикона и метафоры «слова-вируса» Уильяма Берроза;
- 3) выявить предпосылки формирования вирусной методологии;
- 4) посредством интерпретации «мира 3» как имеющего вирусоподобную природу исследовать его функционирование и онтологический статус;
- 5) разработать модель «иммунитета» применительно к коммуникативному субъекту;
- 6) разработать модель «инфекционного» распространения знания и показать её плодотворность для решения стратегических задач анализа и прогнозирования динамики знания.

Теоретической и методологической основой исследования выступают концепции эволюционной эпистемологии (К. Поппер, Т. Кун, С. Тулмин), позволившие изучать рост и развитие знания, благодаря применению метафор из эволюционных теорий.

Для перенесения представления о вирусе в контекст эволюционной эпистемологии используется метод деконструкции Жака Деррида.

В целях разработки моделей распространения знания используются методы синергетики, теории графов и сетевой теории.

Научная новизна диссертационной работы определяется созданием подхода, теоретически обосновывающего аналогию между знанием и вирусом, и ее применение в контексте эволюционной эпистемологии.

Научная новизна диссертационного исследования может быть сформулирована следующим образом:

- проанализированы и систематизированы взгляды Терренса Дикона и Уильяма Берроуза в вопросе аналогии языка и вируса;
- реконструированы история и контекст возникновения вирусологии, показано что вирусология вводит новое – сетевое – представление об эпидемии;
- предложено новое решение вопроса о способе существования знания («Мира 3» в терминологии К. Поппера);
- разработаны коммуникационно-сетевые основы для анализа распространения знания.

Положения, выносимые на защиту:

1 Методологически оправдана аналогия между способами функционирования знания и вируса. Знание, равно как и вирус, зависимо от носителей, передаётся и распространяется от одного носителя к другому путём заражения, распространившись обретает форму сети, способно к самоорганизации и саморазвитию.

2 Аналогия между знанием и вирусом позволяет решить вопрос о способе существования знания наиболее реалистичным путём, учитывающим все способы хранения, воспроизведения и распространения.

3 Показаны параллели между моделью сопротивления индивидов и сообществ распространению знания и теорией иммунитета. Выделенные три

стратегии «иммунного взаимодействия» системы с новым знанием – «аллергия», «вакцинация» и игнорирование.

4 Проанализированы различные модели систем – сетевая, иерархическая, рыночная и ризоматическая. Показано, что наиболее эффективной моделью для анализа «инфекционных» процессов является ризома. Она позволяет принять во внимание важный принцип построения инфекционной сети – принцип «незначущего разрыва» («а-означающего разрыва»).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Выполненное в данной диссертационной работе исследование позволило теоретически обосновать аналогию между знанием и вирусом, дало возможность разработки детального и реалистичного взгляда на способ существования мира знания. Открыто новое поле для исследования – изучение особенностей мутации знания и прогнозирование его распространения с помощью методов математического моделирования.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается:

- адекватностью применяемых научно-методологических подходов к цели и задачам исследования;
- проведением научного исследования с опорой на междисциплинарный анализ;
- согласованностью выводов с существующими актуальными исследованиями в области социологии, нейрофизиологии, эволюционной эпистемологии, теории графов, теории сетей и синергетики;
- апробацией результатов исследования.

Апробация материалов исследования

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК:

1. Белоногов И.Н. Эпигенетика в эпистемологии // *Философия науки и техника* 2017. Т.22. № 2. С. 60-74.

2. Белоногов И.Н. Теория «Трех миров» Карла Поппера на пути к реализму. Онтологический статус «Третьего мира» // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* 2018. Т. 8, № 1(26). С. 199–205.

3. Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической // *Философия хозяйства.* 2018. № 3. С. 209—218.

4. Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания // *Философия хозяйства.* 2018. № 4. С. 193—206.

Статьи в периодических изданиях, включенных в международные базы цитирования, учитываемых ВАК:

1. Belonogov I.N., Budanov V.G., *Virological epistemology: five principles of knowledge-virus / 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2018, www.sgemsocial.org, SGEM2018 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-53-9 / ISSN 2367-5659, 26 August – 01 September, 2018, Vol 5, 733-740pp. (WOS)*

Публикации в других научных изданиях:

1. Белоногов И.Н. Место и роль философии в современном мире / Аспекты: Сборник статей по филос. Проблемам истории и современности: Вып. IX / Под. Ред. Гоноцкой Н.В., Ветушинского А.С. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2014. Стр. 325-346

2. Субкультурная МОВА: машина симуляции агрессии // Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / Под редакцией В.В. Савчука. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. С. 177-196. [коллективная монография]

3. Белоногов И.Н. Три уровня сознания / Субъект, сознание и познание в контексте современной философии и когнитивных наук / Под. Ред. Е.О. Труфановой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2017. с. 12-14

Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры Философии науки и техники и были представлены в форме докладов на международных и всероссийских конференциях:

1. Всероссийская научная конференция с международным участием «Компьютерные игры как способ конституирования социальной реальности» СПбГУ, Россия, 21-23 ноября 2014, Доклад «Субкультурная МОВА: машина симуляции агрессии» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ghysSVmRoD4&app=desktop>)

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, объем составляет 189 стр., список литературы – 137 наименований.

ГЛАВА 1. ВИРУСОЛОГИЯ КАК МЕТОД И КАК МЕТАФОРА

§1. Вирус и метафора

Тезис, которым определено и направляется данное исследование, представляет собой связку, некую эквиваленцию – «Слово – это вирус» (или «Язык – это вирус»). Но чем эта связка является? Метафорой или неким определением? Для лингвиста, нейрофизиолога и антрополога Терренса Дикона, язык является вирусом в метафорическом смысле. Для Уильяма Берроуза, писателя-экспериментатора, слово в буквальном смысле вирус. Потому, прежде чем рассмотреть причины, заставившие Терренса Дикона и Уильяма Берроуза связать понятия «языка» и «вируса» между собой, необходимо обратиться к оппозиции «метафора/буквальность», чтобы оценить возможность сближения их теорий.

Является ли вопрос о метафоре принадлежащим риторике? Должны ли мы обратиться к ней за разъяснениями? Но «каждый раз, когда некая риторика определяет метафору, она предполагает не только ту или иную философию, но и понятийную сеть, в которой была сформированная философия как таковая»¹⁰, замечает Жак Деррида в своей «Белой мифологии». Риторика или языкознание, как и любая другая наука, всегда находятся в пределах философии, всегда уже встроены в какую-либо философскую традицию. Именно поэтому нет никакой необходимости обращаться к риторике. Вопрос метафоры – это философский вопрос. Более того, покуда данное исследование является философским, любой использованный здесь подход или метод окажется перенесенным (подобно метафоре) в пространство философии.

Потому, опустим вопрос о том, какой из тропов – метафора, метонимия или синекдоха – является «первичным». Метафора – это перенос значения. Дословно «мета-фора» = «после-переноса». Деррида замечает, что всегда стоит говорить о

¹⁰ Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2012. Стр. 265

метафорах, во множественном числе, однако, быть может, проще и вернее будет обратиться к самому процессу метафоризации, что, во-первых, позволит точнее определить метафору как то, чем становится слово в результате переноса (в результате метафоризации); во-вторых, таким образом, пропадает необходимость задаваться вопросом о единичности/множественности метафор, ибо покуда речь идёт о процессе, что всякий раз возобновляется, стоит лишь возникнуть необходимости в метафоре, то множественность результата, тот факт, что метафор может быть столько, сколько угодно, этим автоматически подразумевается.

Рассматривая процесс метафоризации несложно увидеть, что речь идёт об изменении «собственного» значения слова на «переносное». Однако, и Деррида обращает на это внимание, ничто не мешает новому, «переносному» значению со временем стать «собственным», закрепившись и укоренившись. По этой же причине верно и обратное: «собственный» смысл слов так же оказывается поставлен под вопрос, ибо ничто не гарантирует того, что значение слова, которое представляется как «собственное» не было однажды «переносным». Лишь покуда метафоризация имеет место, или следы её еще различимы, можно провести это различие. Покуда это так, «переносное» значение обозначает новое значение, полученное в процессе метафоризации, и пока еще не укоренившееся, опознаваемое как новое, или, другими словами, пока его применение в новом контексте может вызвать удивление. Тогда, право на «собственное» значение слово получает благодаря традиции и расхожести употребления – лишь частое, ставшее привычным использование слова в определённом контексте, закрепляющее его значение, может быть причиной говорить здесь о «собственности», приняв во внимание, что «естественность» связи слова и значения держится на привычности употребления, а «прямым» смысл оказывает постольку, поскольку услышавшему слово не требуется «окольного пути», долгого размышления («плутания») для определения его значения. «Прямое» значение слова обозначает тогда краткость пути от одного к другому.

Это уточнение позволяет сделать следующий шаг и стереть различие между «научным понятием» и «метафорой» (а, следовательно, установить возможность перехода между концепциями «писателя» Берроуза и «учёного» Дикона (быть может, стоит так же обратить внимание на еще одну их «связь» - сходство: и тот и другой изучали антропологию в Гарварде)): «Не являются ли все метафоры, строго говоря, понятиями и есть ли смысл их противопоставлять? Не идет ли исправление, выполняемое научной критикой, скорее от неэффективного, плохо сконструированного понятия-тропа к операционному понятию-тропу, более тонкому и более действенному в данном поле и на определенной стадии научного процесса?»¹¹ - вопрошает Деррида, и тому имеются причины. То, что называется «научным понятием» нередко оказывается таковым в следствие метафоризации, и самым расхожим примером, к которому обращается и Деррида, является «понятие» «клетки» – известно, что ткани биологических организмов состоят из клеток, которые, в свою очередь, сами являются живыми организмами. Но до того, как слово «клетка» приобрело значение «наименьшая единица жизни, несущая гены и способная к обмену веществ, самопочинке и воспроизведению» имела место метафоризация: прежде чем слово «клетка» («cellule») получило своё место в контексте биологической теории, оно имело значение «ячейки» (что и подтолкнуло Роберта Гука к сравнению разделенной перегородками структуры, увиденной им под микроскопом при рассмотрении куска пробки, с пчелиными сотами, состоящими из ячеек), но так же и «кельи», «монашеской кельи». Таким образом, метафору от понятия отделяет именно контекст. Более того, когда наука пытается затушевать факт случившейся метафоризации, она оказывается мифом. Так, критикуя Ричарда Докинза с его концепцией «эгоистичного гена», Михаил Эпштейн замечает, что «по сути, «эгоистичный ген» даже не метафора, которая

¹¹ Деррида Ж. Белая мифология. Стр. 303

всегда признаёт свою условность, а миф, который притязает на полную правду и объяснение фактов»¹².

Но, в отличие от Докинза, Дикон открыто сообщает, что используемое им сравнение языка и вируса является некой метафоризацией, в то время как Берроуз утверждает, что говорит не о сравнении, но о «буквальном» определении. Исходя из вышесказанного, для детализации этого различия, необходимо обратить внимание на контекст и, в то же время, на сходства, устанавливаемые между «языком» и «вирусом» двумя исследователями.

1.1. Язык как паразит

Метафоричность, с одной стороны, заключается в различие контекста, но, с другой, метафора возможна за счёт сходств – общих признаков, наличие которых и легитимирует новое употребление слова. Потому, необходимо в первую очередь определить причины, по которым Терренс Дикон прибегает к метафоризации, и те признаки, общие для языка и вируса, что делают эту метафоризацию возможной.

Желая найти исток человеческого языка, исследователи нередко обращаются к устройству мозга, предполагая, что покуда язык создан людьми, его строение будет сходно с их мышлением. Однако, в таком случае игнорируется факт пластичности мозга и изменчивости мышления: несомненно, языки изменяются со временем (причем, не только лексика, но и грамматика), но не стоит забывать, что и мозг человека переструктурируется, в частности, при изучении языка - «Когда мать или отец читают, происходит изменение микроскопических структур их мозга. Они, в свою очередь, могут научить читать своих детей, и это уже изменит биологические структуры их мозга»¹³. Добавив к этому замечание, что «мировые

¹² Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. Стр. 299

¹³ Дойдж, Норман. Пластичность мозга: Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. – М.: Эксмо, 2010 Стр. 149

языки эволюционируют спонтанно»¹⁴, Терренс Дикон отказывается от концепций эволюции, предполагающих одностороннее влияние – либо предполагается, что языки изменяются, однако мышление и мозг остаются всё теми же, либо, эволюция языка объявляется следствием, исключительно следствием, изменений, произошедших в мышлении – в пользу идеи о ко-эволюции языка и мышления, постулирующей обоюдное влияние изменений языка и изменений мозга.

Для того, чтобы ввести представление о языке как полноправном участнике эволюции, как испытывающем влияние, так и влияющем на эволюцию мышления, но при этом, не существующем в отрыве от людей, он сравнивает язык с паразитом. Но такая метафора оказывается слишком грубой и неточной, ибо многие паразиты обладают телом и организмом, и, в случае с факультативными паразитами, могут существовать и в отрыве от хозяина, на котором они паразитируют. Потому, Дикон уточняет сравнение, сужая метафору до вируса – облигатного (неспособного существовать вне тела хозяина-носителя) не клеточного паразита: «Конечно, языки зависят исключительно от людей, и не являются отдельными физическими организмами, насыщенными собственными процессами метаболизма и репродуктивными системами. И, более того, их очень разнообразная форма затемняет глубокое сходство с живыми процессами. Гораздо лучше они могли бы быть уподоблены вирусам. Вирусы являются не совсем живыми, и к тому же тесно вплетены в сеть живых процессов. Вирусы находятся на пороговой границе между живым и не-живым, поскольку у них отсутствуют органы в любом привычном смысле, включая любые признаки метаболизма или репродуктивных систем. Они являются минимальными упакованными нитями ДНК или РНК, которым регулярно случается оказываться внедренными в клетки, которые ошибочно принимают их за собственные нуклеотиды и случайно реплицируют их основные

¹⁴ Deacon, Terrence William The symbolic species: the co-evolution of language and the brain Стр. 110

последовательности в протеины»¹⁵. Таким образом, выделяются определенные характеристики, общие для языка и вируса:

Во-первых, относительная автономия и, в тоже время, зависимость от носителя. Как и паразит, язык обладает определённой автономией от носителя, т.е. может существовать отдельно от человека – в виде записанных иероглифов, знаков, текстов – в словарях, книгах или аудио- и видеозаписях – и, одновременно, как паразит облигатный, он остаётся от этого носителя зависимым, поскольку отдельно от человека он не «живёт»¹⁶ (не углубляясь сейчас в тонкости определения «живого», наметим лишь некоторые, наиболее явные, признаки) – не изменяется и не «размножается» - так, облигатный паразит, лишенный хозяина, в лучшем случае, переходит в состояние анабиоза, а в худшем – погибает (точно так же и языки, лишенные носителя переходят в разряд «мертвых языков»).

Во-вторых, благодаря человеку язык размножается, передаваясь от одного носителя к другому, от родителей к детям, и, более того, сама функция языка в передаче (знаний или информации) и заключается, что и позволяет Берроузу с полным правом утверждать, что «слово, очевидно, обладает единственным отличительным признаком вируса: это организм, у которого нет иных внутренних функций, кроме воспроизводства»¹⁷ (и в этом Берроуз не одинок - «Беньямин формулирует понимание чистого языка как не имеющего внешнего содержания и субъекта, а передающего, прежде всего, собственную передаваемость. Язык

¹⁵ [Of course, languages are entirely dependent on humans, and are not separate physical organisms, replete with their own metabolic processes and reproductive systems. And yet their very different from obscure deep similarities to living processes. They might better be compared to viruses. Viruses are not quite alive, and yet are intimately a part of web of living processes. Viruses are on liminal border between the living and non-living because they lack organs in any normal sense, including any vestige of metabolic or reproductive systems. They are minimally packaged strings of DNA or RNA that regularly happen to get themselves insinuated into cells that mistake them for their own nucleotides and haphazardly replicate them and transcribe their base sequences into proteins] Deacon, Terrence William The symbolic species: the co-evolution of language and the brain Стр. 112 (перевод наш)

¹⁶ Вопросу о том, насколько метафорично здесь использование понятия «жизни» необходимо посвятить отдельный разговор, коему будет дано своё место и время

¹⁷ Берроуз У. Счетная машина. Стр. 85

сообщает себя в себе самом, выступая в качестве медиума сообщения»¹⁸ [«*всякий язык сообщает сам себя*»¹⁹])

В-третьих, и язык и вирусы являются системами, причем системами открытыми. «Слова и правила, что конституируют язык, это не просто части набора, они являются высокоорганизованными и взаимосвязанными как гены или органы в организме»²⁰. Отдельные слова не являются языком – язык, как устанавливает Ф. Соссюр в «Курсе общей лингвистики» является структурой, системой различий между фонемами, порождающей определенное значение слов. «Категории части и целого здесь изменяются – появляется идея системного качества, не сводимого к свойствам частей»²¹ Более того – слова оказываются бессмысленными вне контекста, что и позволяет называть язык «открытой системой» («открытые системы» значит «обменивающиеся веществом, энергией и информацией с окружающей средой»²²). То же верно и для вирусов – подстраиваясь под окружающую среду, вне её они просто не выживают – их свойства имеют смысл лишь в контексте.

В-четвёртых, и Дикон указывает это как главную причину, языки, как и вирусы, эволюционируют. Причем, речь здесь идёт не о линейной эволюции: развитие языка происходит одновременно по многим линиям – в рамках одного языка существуют диалекты, говоры и сленги, у которых, с одной стороны, возникают различные новые правила и слова, иногда сильно отличающие их друг от друга, и уводящие их развитие в совершенно противоположных направлениях,

¹⁸ Чубаров И. Перевод как опыт нечувственных уподоблений Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык / Логос 5–6 (84) 2011 Стр. 240

¹⁹ Беньямин В. О языке вообще и о языке человека / Учение о подобии... Стр. 7-26

²⁰ [the words and rules that constitute a language are not simply members of a collection, they are highly organized and interdependent as are the genes and organs of an organism.] Deacon, Terrence William The symbolic species: the co-evolution of language and the brain Стр. 113 (перевод наш)

²¹ Степин В.С. О философских основаниях синергетики

²² Там же.

с другой стороны, они всё еще обладают между собой «семейным сходством», позволяющим говорить здесь все же о диалектах одного определённого языка. Более того, именно открытие вирусов привело к введению представления о такой нелинейной эволюции: «После интеграции-экстракции в клетке вирус может уносить, из-за ошибки удаления, фрагменты РНК своего хозяина и помещать их в новые клетки — кстати, это основа того, что называем генной инженерией. Отсюда следует, что генетическая информация, присущая одному организму, может быть перенесена в другой благодаря вирусам. <...> в некоторых случаях мы были бы даже вынуждены заменить ретикулярные схемы (с коммуникацией между ветвями после их дифференциации) на схемы в форме кустарника или дерева, которые служат сегодня для репрезентации эволюции»²³

В-пятых, суммируя третий и четвертый пункты, можно утверждать, что и язык, и вирусы, являются саморегулирующимися системами (диссипативными структурами). Эволюция языка иногда приводит к появлению аномалий: «есть какой-то «языковой» фактор, направляющий язык вне зависимости от желания человека и учёных к определённым изменениям и отклонениям, воспринимаемым людьми как сбои в системе и исключения»²⁴; но, одновременно, существование определенных правил языка и дискурса, обеспечивает становление аномалий нормой, так, что, несмотря на появление нововведений или модификаций слов и грамматики, язык продолжает существовать и применяться. Таким образом, как и в случае с вирусом, отдельные мутации, даже «нежизнеспособные», не становятся фатальными для системы (или популяции) в целом.

²³ Christen, Yves. Le role des virus dans l'evolution // La Recherche, n° 54, mars 1975 (цит по. Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Стр. 18, сноска 4

²⁴ Некипелова И.М. Язык как уникальная открытая и саморазвивающаяся система [Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-unikalnaya-otkrytaya-i-samorazvivayuschayasya-sistema>]

Общее количество и строгость этих сходств приводит Дикона к выводу, что «это больше чем просто метафора»²⁵, т.е. за счёт уточнения значения «языка» и «вируса», определения сходств их характеристик, и, в конечном итоге, накопления этих сходств, «понятие-троп» (вирус-язык) становится «операционным», выражаясь словами Деррида, «более действенным в данном поле». Однако, несмотря на определённую точность сравнения, в нём участвуют еще два момента, так же предполагающие некоторую метафоризацию: 1) точка, в которой обнаруживается термин «жизнь», статус которого оказывается размыт, от чего возникает надобность определить его значение и смысл; 2) еще одна параллель – «ДНК»/«Текст» и «Ген»/«Слово» - правомерность которой требует анализа. И потому, прежде чем испытывать эквиваленцию «язык-вирус» на «буквальность», необходимо предпринять анализ того, каким образом термин «жизнь» пробегает по двум параллельным сериям: «ген-ДНК-вирус» и «слово-текст-язык».

1.2. «Жизнь» между ДНК и Словом

Согласно «Биологическому энциклопедическому словарю»²⁶ 1989 года, определения жизни сводимы к двум вариантам основания – субстрату и структуре. Однако, стоит рассмотреть первое определение, как становится понятно, что в «чистом» виде оно существовать не может. Во-первых, субстрат сам сводим к структуре – к молекулярной структуре и к атомной структуре. «Растительная душа – это не вещь; например, она не является одной из микроскопических подсистем, циркулирующих в цитоплазме клетки. Она есть принцип организации; это форма, а не материя»²⁷, как подмечает Дэниел Деннет, анализируя аристотелевское представление о Растительной душе. Во-вторых, даже в случае понимания жизни

²⁵ [that is more than just a metaphor] Deacon, Terrence William The symbolic species: the co-evolution of language and the brain Стр. 114 (перевод наш)

²⁶ Биологический энциклопедический словарь. / Гл. ред. М. С. Гиляров; Редкол.: А. А. Баев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 864 с., ил., 30 л. ил.

²⁷ Деннет Дэниел С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. Перевод с англ. А. Вертеникова. Под общ. Ред. Л.Б. Макеевой. – М.:Идея-Пресс, 2004. С. 31

как относящейся к белкам, согласно определению, данному Ф. Энгельсом («Жизнь есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого, является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка»²⁸) белки, в конечном итоге, являются принципом организации аминокислот, т.е. структурой. Хотя, речь не идёт об одном лишь субстрате/структуре, но в первую очередь, о процессе с ним связанном. «Жизнь» оказывается определённой структурой, способной к определённым процессам.

Так мы приходим к современному определению жизни: «жизнь – специфическая форма организации материи, характеризующаяся единством трех моментов: 1) наследственной программой, записанной в совокупности генов (геном), т.е. в соответствующих последовательностях нуклеотидов дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК); 2) обменом веществ, специфика которого определяется наследственной программой; 3) самовоспроизведением в соответствии с этой программой»²⁹. И здесь мы встречаем ту же связь, к которой добавляется лишь один момент (возникший с приходом кибернетики и информатики) – наследственная программа, т.е. информация. Форма, информация и процессы.

Вирусы вполне подходят под это описание: они состоят из «генетического материала – ДНК или РНК и защитной белковой оболочки»³⁰, тем самым, перенося информацию; но размножаться и расти они могут, лишь внедряясь в другие организмы, и именно тут и возникает главная проблема, заставляющая ученых говорить о них как о не «живых» в полном смысле слова, ибо «полный смысл»

²⁸ Диалектика природы. Ф.Энгельс. М., из-во Политической литературы, 1975.

²⁹ Жизнь / Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000—2001. — ISBN 5-244-00961-3.

³⁰ Натан В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий / Натан Вулф; пер. с англ. К. Тимониной. - Москва: АСТ, 2013. Стр. 30

слова «жизнь» предполагает самовоспроизведение. Именно в этой точке возникают разногласия – можно ли говорить о «само»-воспроизведении вируса, покуда воспроизвести себя, т.е. породить следующее поколение себе подобных, он может лишь при помощи других организмов? Здесь интересна ремарка, сделанная вирусологом Натаном Вульфом в качестве примечания - «Споры эти, по моему мнению, из области семантики и совершенно не существенны. Вирусы полностью зависят от других существ на всех стадиях своего жизненного цикла, но в этом они не отличаются от остальных форм жизни. Насколько я знаю, ни один живой организм не может существовать изолированно от других»³¹. Вопрос о «жизни», о «живости» вируса – это вопрос семантики, правомерности перенесения и использования слова «жизнь» по отношению к вирусам. И это, в конечном итоге, правомерно, ибо и человек, и любое другое живое существо зависят от других – от атмосферы земли, от питательных органических веществ (можно даже сказать, с цинизмом, но и с реализмом, «питательных органических существ» - ибо речь здесь о всё тех же белках, являющихся основой «жизни»), более того – от микробов, что участвуют во всех процессах жизнедеятельности человеческого организма. Стоит обратить на это внимание – клеток микробов в человеческом теле в десять раз больше чем «собственных», а те, в свою очередь «участвуют в фундаментальных жизненных процессах, включая пищеварение, иммунные реакции и даже поведение»³², добавив к этому тот факт, что 99% наших клеток – это гены микробов, становится очевидно, что процесс жизни человека, и любого другого существа, это не самостоятельный процесс, и самовоспроизведение, покуда для него требуется быть включенным в сеть взаимоотношений с окружающей средой и другими, так же связанными между собой организмами, является такой же метафорой: «[само]воспроизведение», и то лишь постольку, поскольку этот

³¹ Там же. Стр. 15

³² Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность. Стр. 12

процесс инициируется все же самим организмом, желающим реплицироваться (впрочем, вспомнив о понятии «инстинкта размножения», можно поставить под вопрос и факт осознанности этой инициации). Таким образом, даже в дискурсе науки мы имеем дело с метафорами – «жизнь», «само»-воспроизведение, «отдельный» организм – все эти термины оказываются не точны, но постоянно уточняемы, они находятся в постоянном развитии и изменении, и, конечно же, делают это будучи включенными в сеть взаимоотношений – между учёными, дисциплинами, всем тем, что зовётся «наукой».

Теперь, обращаясь к вопросу о ДНК и РНК, первом, после «формы», необходимым моментом понятия «жизнь», тот факт, что для их определения используется метафора (метафора «кода» и «языка») уже не должен вызвать удивления. Так, К.Х. Уоддингтон, рассказывая о границах применения теории информации в рассмотрении отношений генотипа и фенотипа, показывает, как на каждом шаге применяются аналогии из языкознания: «Состоящие из ДНК гены начинают действовать в качестве матриц, на которых синтезируются информационные РНК. При этом каждому нуклеотиду в ДНК точно соответствует определённый нуклеотид в РНК, а степень изменения не превосходит той, которая наблюдается при переходе от прямого шрифта к курсиву с использованием того же алфавита. В биологии это обычно называют *транскрипцией*» (курсив автора), «последовательность нуклеотидов в информационной РНК определяет соответствующую последовательность аминокислот в полипептидной цепи, т.е. в молекуле белка. Этот процесс, однако, сопряжен с более глубокими изменениями, и его можно сравнить с переходом от обычного алфавита к азбуке Морзе. В биологии его обычно называют *трансляцией*»³³, «Возможно, что клетки содержат множество структур, способных передавать информацию, но могут делать это лишь через посредство сложных субъединиц, которыми гены не всегда их

³³ К.Х. Уоддингтон Основные биологические концепции // На пути к теоретической биологии I. Прологомены / Издательство «Мир», Москва, 1970. Стр. 16

снабжают. Иначе говоря, они как бы способны манипулировать словами, но не умеют составлять требующиеся им слова из отдельных букв»³⁴ - во всех этих примерах явственно прослеживается аналогия между ДНК/РНК/белком и алфавитом/записью/шрифтами. Но основная связь, удерживающая эти две серии вместе, устанавливается за счет того, что и ДНК/РНК/белок и прямой шрифт/курсив/азбука Морзе – это различные формы передачи информации.

Но у этой аналогии есть границы, на которые Уоддингтон указывает в последствии, что позволяет, с точки зрения лингвистики и поэтики, говорить здесь не об аналогии как поэтическом тропе, но о метафоре. Но Уоддингтон лишь ставит метафору под вопрос, указывая на существование границы, но точно не определяя её. Определенной точности в этом вопросе достигают Делёз и Гватарри, делая замечание о том, что «генетическая линейность прежде всего пространственная», в то время как «вокальные знаки обладают темпоральной линейностью, и именно эта сверхлинейность задает их специфическую детерриторизацию, отличает их от генетической линейности»³⁵. Рассмотрим отмеченное различие: ДНК, РНК и белки являются «алгоритмами» (стоит отметить, что и Уоддингтон использует здесь кавычки), но их способ существования отличен от языка как речь – последовательности генов выстраиваются в цепочку в пространстве, предполагая «связь стык в стык», в то время как при разговоре, устной речи (как большой области того, что принято называть «языком»), слова выстраиваются в цепочку во времени, следуя друг за другом, но не «соприкасаясь». Таким образом, первое различие проходит между пространственной и временной протяженностью. Второе различие заключается в том, что «в языке не только выражение независимо от содержания, но и форма выражения независима от субстанции – перевод возможен потому, что одна и та же форма может переходить от одной субстанции к другой вопреки тому, что происходит в генетическом коде, например, между цепочками

³⁴ К.Х. Уоддингтон Основные биологические концепции. Стр. 25

³⁵ Делёз Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Стр. 104

РНК и ДНК»³⁶ - основная характеристика языка заключается в том, что слова как то, что производит смыслы независимы от того, как они написаны или кем произнесены: можно написать слово «жизнь» чернилами или карандашом, даже фломастером или мелком, на бумаге или стене, асфальте или даже на собственной коже, можно составить его из спичек или камней, в конечном итоге, произнести, с помощью речевого аппарата или через динамик компьютера – во всех этих случаях слово останется одним и тем же, хотя субстанции, материи, с помощью которых оно выражено, будут различаться; дела обстоят иначе в случае с генетическим кодом: здесь химические элементы, материя, является хранителем и переносчиком информации, «буквой» и «словом», т.е. способ выражения информации неотделим от её содержания – стоит изменить субстанцию (внести другие химические элементы) как изменится и информация (это будут уже другие гены, а значит и другие «алгоритмы»).

И всё же, несмотря на все условности, на всю метафоричность науки, в итоге все эти метафоры приносят свою пользу – они указывают на вполне определённые сходства, действительно имеющиеся между сравниваемыми объектами – гены переносят информацию, как это делают и слова; ДНК представляет собой алгоритм, так же как алгоритмом является грамматически верно построенное предложение. Несомненно, если, как это было сделано выше, привести все метафоры последовательно, может возникнуть ощущение, что наука (и, конечно же, философия) и все рассуждения, представляют собой определённую кашу из слов, но, в таком случае, стоит напомнить, что язык неточен по своей сути, он метафоричен, и связь между означающим и означаемым, между словом и тем, что оно обозначает, не является «естественной», но представляет собой результат (иногда не специально не оговариваемых) конвенций, а смысл слов никогда не является «собственным», но всегда «приданным». Значение слова связано с его

³⁶ Там же. Стр. 105

употреблением, как указал Витгенштейн, а передача смысла и информации – это, в первую очередь, практика.

Следует добавить к этому замечание, сделанное А.Е. Седовым в работе «Метафоры в генетике», о том, что «метафора - это редкое, неожиданное сочетание слов и смыслов. Если она удачна, то в описании увеличивается количество информации», а «подобную ассоциативную роль играют в живых организмах их важнейшие информационные структуры. Гены ключевых этапов развития организмов - "слова" в ДНК (если нуклеотиды сравнивать с буквами), каждое из которых имеет по несколько смыслов: считывание, то есть работа, такого гена на ранних стадиях развития как бы "связывает в единый букет" несколько весьма различных "сюжетов" - процессов формообразования организма, размножения и дифференцировки его клеток». Так метафора возникает не только как троп, но и как «понятие» в генетике – гены можно сравнить с метафорами, в плане их ассоциативной функции.

В свою очередь, вирус - являющийся, как было сказано выше, набором генов покрытых белковой оболочкой – оказывается ближе к языку, чем «генетическая последовательность», ведь он, будучи набором генов, переносит в зараженную клетку именно алгоритм самовоспроизведения, что тем более верно в отношении «ретровирусов», у которых «генетическая информация представлена в виде РНК, которая переводится в ДНК для того, чтобы встроиться в геном клетки хозяина. После этого вирусная ДНК начинает участвовать в жизненном цикле клетки, производя на свет новые вирусы»³⁷. Вирус - это ДНК или РНК, информация, содержание которой неотделимо от субстанции, но все же, главным здесь оказывается именно содержание – алгоритм, он отделяется от материи вируса, дабы перенестись на материю зараженной клетки, ибо та, теперь будет производить новые реплики вируса из своего собственного материала, в то время как вирус –

³⁷ Натан В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 57

это алгоритм, накладываемый на её материал, алгоритм производства алгоритма вируса.

С такого ракурса, утверждение Берроуза, что «язык есть буквальный вирус» [literally virus] оказывается вполне правомерным, будучи как вполне поэтической метафорой (ведь «буквальный вирус» можно понимать и как «вирус букв» или «вирус из букв», «буквенный вирус»), так и полноценным научным понятием (покуда любое научное понятие – это уточненная метафора, операциональный троп, служащий свою службу). Дабы уточнить этот вопрос о соотношении «анalogии» Дикона и «буквальности» Берроуза, рассмотрим ту точку, в которой их взгляды расходятся.

1.3. Два типа вирусов

Начнём определение контекста с того, что установим координаты: до этого разговор шёл преимущественно о генетике, но вирусология пересекает не только её – другая дисциплина, которая имеет отношение, при том, гораздо более тесное, к изучению вирусов – это эпигенетика. Их соотношение устанавливается через понятия генотипа и фенотипа. Генотип – это наследуемые признаки, т.е. совокупность генов, передаваемых от родителей детям. Генотип относится к отдельной особи, в то время как генофонд – к виду. Именно о генотипе и генофонде идёт речь, когда говорят о биологической эволюции. Это область генетики. Фенотип – это «результаты деятельности генов» или, «характер их реализации»³⁸, т.е. то, как изменяется организм, обладающий определённым генотипом, за время жизни. Фенотип устанавливается в отношении генотипа и окружающей среды. Вопросами фенотипических изменений занимается эпигенетика. Позиции Дикона и Берроуза, в свою очередь, иллюстрируют два способа, каким вирус соотносится с генотипом.

Для Дикона речь идёт о коэволюции. Механизм эволюции, в наиболее общем виде, можно разделить на три составляющие – естественный отбор,

³⁸ К.Х. Уоддингтон Основные биологические концепции. Стр. 18

наследственность и изменчивость. Под наследственностью предполагается, что часть генотипа родительской особи передастся потомку. Однако, генотип потомка будет так же и отличаться от родительского, что называется наследственной изменчивостью: гены двух родительских особей будут смешаны, и потомок получит часть генов от каждого. Другой механизм изменчивости – мутации, возникающие в связи с воздействиями окружающей среды. За счёт изменчивости возникает разнообразие генотипов – различные особи в пределах популяции. Тут в дело включается естественный отбор. Особи, чей генотип позволил им лучше всего адаптироваться к окружающей среде выживают, и передают свои гены потомкам. Те же особи, которым с генотипом повезло меньше, умирают. Так, в общих чертах, происходит эволюция.

Идея коэволюции предполагает, что несколько популяций делят одну территорию и оказываются друг для друга факторами окружающей среды – каждой из них приходится адаптироваться к другой. Это относится ко всем видам, но Дикон, представив язык как вирус, рассматривает именно это коэволюционное отношение – человека и языка. Покуда человеческое сообщество переходит на [прото]языковую коммуникацию, умение пользоваться языком становится фактором отбора – те особи, что пользуются им недостаточно умело, имеют меньше шансов на выживание (получают более низкий статус в обществе, погибают из-за ошибок в понимании и т.п.). Но, в первую очередь, более умелые в языковом плане особи получают больше шансов оставить [более обширное] потомство, вытесняя других из популяции. С «точки зрения» языка, окружающей средой становится сообщество людей. Главное отличие здесь в том, что в случае языка, как и вирусов, исключается изменчивость при рождении: здесь нет родительских особей, которые передают свои гены потомку, но есть заражение и ошибки при копировании. В остальном, ситуация схожа: некоторые слова, фразеологизмы или грамматические правила получают распространение и передаются следующему поколению, другие же забываются и перестают существовать. Таким образом, в случае коэволюции, изменения человеческой

популяции и изменения языка происходят не напрямую. Здесь имеются две параллельные линии развития, которые, реагируя друг на друга, эволюционируют во взаимном соотношении. В таком виде речь идёт о эпигенетическом влиянии.

Для Берроуза, речь идёт о прямом изменении генома: «слово в начале было вирусом, вызвавшим в организме хозяина «биологическую мутацию», которая передалась потомству на генетическом уровне. Есть теория, предполагающая, что обезьяны не разговаривают из-за строения гортани<...>подобная мутация изменила гортань»³⁹. Здесь речь идёт о другом свойстве вируса – внедряться в геном. Подобное случается, если речь идёт об эндогенных вирусах, которые встраиваются в геном носителя. «До тех пор, пока всё это происходит в соматических (неполовых) клетках, вирусная инфекция не становится наследственной. Но если ретровирусу удастся проникнуть в половые клетки, у него появляется шанс стать неотъемлемой частью хозяйского генома на долгие времена»⁴⁰. Именно такую ситуацию и предполагает Берроуз. Быть может, такой взгляд на язык как именно на эндогенный ретровирус, был избран Берроузом в связи с эпидемией СПИДА, бывшей на слуху в те годы⁴¹. Эндогенный вирус, передающийся половым путём – это случай, когда вирус действует на геном напрямую, тем самым задавая переход от эпигенетики к генетике – изменения, произошедшие в течение жизни приводят к изменениям, передающимся следующему поколению.

В этом вопросе, вопросе о происхождении языка, разница между взглядами Дикона и Берроуза, проходит между двумя взглядами на вид вируса – в одном случае, речь идёт о вирусе, передающемся лишь путём заражения, в другом – об эндогенном вирусе, передающемся половым путём. Но здесь так же важен и вопрос

³⁹ Одье, Д. Интервью с Уильямом Берроузом / Даниель Одье; пер. англ. Н. Абдуллина. – М.: АСТ: Астрель; Владимир. ВКТ. 2011 Стр. 12

⁴⁰ Марков А. Предки человека заимствовали полезные гены у вирусов
[URL:http://elementy.ru/novosti_nauki/430886/Predki_cheloveka_zaimstvovali_poleznye_geny_u_virusov]

⁴¹ О СПИДЕ и эндогенных вирусах см. Найт М. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий, глава 7

истока: для Дикона язык возникает как речевая деятельность, и лишь в последствии развивается и эволюционирует способом, аналогичным тому, как это делают вирусы, и оказывая влияние на геном лишь как следствие; по Берроузу, язык возникает в результате генной мутации, через вирус.

Впрочем, Берроуз в этом случае рассматривает только момент возникновения речевого аппарата. Более того, необходимо сразу обратить внимание на тот факт, что писатель Берроуз, в отличие от ученого Дикона, не ставит перед собой цель сформировать систему. И дело заключается не в художественной вольности, точнее, не только в ней – Берроуз осознанно отказывается от систематизации, так же как от субъективности и последовательности. «Он использует художественную литературу, чтобы разом расшатать и саботировать лингвистическое воспроизводство этих идентичностей и категорий»⁴². В данном случае, этот отказ от идентичности и систематизации, нежелание говорить о том же самом, проявляется в раздробленности теории вируса-языка. Как и его «книги», теория слова-вируса фрагментарна, т.е. она представляет собой нарезку из различных высказываний – как «художественных», так и вполне «научных». При этом, и система Дикона, и нарезка Берроуза остаются одинаково функциональными: Терренса Дикона занимает вопрос об отличии человеческого языка от способов коммуникации животных, для Берроуза же важен вопрос контроля. Но в связи с различными способами повествования, необходимо внести уточнения в методологию соотнесения двух данных теорий - дальнейшее исследование теории Берроуза будет построено на анализе различных высказываний Берроуза и вплетения их, по мере возможности, в структуру связующей их метафоры. Покуда вопрос об истоке языка является открытым, как для науки, так и для художественной выдумки, не станем на нём останавливаться и делать акцент на проявившемся в нём расхождении двух теорий.

⁴² Christopher Land «Apomorphic Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control / Ephemera: theory & politics in organization. 5(3): 450-471 [«He uses the medium of fiction to destabilize and disrupt the linguistic reproduction of such identities and categories altogether» перевод наш] Стр. 453

1.4. Письмо и буквальность

Следующее утверждение Уильяма Берроуза постулирует, что именно «письменное слово – это некий вирус, породивший слово устное», и именно «письменное слово - прерогатива человеческой речи»⁴³. Чтобы раскрыть значение этого тезиса, мы можем обратиться к Деррида, к его концепции архи-письма.

В первую очередь, укажем на близость взглядов Берроуза и Деррида цитатой из «О грамматиологии»: «абсолютная *инаковость* письма могла тем не менее извне воздействовать на живое слово, на его «*нутрь*», *изменять ее* <...> вторжение этой абсолютной условности определило саму сущность истории, затронуло внутреннее единство жизни и *в буквальном смысле слова заразило ее*»⁴⁴ (курсив – Ж.Д.). Как явствует из этих слов – речь здесь всё о том же заражении (и так же – в некоем «буквальном» смысле) речи письмом. Но в чём именно проявилось это заражение? Деррида, призывая голос Руссо, даёт на это ответ: «однако Руссо мог сказать, что “мы записываем голоса, а не звуки”, потому что голос отличается от звуков как раз тем, что дает возможность письма, а именно согласных, членораздельности <...> Членораздельность, которая замещает интонацию, - это (перво)начало различных языков»⁴⁵. Таким образом, мы получаем ответ на вопрос о том, в чём заключается первичность письма: членораздельность, артикуляция речи, в её отличии от звуков и криков, издаваемых животными, пронизывающая людскую речь и письмо, которая могла возникнуть лишь через необходимость записи, производства знаков, отдельных черт, что значит – прерывистых, ибо разрывы отделяют одни знаки от других (то, что Деррида называет «трещиной»). Но также и о том, что значит «буквальность» вируса, о которой говорит Берроуз: именно буквами был заражен человек, и тогда письмо – это буквальность. «Буквальность» здесь используется не

⁴³ Одье, Д. Интервью с Уильямом Берроузом Стр. 10

⁴⁴ Деррида Ж. О грамматиологии / Перевод с французского и вступительная статья Наталии Автономовой. – М.: Ad Marginem. 2000. Стр. 508-509

⁴⁵ Там же. Стр. 510

в «прямом смысле» (когда буквальность=прямой смысл), но в переносном, в метафорическом смысле – «буквальность» в этом, новом контексте, означает причастность к членораздельности букв. При этом, ничто не мешает нам увидеть в использовании слова «буквальность» в качестве замены словосочетания «прямой смысл» или «собственный смысл» так же метафору, которой вернули «коренное» значение отношения к буквам. Метафора – это не переход от «прямого смысла» к «переносному», но изменение функционального использования слова за счёт смены контекста. Следовательно, слова Берроуза о «буквальном вирусе» - это метафора, ставшая операциональным термином. Устный язык человека был буквально заражён членораздельностью, «буквальностью» или «буквенностью», пришедшей от письма.

Другое важное свойство письма – возможность хранения: «Животные разговаривают, но писать не умеют. Вот старая мудрая крыса, она все знает о ловушках и ядах, однако не может опубликовать в научно-популярном журнале статью «Смертельные уловки людей». Не может печатным текстом изложить ни тактику, ни стратегию групповой борьбы с собаками и хорьками»⁴⁶. Здесь важен тот факт, что записанные слова становятся вырванными из контекста – «устная произнесенная фраза, которая имеет значение только один раз и остается “уместной лишь в момент произнесения”, теряет своё место и свой смысл при записи»⁴⁷. Любая книга, любое записанное предложение или слово функционируют как метафора – они, будучи сохранены во времени, оказываются при каждом прочтении в другом контексте, отличном от того, в котором были написаны. В новом контексте они могут обрести и новые смыслы, и новую функцию. Будучи вырванными из контекста, слова отрываются от вещей. Тем самым, возникает то, что Деррида назвал различанием: животные отличают одну вещь от другой, но лишь люди отличают вещь от образа вещи. Слова, сказанные в ситуации, имеют

⁴⁶ Одьё Д. Интервью с Уильямом Берроузом Стр. 10

⁴⁷ Деррида Ж. О грамматологии Стр. 510

отношение к вещам: например, мы можем сказать «передай мне это» указывая на лопату, и тогда, в этой ситуации, слово «это» будет иметь смысл «лопата». Но, вне контекста, это же слово лишится смысла и «это» не будет значить ничего (или, что не менее верно, всё). Способ коммуникации животных крепко привязан к ситуации, звуки, издаваемые животными подобны знакам индексам в терминологии Пирса – звук, издаваемый животным при виде хищника сообщает его собратьям о ситуации постольку, поскольку они слышат крик, издаваемый при виде хищника. Так, письмо влияет на речь – теперь и разговор между людьми может идти о том, что произошло в другой ситуации в другом времени: в человеческой речи слово «пожар» может не иметь никакого отношения к происходящему – ничто не горит, но рассказывается история о «пожаре», произошедшем накануне, или достаточно давно, или он только может случиться, при неосторожном обращении с огнём. Человеческий язык, отделяет образ вещи от самой вещи, давая нам возможность говорить о том, чего в данный момент нет. Слово, связанное с образом и оторванное от контекста, открывает возможность метафоры – перенесения слова в новый контекст и наделения его смыслом. Таким образом, человеческий язык является по сути своей языком метафорическим.

В то же время, связь слова и образа оказывается закреплённой, так, что услышанное или прочитанное слово автоматически вызывает в сознании образ с ним связанный – стоит написать «жираф», как у каждого, кому это слово знакомо (что значит «у кого это слово связано с соответствующим образом»), при прочтении его возникнет в сознании образ жирафа. Это свойство человеческой речи – автоматически вызывать у слушателя или читателя ассоциированный со словом образ – интересует Берроуза как механизм контроля. С такого ракурса, мы оказываемся не властны над собственными мыслями. Всегда ли это верно? Всегда ли образ возникает при прочтении слова? Оставим эти вопросы для дальнейшего исследования. Обратим лишь внимание на то, что в этой точке – вопросе контроля и диктата, Берроуз сближается с теорией слова-порядка Делёза и Гваттари (более того, Делёз нередко обращается к берроузианским разработкам, в частности, к

теории контроля в «Post scriptum: общество контроля»). Исследователь теории организации Кристофер Лэнд, указывая на эту связь между теориями, замечает, что язык функционирует подобно вирусу именно потому, что он заражает [образом] того, кому слово сказано, вместо того, чтобы указывать на некое положение дел⁴⁸. «Язык не довольствуется тем, что идёт от первого ко второму (от того, кто видел, к тому, кто не видел), а с необходимостью движется от второго к третьему – причём ни тот, ни другой ничего не видели. Именно в этом смысле язык – это передача слова, функционирующего как слово-порядка, а не сообщение знака как информации»⁴⁹. Слово – это приказ постольку, поскольку оно, в первую очередь, воздействует, и только как следствие этого воздействия передаётся информация.

Потому, обратим теперь внимание на другое свойство слова - передачу. «Я развиваю теорию» - пишет Берроуз - «о том, что в электронной революции вирус – это миниатюрный набор слов и образов. Такие наборы могут передаваться подобно инфекции»⁵⁰. Первое, что необходимо уточнить – это вопрос передачи. Образ не передаётся подобно предмету, меняя своё место. Он не переходит из одного сознания в другое, но возникает в сознании слушателя (более того, образ в сознании слушателя может отличаться от образа в сознании говорящего). И здесь теория слова-вируса может послужить хорошим метафорическим ресурсом для объяснения коммуникации – «передача инфекции» означает «заражение». Заражение предполагает некое копирование – образ в сознании говорящего не передается слушателю, но у слушателя возникает второй образ, подобный первому (в данный момент, не будем рассматривать вопрос о том, насколько близко это подобие, и каков спектр возможных отличий, указав лишь, что сходство в понимании слов достигается за счёт практик, таких как стандартизированное

⁴⁸ Christopher Land Apomorphine Silence: Cutting-up Burrough's Theory of Language and Control. Глава «The Word is a Virus»

⁴⁹ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения Стр. 127

⁵⁰ Одьё Д. Интервью с Уильямом Берроузом Стр 14

обучение языку и терминологии, имеющее место во время воспитания в семье и учебных заведениях, т.е. за счёт того, что Фуко назвал «дисциплинарными практиками»). Впрочем, «копирование» не совсем верное слово, ведь речь идёт о неточных копиях. Именно такое производство неточных копий и имеет место при заражении: «Каждый раз, когда клетка делится, чтобы произвести на свет дочерние клетки, или, когда происходит репликация вируса, случаются ошибки. Это означает, что даже при отсутствии полового размножения, когда происходит перемешивание генов, потомки никогда не являются точной копией своих родителей»⁵¹. Слово – это вирус, а то, что за ним следует – определённое состояние тела и сознания у слушателя, возникший у него смысл – это «болезнь», проявляющаяся у каждого по-своему.

Исходя из этого уточнения – «заражение», а не «передача» - раскрывается второй пункт – при коммуникации происходит не просто обмен информации, но распространение. Покуда посредством слов происходит заражение идеями, эти идеи не столько циркулируют в обществе, сколько распространяются. В свою очередь, концепция распространения позволяет определить язык наиболее реалистически – «язык» - это не некая абстрактная система, висящая в теоретическом вакууме – он существует посредством распространения заражением – правила грамматики, слова и термины существуют в своих носителях и территориально распространяются. «Язык может определяться только всей совокупностью слов-порядка, имплицитных пресуппозиций или речевых актов, присутствующих в языке в данный момент»⁵². Язык - это не словари или учебники грамматики (они лишь гербарии, нечто подобное вирусному фонду, в котором собраны наиболее распространенные вирусы в данный момент), но сеть зараженных им. На различных территориях распространены свои, отличные от других, диалекты – штаммы языка-вируса. Школы, институты, семьи и журналы –

⁵¹ Вулф Н. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий Стр. 44

⁵² Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения Стр. 131

это точки распространения слов. Начинать изучение языка с установившейся системы, значит обращаться к следствию, закрывая глаза на его реальное функционирование.

Заражение - распространение – сеть. Таков мост от Берроуза к Дикону. Первый устанавливает метафору, обращая внимание на индивидуальное заражение, на воздействие и распространение; второй – на системные, эмерджентные свойства – саморегуляцию и эволюцию. Оба дополняют друг друга – мы можем рассматривать язык как автономный, поскольку он может влиять на людей помимо их воли. Метафора замыкается сама на себе – метафора Дикона переходит в метафору Берроуза, и за всем этим – метафоричный по своей сути язык-вирус, навязывающий свои правила и термины. Вопрос о метафоричности тезисов «язык-это вирус» и «слово – это вирус» мутирует в тезис «язык – это буквальная метафора», «метафора – это буквальный вирус». В довершение приведем цитату, довольно распространённое определение, данное Аристотелем в его «поэтике», с которой принято начинать любое исследование метафоры, позволив себе сделать небольшую, но вполне правомерную⁵³ замену: «Заражение - перенесение вируса с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии»⁵⁴.

1.5. К эволюционной вирусологической эпистемологии

Теперь, решив вопросы «семантики», необходимо вернуть определённую точность, показав, какие практические следствия открывает всё это «метафоризирование». И «метафора», покуда ею пронизан и весь язык в целом, и научный, наравне с философским, язык в частности, покуда она оказывается даже содержательным понятием генетической терминологии (ген как метафора), должна стать одной из путеводных нитей, наравне с двумя другими – «языком» и

⁵³ Мета-фора – греч. После переноса. Следовательно, покуда слово подобно вирусу, то, что происходит после переноса – это заражение.

⁵⁴ Аристотель. Поэтика. XXI / Перевод В. Г. Аппельрота под редакцией Ф. А. Петровского.

«вирусом». Чтобы окончательно превратить представление о языке как о вирусе в понятие, необходимо закрепить его значение внутри контекста. Потому, теперь необходимо обратиться к той дисциплине, которая уже использует понятия из генетики для своих нужд – к эволюционной эпистемологии.

В начале XX века в отношении научного знания возникло определённое сомнение: в силу того, что ньютоновская физика была дополнена физикой Эйнштейна, возник вопрос о прогрессе научного знания. Если одно научное представление сменяет другое, то каким образом возможно говорить о прогрессе и доверии к нему? Эти вопросы и вызвался решить Карл Поппер. Он встал на сторону фаллибилизма – презумпции сущностной не-истинности любого знания. Согласно этой точке зрения, никакие теории не являются истинными по своей сути, они лишь объясняют совокупность фактов. Та или иная теория претендует лишь на то, чтобы быть системой, объясняющей максимальное число фактов и наблюдений. Когда же возникают факты, которые теория объяснить не может, её либо модифицируют, либо отвергают.

Для того, чтобы говорить о знании, не смешивая его с другими явлениями, Поппер вводит концепцию трех «Миров»:

«Мир 1» – это «мир физических объектов или физических состояний», мир видимый и осязаемый.

«Мир 2» – это «мир состояний сознания», точнее, мир человеческого сознания, т.е. всего того, что существует лишь «в голове».

«Мир 3» – это «мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства», а также «теоретические системы», «проблемы и проблемные ситуации», «критические рассуждения и то, что может быть названо [...] состоянием

дискуссий или состоянием критических споров»⁵⁵, плюс содержание книг и журналов.

С момента своего возникновения, эволюционная эпистемология брала метафорические и методологические ресурсы у теории эволюции. Но, как замечает Г.Д. Левин, «попперовская теория третьего мира находится примерно на том же методологическом уровне, что и учение о наследственности во времена А. Левенгука»⁵⁶: «Эволюционной» эпистемологию Карла Поппера назвал Дональд Кэмпбелл, в силу того, что Поппер смотрел на эпистемологию «как на продукт биологической эволюции, а именно - дарвиновской эволюции путем естественного отбора»⁵⁷: учёные порождают различные теории, которые проходят критический отбор, и те из них, что оказываются ошибочными, отбрасываются, а их место занимают более приспособленные. В таком виде эволюционная эпистемология действительно сходна с теорией эволюции, как её сформулировал Чарльз Дарвин, но, вместе с тем, она переняла у неё и недостатки – у Поппера речь шла о неразложимой теории, которая либо целиком сохранялась, либо целиком отбрасывалась, подобно тому, как Дарвин считал особь основной единицей эволюции.

Потому, теория Поппера была раскритикована и переформулирована Имре Лакатосом, чья концепция носила название «утонченного фальсификационизма». Лакатос делал упор на защите и критике попперовской концепции и полемике с Томасом Куном, практически отказавшись от параллелей с дарвиновской теорией. Его главным вкладом стала идея о том, что теории, не прошедшие отбор, не отбрасываются полностью, ибо их содержание неоднородно – теория или,

⁵⁵ Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В. Н. Садовский. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 108

⁵⁶ Левин Г.Д. Проблема «Третьего мира» в эпистемологии / Эпистемология и философия науки т. 39. №1. 2014 Стр. 108

⁵⁷ Поппер Карл Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. / Составление Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57.

пользуясь терминологией самого Лакатоса, «исследовательская программа», состоит из «жесткого ядра» (фундаментальные допущения) и «предохранительного пояса» (выдвинутых на основе фундаментальных допущений гипотез). Именно гипотезы отбрасываются под напором критики, в то время как «ядро» теории сохраняется до последнего, и отбрасывается только в крайнем случае, в результате долгой полемики, упорной и серьёзно обоснованной критики.

Вместе с тем, и теория эволюции после Дарвина претерпела изменения. Первоначальная дарвиновская теория наследственности содержала, как минимум, одну неверную гипотезу – изменения, считал он, постепенно накапливаются, что в итоге приводит к изменению вида. Однако должно происходить прямо противоположное, ибо в процессе зачатия потомства участвуют две особи, а, следовательно, потомок будет получать лишь половину признака. Дарвин не смог разрешить эту проблему. Эта проблема была решена, причем уже через несколько лет после выхода «Происхождения видов путём естественного отбора», но её постановка и решение относились к другой дисциплине, возникшей и развившейся параллельно, вне связи с теорией эволюции. Решение дал Св. Томаш Грегор Мендель, монах, исследовавший растительные гибриды, сформулировав законы наследственности, впоследствии названные «Законами Менделя» и легшие в основание новой научной дисциплины – генетики. Именно «гибридизаторы-растениеводы сделали реальный шаг в понимании наследственности. Прежде всего, они поняли, что нет смысла говорить о наследственности вообще, в целом, чтобы что-то понять в наследственности, следует рассматривать наследование тех или иных отдельных свойств или признаков»⁵⁸. В результате, в первой половине XX века, на пересечении двух дисциплин – теории Дарвина и генетики – возникла «синтетическая теория эволюции». Именно из неё взял Тулмин понятие «популяции» (пришедшее на смену понятию «особь» как основной единице

⁵⁸ Никифоров А.Л. Философия и история науки – М.: Идея-Пресс, 2008 Стр. 161

эволюции) и представление о «форуме конкуренции» (т.е. об относительной изолированности как важнейшем условии для закрепления изменений).

Эволюционная эпистемология, так же, как и синтетическая теория эволюции, является междисциплинарным образованием в силу ее возникновения из схождения различных научных и философских дисциплин. Также, благодаря обращению к истории, мы можем постулировать, что Стивен Тулмин произвёл необходимое понятийное обновление эволюционной эпистемологии, при этом оставшись верным попперовскому пути к сближению эпистемологии и эволюционной теории. Хотя Тулмин и не использует понятие «3-го мира», «играющего такую важную роль в рассуждениях К.Поппера и Имре Лакатоса»⁵⁹, находя его неудовлетворительным, однако и не отказывается от него. Вместо этого, он призывает расширить это понятие, включив в его содержание «и практику науки помимо ее высказываний, выводов, терминов и “истин”». Потому, благодаря реконструированному нами параллельному развитию эпистемологии и эволюционной теории, становится виден явный прогресс эволюционной эпистемологии от Поппера к Тулмину.

Продолжая эту параллель, мы и вводим метафору «слова-вируса» в эпистемологию. Эволюционная эпистемология пользовалась метафорами генетики, и речь в ней шла лишь об уже устоявшихся образованиях, в связи с чем, теория «Трёх миров» постоянно находилась под напором критики. Наиболее «слабыми» местами этой теории оказывались вопросы способа существования «Мира 3», и как следствие - его объективность и автономия. С одной стороны, теории действительно являются тем, что способно пережить своего создателя; с другой, они все же оказываются зависимы от существования тех, кто будет им привержен. Для того, чтобы сохранить фактор объективности за «Миром 3», Карл Поппер настаивал на его автономии от мира человеческого сознания. И все же, этой

⁵⁹ Тулмин. Ст. История, практика и “третий мир” (трудности методологии Лакатоса) // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей – М.: ИФ РАН, 1999.

автономии всегда мешал тот факт, что записи, как долго бы они не просуществовали в физическом мире, будут производить знание лишь при наличии того, кто сможет их прочесть. Мир текста может существовать лишь благодаря живым людям. Проблема здесь заключается в ограниченности метафорических ресурсов эпистемологии – будучи привязана к генетическим терминам, эпистемология оказывается абстрагирована от индивидов, из которых, в конечном итоге и состоит научное сообщество, поддерживающее, в свою очередь, существование «объективного научного знания».

Уйти от этих ограничений возможно и без отказа от метафоры, что сопутствовала эпистемологии с момента её появления. Наоборот, углубив параллель с эволюционной теорией, доведя её до современного состояния, можно решить все затруднения, что так долго имели место. Помимо генетики, в 40-х годах XX века возникла новая дисциплина — эпигенетика, занимающаяся вопросами изменений организма, происходящих в процессе его жизнедеятельности. Но сами по себе две эти дисциплины, хотя и существуют в отношении друг к другу, но оказываются строго разделены: все, что связано с передачей из поколения в поколение относится к генетике, к генотипу и генофонду, в то время как эпигенетика изучает изменения, что возникают в процессе жизни организма, но следующим поколением не наследуются. Однако другая дисциплина - вирусология – охватывает и вопросы генетики (покуда вирусы встраиваются в геном или, как в случае с эндогенными ретровирусами, даже в репродуктивную систему, после чего становятся наследуемыми), и эпигенетики (покуда влияют на иммунитет и функционирование организма носителя за время его жизни), и эволюционной теории (вирусы мутируют чаще кого бы то ни было). Потому, перенесение уже разработанной Терренсом Диконом и Уильямом Берроузом вирусологической метафоры представляется не просто удачным ходом, но жизненно важным для эволюционной эпистемологии шагом, полностью соответствующим самому её духу и традиции.

Выводы к §1 главы 1

В данном параграфе была проанализирована концепция метафоры и её применение в науке и философии. На основании этого анализа было исследовано использование понятия «вирус» как метафоры, применяемой к представлению о способе существования языка, в концепциях Уильяма Берроуза и Терренса Дикона.

Показано, что Берроуз выделяет дистрибутивные свойства – свойства, которыми обладает каждый элемент системы в отдельности, а Дикон делает акцент на системных свойствах. Таким образом, две эти концепции связываются в единый подход и выделяются основные принципы функционирования, имеющиеся как у «вирусов», так и у «языка»: зависимость от носителя, заражение, распространение, сетевая природа и самоорганизация.

Путём реконструкции истории развития эволюционной эпистемологии от Карла Поппера до Стивена Тулмина, показана её тесная связь с синтетической теорией эволюции, как основным метафорическим ресурсом. Поскольку вирусная теория находится на пересечении генетики и эпигенетики, обращение к ней как к новому метафорическому ресурсу не только вполне соответствует устоявшейся традиции, но и позволяет открыть для эволюционной эпистемологии новое поле исследования – изучение динамики знания в рамках одного поколения. Таким образом легитимируется перенос метафоры «языка-вируса» в контекст эволюционной эпистемологии.

§2. История вирусологии

Вирусология - это нечто гораздо большее, нежели новая наука. Это новая логика, изменившая общество, начиная с его оснований. Но в то же время, её нельзя сводить к факту «социальной перестройки», как это делает Бруно Латур в его книге, посвященной Пастеру. Факт того, что вирусология возникла отдельно от микробиологии и эпидемиологии, указывает на то, что помимо чисто «социальных», имелись и другие, «эпистемологические», причины того, что речь здесь идёт не просто о теории, связанной с практикой, но об образовании масштаба цельного мировоззрения, целой эпистемы, со своим ядром аксиом — инфекционные агенты распространяющиеся путём заражения и вызывающие болезни и эпидемии — и со своим поясом защитных теорий — опровержение гипотезы о самозарождении жизни, представление о вирулентности, которую можно изменять, мутации и эволюция. Логика вирусов, не-человеческих акторов, инфекции, заражения, ко-эволюции, эпидемии — это, в конечном итоге, логика современности. И именно с этим связана необходимость выделить её, чтобы в дальнейшем применить в рамках философии науки.

Потому, во втором параграфе первой главы рассмотрим историю микробиологии и эпидемиологии, чтобы увидеть причины, по которым вирусология возникла лишь в XVIII веке, дабы затем, выделить её как особую логику.

2.1. Миазмы и контагии

Эпидемиология зарождается в русле микробиологии. Их совместную историю можно вести от Гиппократ (460-377 гг. до н.э.) и его книги «Семь книг об эпидемиях». Эвристический период — так называют это время в истории микробиологии, и охватывает он практически два тысячелетия — с IV-III века до н.э. до XVI в. н. э. Гиппократ ввёл понятия эпидемической конституции мест и лет — территорий и периодов, отмеченных высоким риском возникновения эпидемий. Задав тем самым основы медицинской географии, он так же предложил гипотезу, согласно которой «болезни распространяются посредством «миазмов», или

«дурного воздуха», наподобие того, который исходит от разлагающихся тел или от болот»⁶⁰. Проникновение болезни в тело человека связывалось с вдыханием им «миазмов», потому эта гипотеза получила название «миазматической».

Соперницей миазматической гипотезы была контагиозная гипотеза: философ и врач Абу Али ибн-Сина (980-1037 гг.), вошедший в западную историю философии как Авиценна, в своем труде «Канон врачебной науки», обратив внимание на заразность оспы, выдвинул предположение о том, что заболевания вызываются невидимыми мелкими живыми существами, передаваемыми через воздух и воду. В дальнейшем, контагиозную гипотезу разработал венецианский врач, писатель и исследователь в области медицины Джироламо Фракасторо (1478-1553 гг.), который систематизировал теорию болезнетворных микроорганизмов, создав цельное учение. Причину заболеваний он видел в «живом контагии» (*contagium vivum*), а каждый контагий был ответственен за свою болезнь. Д. Фракасторо даже разработал ряд мер для предохранения от болезней, такие как изоляция больного, карантин, ношение масок. Но не имея технических средств, он не смог безоговорочно доказать свою теорию, и та просуществовала в виде занимательной гипотезы вплоть до того, как 24 апреля 1676 года, в своём письме Лондонскому Королевскому обществу Антони Левенгук сообщил, что, рассматривая каплю воды под микроскопом, обнаружил микроскопических «животных», что ознаменовало начало морфологического периода в микробиологии.

Голландец Антони Левенгук (1632-1723 гг.), был торговцем полотном, увлекавшимся, к тому же, шлифованием стёкол. Обретя мастерство в этом ремесле, он сконструировал микроскоп, позволявший увеличивать рассматриваемые предметы в 300 раз. Среди рассмотренных им предметов были, в том числе, дождевая вода, кровь, испражнения, сперма и зубной налёт, на которых ему

⁶⁰ Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность / Роб Найт; пер. с англ. Е. Валкина. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2015 Стр. 87

удалось наблюдать неких мельчайших животных, получивших от него имя «анималькулюсы». Он так же «сумел показать, что определённые микробы ассоциируются с определенными заболеваниями, и дал описания организма, который в дальнейшем был распознан как лямблия (*Giardia*)»⁶¹. В 1695 году, Левенгук выпустил книгу под названием «Тайны природы, открытые Антони Левенгуком». Несмотря на то, что он, как и Пастер показывал свои эксперименты всем желающим, среди которых даже числится Петр I, посетивший его в 1698 г., «анималькулюсы» на долгое время остаются в роли «удивительных животных». Но что было причиной подобного пренебрежения?

Быть может, открытие Левенгука не получило распространения в связи с техническими трудностями: «во-первых, при том уровне увеличения, который он использовал, было трудно отличить одних микробов от других. Во-вторых, Левенгук, может быть, и давал кому-то заглянуть в свои микроскопы, но он не продавал их и никому не открывал секрета изготовления самых сильных на то время в мире линз, который так и унёс с собой в могилу»⁶². Но в этом плане «анималькулюсы» ничем не отличаются от «микробов»: «когда в 1880-х годах Пастер делает первые прививки, он еще не выделил, не обнаружил никакого вируса – он только предполагает его, описывая как невидимый микроб»⁶³. То, что изменилось за почти двести лет, отделяющих одно открытие от другого, связано вовсе не с техническими новшествами, будто бы сделавшими невидимые ранее акторы видимыми. То, что изменилось – это правила медицинского дискурса. Оставаясь «невидимыми», «микробы», к концу XIX века, смогли претендовать на то, чтобы рассматриваться как возможные причины болезни. Дабы разобраться в этом вопросе, обратимся к работе Мишеля Фуко «Рождение клиники», в которой

⁶¹ Там же. Стр. 88

⁶² Там же. Стр. 89

⁶³ Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм /Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под редакцией Елены Петровской. [вып. 15]. М.: «Три квадрата», 2010 Стр. 38

он рассматривает конфигурацию медицинского знания в период от XVIII века до XIX.

2.2. Рождение эпидемиологии

«В этой книге идет речь о проблеме пространства, языка и смерти, проблеме взгляда»⁶⁴ - так определяет Фуко тему своей работы. Пространство, о котором будет идти речь – это пространство представления, существующее у причастных к медицинской практике. Пространство, в котором обитают непредставимые болезни, где они архивируются и соотносятся. Взгляд – это то, что видит врач, и как он должен видеть, чтобы мочь распознать болезнь. Вопрос языка – это вопрос не только терминологии, но правил и самой схемы того, каким мир будет представляться. Последний вопрос - вопрос смерти - на некоторое время оставим не раскрытым, чтобы вернуться к нему в процессе пересказа.

Медицину XVIII века Фуко определил, как типологическую. Её рассмотрение мы начнём с той точки, где врач опознаёт первые признаки болезни, потом перейдем к тому, как выстраивалось пространство болезни, внутри которого её только и можно было представить взгляду, и после рассмотрим инстанцию «протоклиники», еще не ставшую в тот период самостоятельным явлением.

«В медицинской традиции XVIII века болезнь презентует себя наблюдателю в виде симптомов и знаков. Одни отличаются от других по их семантической ценности в той же степени, как по их морфологии. Симптом — отсюда его господствующее положение — есть форма, в которой проявляет себя болезнь... Симптомы позволяют сделать прозрачным неизменный, немного отстраненный, видимый и невидимый лик болезни»⁶⁵. Симптом - это нечто, воспринимаемое врачом, нечто, что он либо определил сам «своими глазами» или то, что поведал ему больной. Симптом несет в себе информацию о патологическом состоянии, определявшимся по отношению к здоровью; болезненной сущности,

⁶⁴ Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект (Психологические технологии), 2010. Стр. 6

⁶⁵ Фуко М. Рождение клиники Стр. 115

которую отличают определённые симптомы; и ближайшую причину, т.е. симптом как событие болезни. Покуда все болезни есть лишь отклонение от *одного* единого образа здоровья, отдельный индивид не принимается во внимание, он лишь искажает ясность отношений симптома-отклонения от идеального здоровья.

«Знак объявляет: прогностический — то, что вскоре произойдет; анамнестический — то, что произошло; диагностический — то, что происходит в данный момент... Он не дается знанию; самое большее — то, что, начиная с него, возможно наметить обследование. Обследование, которое наугад перемещается в пространстве скрытого... В дополнение знак обнажает время... В нем вопрошается об исходе, о жизни и смерти, о времени, а не о неподвижной истине, истине данной и скрытой, которую симптомы устанавливают в своей прозрачности феноменов»⁶⁶. Деление на знак и симптом повторяет деление на «историческое» и «философское» знание: «историческое» знание такого, что описывает болезнь по её симптомам, «философское» же ищет причины болезненного состояния. В силу недостатка знания, симптом оказывается прямым представителем болезни, он есть то, что её представляет в её истине, что может явиться взгляду врача в виде тела больного. Знак не говорит о болезни, болезнь существует лишь в настоящем, перед взглядом, у неё еще нет времени, и время, на которое указывает знак — это множество возможностей, имевших место ранее, но не связанные с болезнью *точностью* и *необходимостью*.

Связь симптомов с болезнью поддерживается через промежуточное пространство *таблицы*: не имеющие временной перспективы болезни, явленные как симптомы, встреченные во врачебной практике, соотносятся друг с другом по аналогии, по сходству. Аналогичные симптомы, аналогичные комбинации симптомов — вот то, из чего состоит болезнь как она представлялась в XVIII веке, и через что она представляется, будучи вынесенной на поверхность таблицы. «В плоском гомогенном неметрическом мире сущность болезни существует там, где

⁶⁶ Там же. Стр. 116

есть избыток аналогии»⁶⁷. В этом плане медицинский метод держался в русле времени, эпохи аналогий, ибо все знание того времени с необходимостью представлялось через таблицы, таксономии, построенные по методу аналогий. Потому работа по установке сходств рассматривалась как проникновение в природу и суть болезни. По этой же причине, хотя «микробиология» Левенгука не смогла сразу влиться в русло медицины, она продолжила существовать в качестве нозологической дисциплины, собирающей данные о различных видах микроорганизмов.

Типы, выделяемые посредством этой теоретической машины, оказываются одновременно как идеальными, так и природными. Природными постольку, поскольку именно в таком виде природа давалась знанию в тот период. Идеальными - ибо болезнь никогда не даётся в том очищенном операциями виде, всегда «искажаясь» в теле больного. Потому, задача врача состояла в том, чтобы максимально верно абстрагироваться от тела больного. Поскольку болезнь определялась относительно здорового состояния, то и взгляд врача должен был обращать внимание на отклонения, разрывы, внесённые в нормальное состояние, а вовсе не на пациента. «Пространство тела и пространство болезни обладают свободой скольжения относительно друг друга»⁶⁸, болезнь существует в одном пространстве (представления), а тело больного в другом. Но всё же они коммуницируют – болезнь опознаётся посредством качеств и вылавливается на теле, разделенном на сектора. Потому, без взгляда, опознающего в теле болезнь, не существует и самой болезни. Но нет и болезни вне тела, покуда болезнь представляется как связанные в сеть симптомы, а те, в свою очередь, как опознанные врачом признаки, отличающие воспринимаемое им тело от здорового. Абстрагированная, «идеальная» болезнь всё еще остаётся набором очевидных телесных проявлений. Болезнь, не связанная с телом, была просто непредставима.

⁶⁷ Там же. Стр. 23

⁶⁸ Там же. Стр. 26

В таком контексте, представление о «микробе», даже увиденном в микроскопе, не имеет для медицины никакого смысла.

В 1736 году выходит в свет «Конституция» Сиденхема, в которой он «пришел к заключению, что может существовать историческое и географическое представление о болезни»⁶⁹. Это представление не отсылает напрямую к болезни, но представляет собой комплекс природных условий. Необходимость подобного взгляда принесли бушующие эпидемии. Конституция не говорит об эпидемии, но те события, занимающие пространство эпидемии, что повторяются чаще других, события сходные и аналогичные, которые можно приписать «ядру» эпидемии, представляют собой то, что названо конституцией. «Нет различия в природе или типе между индивидуальными болезнями и эпидемическими феноменами, достаточно того, что спорадическое заболевание воспроизводится одновременно в большом количестве случаев, чтобы это стало эпидемией»⁷⁰ - здесь уже вопрос не о качественных различиях, но о чисто количественных. Не тип болезни определял эпидемию, но «ядро обстоятельств. Основание эпидемии — это не чума или катар; это Марсель в 1721-м, Бисетр — в 1780-м, Руан — в 1769 году»⁷¹. Поскольку постановка вопроса об эпидемии исходила из географических и исторических обстоятельств, постольку важна была не её причина («Эпидемия сможет рассматриваться как случайное»), а значит и вопрос о заражении не ставился⁷². Эпидемия рассматривалась как то, за чем необходимо наблюдать, для чего «в каждом финансовом округе врач и несколько хирургов обязывались интендантом следить за эпидемиями, могущими происходить в их кантоне». Наблюдение за

⁶⁹ Там же. Стр. 39

⁷⁰ Там же. Стр. 40

⁷¹ Там же. Стр. 40

⁷² Впрочем, в Санкт-Петербурге, в 1792 выходит «Краткое описание микроскопических исследований о существе яда язвенного», написанное Данило Самойловичем (1746—1805), который, чтобы доказать, что чума переносится возбудителем заразил себя отделяемым бубона больного чумой человека и заболел чумой, но выжил. Подобный шаг был скорее не институциональным, но локальным – вопрос о чуме возник в связи с её эпидемией в Москве 1770-1771 годов.

эпидемией требовало множественного наблюдателя, возможности охватить измерениями район или область. Эта институциональная мера повлекла за собой ряд социальных и политических последствий, ибо феномен масштаба эпидемии не мог быть доверен одному, принадлежащему лишь к медицине, надсмотрщику. «Необходимо было создать корпус санитарных инспекторов, которых следовало распределить по различным провинциям, доверив каждому очерчиваемый департамент, где он должен вести наблюдения в областях, касающихся медицины, а также физики, химии, естественной истории, топографии, астрономии. Они должны были предписывать необходимые меры и контролировать работу врачей»⁷³.

Таким образом, эпидемиология возникла в обход микробиологии, с другого конца: медицинское пространство обратилось к социальному, и в нём нашло свой новый метод: «Хотезьерк <...>предложил для врачей и военных хирургов план коллективной работы, включавший четыре параллельные и неограниченные серии: топографические исследования (местные условия, почва, вода, воздух, общество, темперамент обитателей), метеорологические наблюдения (давление, температура, направление ветра), анализ эпидемий, преобладающих болезней, описание необычных случаев»⁷⁴. Пространство эпидемиологии возникает, идя от большого к меньшему – сначала структура социальных мер, «анализ серий через случай, расшифровка одного типа в другом, объединение времени при эпидемии, определение иерархического места в типологическом случае, установление последовательности»⁷⁵, метод, отличный от типологического, и, в конечном итоге, не имеющий дело с существом болезни, но со статистическими данными. Эпидемиология рассматривает не болезнь, а случаи заболевания в связи со временем и местом. Отсутствие интереса к вопросу возникновения болезни связано

⁷³ Фуко М. Рождение клиники Стр. 44

⁷⁴ Там же. Стр. 46

⁷⁵ Там же. Стр. 44

с тем, что в эпидемиологии давно и прочно установилась миазматическая гипотеза. В своём объяснении причин эпидемии «болезнетворными веществами» возникающими в земле, воде или в воздухе, она вторила самому духу эпидемиологического метода, основанного на географии и статистике. Эпидемия, как и болезнь – это сумма видимых событий, повторяющихся на определенном участке территории.

После встречи с явлением эпидемии, медицинское знание видоизменяется; идёт движение по распространению медицинского знания, ибо возникает необходимость в просвещении населения, за счёт чего только и возможно было создать биогеополитическое тело, способное на противоэпидемические манёвры. В связи с подобным распространением влияния медицины, возникает необходимость в установлении политического статуса медицины, в связи с чем удваивается сама структура медицинской практики, надстраиваясь и контролируя сама себя, тем самым возникает движение к централизации знания.

В связи с включением в более широкую область социального и политического, медицине отныне придётся производить знание не только о болезни, но и представлении не больного человека, идеального человека и образа здоровья. Что представляли собой Фигуры «здоровья, целомудрия и счастья»? : «перемежать работу празднествами, превозносить разумные страсти, надзирать за чтением и за нравственностью спектаклей, следить за тем, чтобы браки заключались не из одной только выгоды или преходящего увлечения, но основывались на единственном жестком условии счастья, которое служит пользе государства»⁷⁶. Именно отсюда берет начало противопоставление Здоровья и Богатства, упоминаемое Латуром как один из рычагов, использованных пастерианцами для достижения собственных целей.

В связи с новым статусом и задачами, возникает необходимость профессиональной подготовки медицинских кадров и очерчивания поля

⁷⁶ Там же. Стр. 54

деятельности институций. По странному (ждущему, возможно, своего исследования) совпадению, медицине «нужно было создать совершенно открытое поле медицинского опыта, с тем чтобы естественная потребность в типологии могла в нем проявиться без остатка и путаницы; требовалось, чтобы оно в достаточной мере было представлено в своей целостности и объединенности, позволяя сформироваться верному, исчерпывающему и постоянному знанию о здоровье населения. Это поле, восстановленное в своей исходной истинности и обозреваемое взглядом во всей своей полноте без преград и искажений, аналогично, как минимум в своих первых формулировках, скрытой геометрии социального пространства, о которой мечтала Революция: однородная конфигурация, устанавливающая в каждой из своих частей ансамбль эквивалентных чувствительных точек, способных поддерживать в своей совокупности постоянные связи; пространство свободного передвижения, где связь частей с целым может быть всегда транспонируема и обратима»⁷⁷. Для создания подобного пространства, Тенон⁷⁸ предложил структурировать помещения больниц двумя способами: образовательному – одна больница под один вид заболевания, и распределительному – разделение пространства одной больницы на различные сектора по заболеваниям. Таким образом, пространство таблицы накладывалось на реальное пространство больниц.

Однако, в августе 1791 года все эти меры оказываются стёрты в движении Революции. И лишь 1805 году начинается обратное движение к восстановлению структуры медицинской институции. Она изменяет акценты, и теперь клиника, бывшая в XVIII веке лишь маргинальным отростком больницы, где в ту эпоху знание не создавалось, но лишь использовалось, оказывается тем местом, где новая модель исследования, предполагающая бесконечное число случаев, из которых

⁷⁷ Там же. Стр. 57

⁷⁸ Tenon, *Memoires sur les hopitaux* (Paris, 1788), p. 359.

путём вычитания различий приходят к уточнению, приходится кстати. Пространство таблицы переносится на пространство клиники.

Движение институализации задаёт новый статус врача как фигуры некой компетенции. Таким образом, таблица, бывшая хранилищем знаний, растворяется в расчерченном пространстве клиники и знаниях врача. Теперь взгляд врача направлен напрямую на тело. В связи с этой реструктуризацией изменяется и пространство, в котором существует и проявляет себя болезнь. Оппозиция симптома и знака сменяется оппозицией знака и феномена, где феномен – это пространство реального тела, а знак – феномен, прошедший интерпретацию под взглядом врача. Здесь нет необходимости в словах, ибо взгляд врача уже читает феномены как знаки. В связи с этой материальной актуализацией болезни, отпадает необходимость в существовании самой патологической сущности. Болезнь теперь и есть само множество симптомов. Больше не болезнь, проникшая в тело, но тело, ставшее больным.

В 1827 выходит трактат о мембранах, переносящий всё внимание на ткани и их виды, которых насчитывается 21. «Органы появляются между тканями и системами как простые функциональные извивы, целиком относительные в их роли или их расстройствах, в элементах, их образующих, и в совокупностях, в которые они включены. Необходимо анализировать их плотность и проецировать ее на две поверхности: частную — их мембран и общую — их систем»⁷⁹. Необходимость видеть болезнь одновременно в теле, как нарушение работы тканей и как хронологическую череду событий, заставляет видеть болезнь в перспективе. Болезнь перестаёт быть плоской, расположенной на плоскости сети признаков, теперь она есть процесс, происходящий в теле.

Поскольку болезнь узнавалась в теле, то и знание о ней могло возникнуть лишь через манипуляции с телом. Единственный путь узнать о внутреннем пространстве тела - это вскрыть его. Следовательно, королевским путём к

⁷⁹ М. Фуко. Рождение клиники. Стр. 159

подобному знанию становится патологоанатомический метод. Путём вскрытия трупов узнают о состоянии тела в разные периоды болезни. Болезнь в такой модели работает в связке с пониманием смерти. Болезнь – функционирование тела в сторону к смерти. Она, будучи конечным итогом, становится начальной точкой понимания болезни. Процесс заболевания, скрывающийся в органах, становится видим в своей финальной стадии. Болезнь в XIX веке обретает временное измерение и, в то же время, исчезает как существо, становясь набором феноменов функционирования тела. Известна конечная точка заболевания – мертвое тело – и представление о процессе, происходящем в органах, но каков исток?

2.3. Микробы и политика

Игнат Земмельвейс, венгерский врач, был высмеян коллегами за идею о связи стерилизации рук при родовспоможении и уменьшением смертности новорожденных, выдвинутую им в ходе исследования лихорадки у детей в 1847 году, «он потерял свою должность в акушерской клинике Вены и в конечном итоге оказался в психиатрической лечебнице»⁸⁰. В 1854 году, Джон Сноу, английский врач, в ходе изучения вспышки холеры в Лондоне, «обнаружил, что холера распространяется с питьевой водой, а вовсе не посредством «миазмов», как считалось ранее». Однако, в 1855 году, «специальный комитет отверг все теории Сноу, заявив, что «невозможно сомневаться» в том, что вспышки холеры вызываются миазмами»⁸¹ [Medical Council, General Board of Health, Report of the committee for Scientific Inquiries in Relation to the Cholera-Epidemic of 1854 (London, England, 1855)]. Такковы первые, неудачные, попытки свергнуть теорию «миазмов». То есть причина не только в чисто политическом или социальном устройстве. Речь здесь, в первую очередь, о борьбе теорий.

⁸⁰ Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность. Стр. 90

⁸¹ Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность. Стр. 91

В начале XIX века теория миазмов всё еще используется эпидемиологией. Её преимущество перед контагиозной гипотезой возникает в связи с еще одним положением эпистемы того времени: «Развитию микробной теории помешала другая распространенная и казавшаяся в то время убедительной теория: самопроизвольного зарождения жизни. Считалось, что жизнь может возникать из неживых материалов: черви самозарождаются из почвы, личинки – из мяса, и все это происходит с такой же легкостью, как на лепестке появляется капля росы. С точки зрения этой теории, на микроорганизмы – при всех их различиях при разных заболеваниях – можно было не обращать внимания. Наоборот, их можно было считать не причиной, а результатом болезни»⁸². Контагионисты Фракасторо и Левенгук терпели поражение, поскольку их теории и выводы обращались в малозначимые следствия общепризнанной теории. Земмельвейс и Сноу оказываются в опале, поскольку атакуют теорию «миазмов» напрямую.

Первый случай слияния медицины и политики в Западном дискурсе произошел при эпидемии чумы в Венеции, «Весной 1348 года венецианские власти, напуганные массовыми смертями горожан, назначили трех человек, чтобы «тщательно рассмотреть все возможные способы сохранить здоровье горожан и избежать заражения воздуха». Это первый в истории Европы случай в области здравоохранения»⁸³. Именно эпидемиология связывает государство со здравоохранением, и потому она является для государства окном в медицину, рама которого, задаёт границы необходимых знаний. Конечно, вопрос о причине болезней так же попадает в эту область, но ответы на него известны еще с античности. Причина болезни, с точки зрения государственного здравоохранения, давно известна – миазмы. «Дурной воздух» как причина эпидемии имеет перед представлением о «болезнетворных организмах» два явных преимущества: во-

⁸² Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность. Стр. 89-90

⁸³ Акройд П. Венеция. Прекрасный город, пер. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М.: Изд-во О. Морозовой, 2012, с 434.

первых, для государства, имеющего дело с болезнями только как с территориальным явлением, совершенно не ясно что делать с крошечными живыми существами, которые по неизвестной причине желают людям зла, вызывая различные заболевания (они ходят по одному или стаями? Куда и зачем идут? Какие цели преследуют? Это вопросы контагиозной гипотезы. Их она ставит, не давая ни ответов, ни полезной информации). В то время как теория миазмов, относя болезни к воде, воздуху или земле, то есть, в конечном итоге, к стихиям, позволяет рассматривать эпидемию стихийным бедствием, т.е. событием случайным и неконтролируемым. Не увеличивая число вопросов, она даёт ответы, идеально сочетающиеся с уже имеющимися методами государственного регулирования – статистикой и географией. Если болезнь случайна и неконтролируема, необходимо лишь за ней наблюдать, располагая увиденное по двум ветвям истории и географии: определить область и район разразившейся эпидемии перенести её на карту и установить «ядро» путём статистического подсчета произошедших на территории событий. Во-вторых, покуда предполагается, что жизнь может самозарождаться в неживом, любые организмы, предполагаемые контагиозной гипотезой или увиденные в микроскоп, являются следствиями болезни. Тем самым исчезают и вопросы, связанные с контагиями – их возникновение объяснено, а нравы и дальнейшая судьба не важны.

Принимая во внимание эту конфигурацию, особой значимостью наделяется следующее событие: «в 1859 году Пастер показал, что стерильный питательный бульон в герметичной колбе не может самопроизвольно генерировать жизнь: микробные колонии начали расти, только когда герметичность была нарушена и в колбу попал содержащий микроорганизмы воздух, - этот эксперимент дал нам пробную теорию болезней»⁸⁴. Битва человека с теорией, из которой человек

⁸⁴ Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность. Стр. 91

выходит победителем. Без поддержки теории самозарождения миазматическая гипотеза теряет своё преимущество.

Пастер и до этого имел дело с микроорганизмами: с 1857 года он изучал брожение, которое, согласно господствующей в то время идее, высказанной немецким ученым Юстусом фон Либихом, рассматривалось как чисто химический процесс разложения белка. Выступая против этой гипотезы, Пастер выдвигает свою, согласно которой, все случаи брожения - молочнокислое, маслянокислое, спиртовое и уксусное – связаны с деятельностью «организованного фермента», микроорганизмов. Доказав эту теорию экспериментально, указав на тот факт, что брожение происходит и при отсутствии белкового вещества, Пастер столкнулся с необходимостью ответить на вопрос о происхождении микроорганизмов. Точнее, покуда теория самозарождения еще господствовала, необходимо было доказать, что «организованный фермент» действительно был именно причиной брожения, но не следствием. Таким образом, доказать, что микроорганизмы являются причиной брожения значит доказать, что «везде, где наблюдается микроорганизм, он занесён извне»⁸⁵. Опровергнув теорию самозарождения, можно отбросить и идею о том, что микроскопические существа могли возникнуть в процессе брожения. Но доказать существование микроскопических существ, запускающих процесс брожения - это только половина дела, ибо о них всё еще известно довольно мало.

В 1864 г. к Пастеру обращаются за помощью виноделы, дабы он помог им в борьбе против болезней вина, а в 1865 году – приглашают на юг Франции, где бушует эпидемия, истребляющая шелковичных червей. Если до этого речь шла о процессах, происходящих в микромире, то два новых вызова касаются иных масштабов. Для того, чтобы определить болезнь требуется исследовать вопрос распространения микроорганизмов на обширных территориях. Само общество ставит Пастера перед необходимостью связать эпидемию и заболевание.

⁸⁵ К. А. Тимирязев. Луи Пастер / Избранные сочинения в 4-х томах. ОГИЗ - СЕЛЬХОЗГИЗ, М., 1948 г. Земледелие и физиология растений. Сборник общедоступных лекций

С одной стороны, болезнь как частное событие, с другой – эпидемия общественных масштабов.

Болезнь, как растянутый во времени процесс, имеет вполне реальную конечную точку – мертвые тела, изучаемые патологоанатомами; протекание болезни представляется символическим, симптомами как феноменами тела, становящимися под воздействием взгляда опытного врача знаками – реальное тело означенное врачом и есть то, чем является актуальная болезнь; но начало, исток или причина болезни лишь теперь раскрывают свою истинную воображаемую природу – чтобы ни выдвигалось в качестве причины заболевания, миазмы или контагии, оно будет иметь воображаемую природу, поскольку единственным способом узнать о случившемся начале болезни, это узнать его актуализацию в симптомах.

Эпидемия, как повторяющиеся на определенной территории случаи сходных заболеваний, так же затрагивает различные регистры: каждый отдельный случай заболевания вполне регистрируется невооруженным взглядом («Сибирская язва, <...>, была конкретной болезнью. Её очертания определялись коровами, язвами, трупами, «проклятыми полями», приехавшими из города ветеринарами и Розеттой, у которой была такая красивая масть...»⁸⁶); зарегистрированные реальные случаи заболевания объединяются по сходству и смежности в пространстве и времени: факт эпидемии – событие символическое, «увидеть» эпидемию невозможно, в силу её масштабов, её можно лишь установить на основании статистических данных («Первое же применение науки, пришедшей как из Парижа, так и из Лиона, изменило эту болезнь и превратило её в эпизоотию, очертания которой на сей раз представляли собой совокупность пятен на карте Франции, которые можно было считать очагами, выявляя затухание или возвращение»⁸⁷); в конечном итоге,

⁸⁶ Латур, Бруно Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Бруно Латур ; [пер. с фр. А.В. Дьякова]. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. Стр.128

⁸⁷ Латур, Бруно. Пастер: Война и мир микробов Стр. 128

эпидемия как единство зарегистрированных случаев – это воображаемое событие, ибо во-первых, её нельзя окинуть взглядом, но можно представить себе, а во-вторых, в действительности есть лишь множество реальных случаев заболевания, которые объединяются в понятии «эпидемия» исключительно в силу социальных договорённостей («Созданного эпидемиологией актора, обобщив все определяющие его опыты, по праву можно было назвать “эпидемией сибирской язвы”»⁸⁸).

Но каким образом связываются воображаемый исток болезни (невидимый микроб) с воображаемым результатом (эпидемия, которую невозможно охватить одним взглядом)? Эта связь устанавливается за счёт третьего термина – «заражение». Заражение так же оказывается процессом, который нельзя увидеть, но можно лишь столкнуться с его последствиями.

Каждый из терминов существовал и до Пастера (понятие «инфекции» вместе с представлением о «заражении» было введено в медицину Джироламо Фракасторо в 1546 году), однако, в данном случае важно другое – тот факт, что Пастер распространил и институализировал «совершенно новую логику восприятия, которая начинает активно использоваться на рубеже XIX-XX веков, логику, которую можно назвать *логикой заражения*»⁸⁹. Более того логика заражения оказывается трансдисциплинарной, поскольку её применение не ограничивается лишь медициной - «мотивы заражения мы находим у немецкого историка искусства Аби Варбурга, теорию заражения применительно к искусству развивает Лев Толстой, контагиозную магию, как необходимую часть мифологического мышления, выделяет Джеймс Фрейзер в своей «Золотой ветви»⁹⁰. Возникновение и распространение идеи о заражении – это в первую очередь общественный и культурный феномен своего времени. Переворот связанный с именем Пастера

⁸⁸ Латур, Бруно. Пастер: Война и мир микробов Стр. 128.

⁸⁹ Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм. Стр. 38

⁹⁰ Там же. Стр. 38

выходит далеко за рамки революции «в медицине, в биологии и в гигиене»⁹¹. Причины этого поворота в распространении новой логики восприятия и представления об особых акторах, приведшие к кардинальным эпистемическим изменениям.

«Конечно, у каждой эпидемии есть две стороны: биологическая и социальная. В одном случае мы имеем дело с медикаментозным вмешательством (лечение или возможная вакцинация), в другом — со способом передачи заболевания, что в массовом обществе предполагает особую активность социальных контактов»⁹². Однако, для того, чтобы два этих пространства были связаны между собой, став «двумя сторонами» одного феномена, необходима теория. И потому, невозможно свести открытие вирусологии к только лишь «социальной перестройке», как это делает Бруно Латур. Несомненно, такая перестройка имела место. Возникновение представления об эпидемии, конечно, требует определённых условий для своего возникновения. Как замечает Аронсон, оно возможно «только в обществе, где уже присутствует новый субъект – масса, понимаемая не как собрание индивидов, а как множество невидимых коммуникационных связей. Именно в этот момент возникает образ, действующий по логике заражения, когда субъект создаётся образами, их не контролируя»⁹³. Статистика и демография – методы, обеспечившие не только удачу Пастеру, но и саму постановку вопроса, ответом на который и стала логика заражения («ни существование сибирской язвы как национальной опасности, ни эффективность пастерианской прививки как национального спасения нельзя было бы разглядеть без этого первого измерительного средства, статистики министерства сельского хозяйства, из которого следовало вывести историю, пользующуюся теми же

⁹¹ Там же. Стр. 37

⁹² Олег Аронсон Эпидемиология политического / «НЛО» 2015, №6 (136)

⁹³ Там же. Стр. 38

терминами»⁹⁴). Однако, это лишь одна, социальная, «сторона», имеющая отношение к понятию эпидемии. Но главное, что отличает вирусологическую логику от эпидемиологической – возникновение «агента», микроба, которым заражают и который вызывает болезнь. «Когда мы говорим о заражении, то подразумевается, что сам элемент заражения не дан непосредственно, невидим или неизвестен»⁹⁵ - в этом состоит одна из особенностей логики заражения, её отличие.

Таким образом, «вирусологическая логика» того времени сходна с «теорией поля» Максвелла: воспринимаемому объекту соответствует воображаемое поле, чьё присутствие устанавливается по его эффектам (загорается лампочка при отсутствии свободных зарядов / возникает новый заболевший). Логика заражения предполагает, до (воображаемой) эпидемии и (реального) заболевания, еще и (воображаемый) микроб, агент, являющийся причиной заболевания. Поскольку и «эпидемия», и «микроб», и связывающее их «заражение» являются воображаемыми, идеальными, объектами (немногие люди, моющие руки перед едой или после прогулки, воочию видели микроб, так же как никто своими глазами не видел эпидемии – лишь людей, на чьих телах опознавались сходные симптомы, либо статистические сводки и отметки на картах). И связь таких идеальных объектов есть ничто иное, как то, что называется словом «теория». Следовательно, и в этом главный недостаток интерпретации Латура, эпистемологические факторы (теории) играют не меньшую роль, чем политические и социальные.

Причем, эта теория, связывающая «невидимые не-человеческие акторы» с видимыми симптомами, распространяется и за рамки медицинского поля. И Латур и Аронсон проводят параллели между открытием Пастера и открытием Фрейда: «психоаналитический сеанс Фрейда может быть рассмотрен как своего рода вакцинация неврозом, когда воображаемая «первосцена» становится для пациента вирусом – той информацией, которая преграждает путь развитию психической

⁹⁴ Латур Б. Пастер: война и мир микробов. Стр. 142

⁹⁵ Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм. Стр. 38

болезни»⁹⁶. Проявление теории в различных сферах - в искусстве (Толстой, Аби Варбург), в психологии (психоанализ Фрейда и «теория психического заражения» Густава Лебона), в истории (Фрейзер) – говорит о том, что и сама вирусологическая теория (точнее, её логика, связывающая микроскопические агенты с масштабными полями эпидемий через представление о заражении) распространилась, вне, и отдельно, от политических и социальных влияний, приведших к возникновению отдельных её представлений (представления об эпидемии сложившегося в связи с социальными и политическими факторами; представления о «заражении» и «вирусном агенте», возникшем в результате лабораторных исследований в рамках микробиологии), став новой парадигмой.

2.4. За рамками таблицы: сетевая модель эпидемии

Необходимость оторвать понятие эпидемии от суммы зарегистрированных случаев заболевания приходит к концу XX века, в тот момент, когда современное общество встречается с угрозой, имя которой — СПИД. В то время как «все предыдущие инфекционные эпидемии были равны числу случаев, представленных в табличной форме» - инфекция была равна заболеванию, которое тут же делало болезнь явной и регистрируемой, но в случае СПИДа, который мог оставаться в латентной стадии довольно долго, делая носителя инфекции переносчиком, но еще не больным «в полной мере», эпидемия стала охватывать «куда больше людей, пребывающих в добром здравии (на первый взгляд совершенно здоровых, хотя и обречённых), которые инфицированы вирусом»⁹⁷. Так понятия «больной» и «инфицированный» оказываются разделёнными. Несомненно, любой вирус распространяется быстрее, нежели регистрируется. Но если предыдущие инфекционные эпидемии могли быть взяты под контроль благодаря тому, что заражение за короткий период времени становилось болезнью, которую, в свою

⁹⁶ Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм. Стр. 38

⁹⁷ С. Сонтаг Болезнь как метафора. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016 Стр. 118

очередь, регистрировал врач, что позволяло составить представление о масштабах распространения инфекции, то в случае СПИДа, от момента заражения до возникновения явных признаков заболевания могут пройти годы. В такой ситуации уже бессмысленно работать с записями - полагаться на статистику теперь, значит неминуемо и катастрофически опаздывать, теряя всякую надежду не только на то, чтобы обрести контроль над эпидемией, но даже на то, чтобы составить о ней представление.

Теперь вирусология оказывает обратный эффект на эпидемиологию, требуя изменить представление об эпидемии: раньше понятие «эпидемии» было крепко связано с видимыми, опознанными, сосчитанными, переведенными в статистику и отмеченными на карте, заболеваниями; теперь же представление об «эпидемии», больше не «видимой», но прогнозируемой, необходимо выстраивать исходя из представления о [невидимой] инфекции. Серия: «[невидимый] вирусный агент - [видимые] симптомы заболевания - [представленная (на картах и в статистических выкладках)] эпидемия» сменяется другой: «[невидимый] вирусный агент — [предполагаемая] эпидемия — [прогнозируемые] вспышки заболевания». Эпидемия перестаёт быть «полем», областью, отмеченной на карте. Под влиянием представления о вирусе, распространяющемся от одного носителя к другому, «эпидемия» принимает форму сети – узлы-носители и связи-заражения. Речь уже не о «миазмах», воздушных парах или ветрах, заполняющих территории подобно туману, но о «контагиях», идущих от одной точки к следующей, и формирующих определённый путь. В связи с этим изменением представления об «эпидемии», произошедшим под влиянием вирусологического представления, стоит говорить уже не о эпидемиологической логике, но о вирусологической.

Таким образом, вирусология, или, точнее, вирусная логика или логика заражения, представляет собой конструкцию, связывающую определённые термины (возникшие, как было показано выше, в разное время, в различных контекстах и дисциплинах по разным причинам) между собой:

1. «Вирус»: микроскопический агент, невидимый глазу, имеющий некое подобие собственной точки зрения (свои, отличные от человеческих, цели и средства) распространяющийся заражением. [Микробиология]

2. «Заражение»: предполагающее репликацию (копирование) вируса в нового носителя при их контакте. Репликацию, всегда связанную с изменениями, ошибками при копировании – мутациями вируса. Является основной целью и средством вируса. [Вирусология]

3. «Болезнь»: причина которой вирус, и которая опознаётся через видимые симптомы (в том числе, видимые за счет лабораторных анализов) [Симптоматология]

4. «Эпидемия»: представляющая собой инфекционную сеть - следствие распространения вируса от одного носителя к другому, путём заражения. [Эпидемиология]

К этому списку необходимо добавить понятие «иммунитета», так же возникшее отдельно от вирусологии на рубеже XIX-XX веков, и давшее начало дисциплине «иммунология», основателями которой считаются Илья Ильич Мечников и Пауль Эрлих. Иммуитет, как защитная система организма, связывается не только с вирусами, но с любой угрозой организму или вторжению в него инородных тел. Однако, для вирусологии он играет немаловажную роль в качестве фактора сопротивления заражению, сдерживания эпидемии. Следовательно,

5. «Иммуитет»: защитная система организма, позволяющая ему оказывать сопротивление заражению и, как следствие, сдерживать распространение инфекционной сети. [Иммунология]

«Вирус» связывается с «эпидемией» через понятия «заражение» и «болезнь». В первом случае, речь идет о механизме превращения «вируса» в «эпидемию», во втором – о методе установления соответствия между определённым вирусом и определенной эпидемией через сходство симптомов.

«Иммунитет» подключается к этой конструкции как дополнительный фактор, будучи связан с понятиями «заражение», «болезнь» и «эпидемия». В начале, «иммунитет» выступает в качестве фактора, препятствующего «заражению»; если же «заражение» произошло, то «иммунитет» выступает в роли механизма борьбы с «заболеванием», и потому, влияющего на его симптомы (так, высокая температура – «жар» - является следствием именно иммунитета, того факта, что организм ведет борьбу с заболеванием, а не самого заболевания); в конечном итоге и на больших масштабах, «иммунитет» связывается с «эпидемией» через понятие «вакцины» и «вакцинации» - общественных и социальных мер для предотвращения «эпидемии».

Как уже было замечено, логика заражения в XIX-XX веках распространилась за границы медицины и вышеназванных дисциплин, став новой парадигмой. Необходимо лишь добавить, что сама парадигма, установившаяся в XX веке, помимо логики заражения, так же включает в себя представления об эволюции (концепция эволюции, возникнув в качестве «Философии зоологии» вскоре распространилась и на другие сферы, породив, в том числе, «эволюционную эпистемологию» Карла Поппера), сети («сетевая парадигма» или «сетевой подход»). «Вирусы» эволюционируют за счет постоянных мутаций, более того, лидируют в этом плане (вирусы мутируют наиболее часто). В свою очередь, именно через понятие «сети» оказывается представлена связь «вирусы-заражение-эпидемия».

Выводы к §2 главы 1

В данном параграфе была реконструирована история вирусологии и рассмотрены социальные, политические и теоретические причины возникновения отдельных её терминов («вирус», «болезнь», «заражение», «эпидемия» и «иммунитет») и того факта, что они оказались связаны между собой в рамках одной теории и дисциплины (вирусологии) лишь к концу XIX века. Было показано, что невозможно редуцировать эпистемологические факторы (т.е. «теорию» как

сущность, отличную от способов её доказательства и распространения), как это делает Бруно Латур, и сводить открытие, сделанное Пастером, только лишь к «социальной перестройке», поскольку открытая Пастером логика заражения, в конечном итоге, распространилась за рамки частной [медицинской] дисциплины, и оказалась перенесена в другие контексты (искусство, психологию) именно в качестве особого представления и логики (невидимые акторы, имеющие собственные цели и распространяющиеся за счет заражения). Из чего следует, что, несмотря на уверения Латура⁹⁸, история, социология и философия науки с необходимостью должны включать в себя эпистемологическое измерение (теории и термины как сущности, независимые от материальных способов их доказательства). Хотя, это не исключает того, что эпистемологии необходима определенная модификация, дабы включить в её рассмотрение факторы социального и материального окружения.

Так же, был выявлен и описан механизм «вирусной логики» или «логика заражения», связывающий между собой несколько терминов – «вирус», «болезнь», «заражение», «эпидемия» и «иммунитет» - из различных областей и дисциплин – микробиологии, симптоматологии, вирусологии, эпидемиологии и иммунологии, соответственно.

Конечной задачей данного исследования является перенесение «вирусной логики» в контекст эволюционной эпистемологии. В §1 главы 1 было показано каким образом этот перенос может быть осуществлён – путём метафоризации - переноса слов и связанных с ними значений в новый контекст. Эволюционная эпистемология возникла и развивалась именно благодаря такому постоянному заимствованию терминологии и функциональных представлений у эволюционной теории. В свою очередь, Берроуз и Дикон уже подготовили путь для нового заимствования – обновления метафоры – проведя аналогию между языком и

⁹⁸ Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. — 2002. — № 5-6 (35) — С. 211—242

вирусом. В §2 главы 1 была выделена вся структура вирусологии как представления о вирусах, т.е. показаны связи термина «вирус» с другими, смыслообразующими терминами. Таким образом, становится возможным проведение систематического и последовательного переноса представления о вирусах на представление о знании.

ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «МИРА 3»»

§1. Онтология «Мира 3»

Конечно, Поппер не углублялся в вопросы онтологии, поскольку его больше интересовала эпистемология – знание и его рост. И модель трёх «миров» имела именно эпистемологические корни. Однако, критика, направленная на попперовскую концепцию, затрагивала вопросы о способе существования «мира 3». Так или иначе, уточнить представление о «мире 3», значит понять и определить его онтологический статус – узнать, каков способ существования знания в его отличии от физических объектов и состояний сознания. Является ли знание чем-то материальным? Если да, то чем оно отличается от других материальных объектов? Если же знание является нематериальным, тогда что позволяет говорить о знании как о чём-то, что можно изучать? Потому, от ответа на этот вопрос зависит судьба эволюционной эпистемологии как дисциплины. Следовательно, в первую очередь, необходимо предъявить онтологическую гипотезу о том, чем является «Мир 3».

Вопрос онтологии затрагивается в работе Г.Д. Левина «Проблема “третьего мира” в эпистемологии», потому, именно с анализа того, как Левин критикует и интерпретирует Поппера, мы и начнём данное исследование.

Наиболее важными характеристиками «Мира 3» Поппер считает «объективность» и «относительную автономию» по отношению к двум другим мирам. Объективность третьего мира предполагает, что знание может выступать как объект, в существовании которого мы можем быть уверены. Это возможно постольку, поскольку знание может быть записано и сохранено – имеются учебники, научные издания, публикации и прочие материальные способы хранения и сохранения. Автономия означает, что эти записи можно рассматривать отдельно от других явлений – состояний сознания, которые изучает психология, и физических явлений, которыми занимаются естественные науки.

Но именно эти тезисы об объективности и автономии «мира 3», т.е. о том, что «содержание журналов, книг и библиотек» продолжит существовать в неизменном виде даже если человечество как вид исчезнет с лица земли, Г.Д. Левин ставит под вопрос. Нам нет необходимости представлять столь радикальный пример – гибель человечества. Достаточно задаться вопросом: изменится ли функционирование текста (который, собственно, и является тем, что представляет собой знание в записи), если не будет тех, кто способен его прочитать? И, хотя в первом дополнительном тезисе работы «Эпистемология без познающего субъекта» [8], Поппер называет третий мир естественным продуктом человеческого существа⁹⁹ [3. 446], мы знаем, что человеческое существо, выросшее вне влияния третьего мира, не умеет читать книг: «дикарь, глядя на бесценный текст Платона и даже не подозревая о существовании письменного языка, не увидит в нем ничего, кроме разных по форме пятен, находящихся в разных пространственных отношениях друг к другу. В лучшем случае он примет их за геометрический узор для своей будущей татуировки. Дикарь может задать вполне философский вопрос: что представляет собой это ваше объективное знание и где оно находится?»¹⁰⁰. Хотя Поппер говорит и о текстах (содержании книг и журналов или научных дискуссий) и о смыслах (теоретических системах, проблемах и проблемных ситуациях), ни те, ни другие не возникнут или не проявятся до тех пор, пока они не будут прочитаны, т.е. «Мир 3» существует лишь во взаимодействии с читающим субъектом. Таким образом, он оказывается не автономен. Более того, вне связи с человеческим сознанием, «Мир 3» ничем не отличается от «Мира 1», от физического мира – знаки являются знаками лишь постольку, поскольку их можно прочесть, иначе это будут лишь линии, подобные узору на листе.

⁹⁹ Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составл. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.

¹⁰⁰ Левин Г.Д. Проблема «Третьего мира» в эпистемологии / Эпистемология и философия науки т. 39. №1. 2014. Стр. 107

Исходя из этого, Левин интерпретирует Поппера как философа коммуникации – речь, утверждает он, здесь, именно о возможности передачи знания от учителя ученику, от поколения к поколению или даже сквозь тысячелетия, подобно текстам Платона, написанным до н.э., что мы можем читать и по сей день. Именно как способ коммуникации, текст является текстом. Потому, Левин определяет «Мир 3» как возможность знания, но не само объективное знание: «заключенную в письменном тексте возможность возникновения субъективного знания ученика так же некорректно назвать объективным знанием, как и заключенную в зиготе возможность возникновения человека – человеком. И когда Поппер называет “содержание журналов, книг и библиотек” объективным знанием, он, на мой взгляд, совершает ту же методологическую ошибку, что и преформисты, утверждавшие, что зародыш уже заключен в половой клетке и его дальнейшее развитие состоит лишь в увеличении в размерах»¹⁰¹. Однако, Г.Д. Левин, в силу того, что ставит перед собой эпистемологические, но не онтологические задачи, останавливается на этом выводе («Мир 3» - это возможность знания), не разбирая вопрос о статусе и способе существования этой «возможности».

1.1. От Возможного к Реальному

Несомненно, выводы Левина верны – «Мир 3» существует как возможность лишь благодаря взаимодействию «Мира 2» - сознания человека способного к чтению, и «Мира 1» - записей на физических носителях. Именно благодаря этому взаимодействию знание и передаётся. Без человека знания не будет, но без записи и коммуникации оно не будет передано. Автономия «Мира 3» заключается не в том, что знание существует само по себе, но в том, что знание одного отдельного индивида может его пережить, будучи передано следующим поколениям. Потому, речь здесь об «относительной автономии» - с одной стороны, существование знания зависит от реальных людей - без них его просто не будет, с другой стороны,

¹⁰¹ Левин Г.Д. Проблема «Третьего мира» в эпистемологии. Стр. 107-108

важны не отдельные люди, а общество и коммуникация. «Мир 3» автономен по отношению к отдельно взятому человеку, но зависит от существования общества в целом (общества, которое существует за счёт того, что люди коммуницируют друг с другом). Таким образом, «Мир 3» не является онтологической категорией, т.е. не существует «сам по себе» и не является изначальной данностью подобно сознанию или материи.

Но чем, в таком случае, является «возможность»? В истории философии «возможное» часто представляется как онтологическая категория, но насколько это верно? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо проанализировать понятие «возможного». Подобный анализ проводит, вслед за Анри Бергсоном, Жиль Делёз, в работе «Бергсонизм». Потому, обратимся к нему за решением.

Делёз, следуя Анри Бергсону, критикует понятие «возможного»: возможное, будучи принято за онтологическую категорию (так, словно наряду с «реальным миром» существует мир «возможного»), предполагается как некое множество [возможностей], существующее еще до того, как что-либо реально случилось. Однако, это не так, «возможный мир» существует лишь в представлении людей, но не сам по себе. Это мыслительная категория, а не онтологическая. Потому, Левин допускает ошибку, когда утверждает, что «в зиготе в возможности заключены не только анатомия, физиология и психология будущего человека, но и в определенных пределах его биография. В письменных текстах Платона в возможности существуют не только его мысли, но и логические следствия из них, противоречия между ними и, следовательно, будущие дискуссии и концепции, рождённые в ходе этих дискуссий»¹⁰², ведь тогда имелось бы противоречие: нечто существует (биография, психология и физиология не рожденного еще человека или дискуссии и проблемы, которые еще не были проведены и поставлены) до того, как существует.

¹⁰² Левин Г.Д. Проблема «Третьего мира» в эпистемологии. Стр. 108

В действительности, возможное не дано заранее, ведь неизвестные субъекту возможности не будут браться им в расчёт. Представление о возможном постепенно формируется из опыта субъекта: различные происшествия, встреченные субъектом в процессе его жизнедеятельности, сохраняются в его памяти, формируя, таким образом, представление о возможном. «Возможное» - это копия реального, бездействующий след в памяти: «не реальное походит на возможное, а именно возможное похоже на реальное, поскольку оно абстрагируется из однажды созданного реального, произвольно выделяется из реального подобно стерильному двойнику»¹⁰³. «Возможное» следует за реальным и никак иначе – это представление о том, что могло бы случиться, исходя из опыта об уже случившемся. Именно память как область сознания гарантирует «возможное».

Теперь, исходя из вышесказанного, мы можем заново поставить вопрос о том, каким образом мы можем говорить о «Мире 3» как чём-то существующем реально. Для этого обратимся к онтологической категории «реального». Обычно, принято различать и противопоставлять друг другу пару «реальное» и «воображаемое» (Г.Д. Левин называет такой взгляд «народным учением»¹⁰⁴). Но при таком взгляде, все то, что относится к сознанию, к «воображаемому», предполагается субъективным и «нереальным». Потому, прибегнем к другому делению онтологических категорий, разработанному Жилем Делёзом: «виртуальное» (всё относящееся к памяти, и от того оказывающееся вневременным) противопоставляется им «актуальному» (тому, что существует в настоящем, в актуальном восприятии мира), причем и то и другое является «реальным». Введение такой пары, «виртуальная реальность/актуальная реальность», позволяет взглянуть на мир сознания как на нечто объективное. Такой онтологический ракурс

¹⁰³ Делез Ж. Эмпиризм и субъективность : опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: Пер. с франц. – М.: ПЕР СЭ, 2001 Стр. 308

¹⁰⁴ Левин Г.Д. Проблема «Третьего мира» в эпистемологии. Стр. 101

позволяет рассматривать «Мир 3» в духе реализма: реальные записи, существующие актуально порождают реальные виртуальные смыслы и реальную [виртуальную] возможность знания.

Актуально мы воспринимаем объекты в пространстве, однако такое восприятие длится лишь мгновение. Актуальное восприятие - это миг «настоящего» времени. При этом, мы всё же воспринимаем объекты как длящиеся, и их существование имеет некую протяженность. Но чувство длительности имеет место постольку, поскольку каждый прошедший миг, каждое восприятие настоящего, ставшего прошлым, сохраняется в памяти, т.е. становится виртуальным. Виртуальные объекты характеризуются тем, что они могут быть каждый раз заново актуализированными. Так, актуально воспринимаемый фильм имеет некоторую длительность, начало и конец. Но пока он существует в памяти, он существует как вечный – мы можем заново запустить его и посмотреть от начала до конца и повторять этот процесс столько, сколько потребуется. То же верно и для воспоминаний, но также и для теорем и доказательств. Можно сказать, что в отличие от актуальных объектов, виртуальные являются бессмертными, но точнее, будет определить их как недифференцированные – пока доказательство, воспоминание или фильм хранятся в виртуальной памяти, их начало и конец одновременны. Лишь во время актуализации – просмотра фильма или проведения пошагового доказательства – начало предшествует во времени концу.

Таким образом, виртуальное это то, что актуализируется. В этом плане, виртуальное схоже с понятием «куматоида», введенным В.А. Розовым: «Социальные куматоиды (от греческого κύμα – волна) – это объекты, представляющие собой реализацию некоторой программы человеческого поведения на постоянно сменяющемся друг друга человеческом и предметном материале»¹⁰⁵. Любая идея или понятие, любая программа, может актуализироваться различными способами: «Примерами здесь могут служить: 1.

¹⁰⁵ Розов М.А. К построению модели науки / Философия науки. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2004.

Социальные роли, такие как бухгалтер, столяр, ректор МГУ, президент США... В каждом из этих случаев речь идет о некоторой программе деятельности, которую в разное время и в разном предметном окружении реализуют разные люди, постоянно сменяющие друг друга. 2. Образ жизни, т.е. постоянно воспроизводимый изо дня в день или из года в год и передаваемый от поколения к поколению способ времяпровождения в том или ином сообществе людей. 3. Социальные институты, такие как газета, научно-исследовательский институт, университет... Здесь опять-таки все меняется, кроме некоторой совокупности взаимосвязанных «программ» деятельности людей. Университет, например, остается тем же самым университетом, несмотря на постройку новых зданий, постоянную смену студентов, аспирантов, преподавателей... 4. Любой знак языка». Однако, между «виртуальным» Делёза и «куматоидами» Розова есть существенная разница, кроющаяся в терминологической тонкости: Розов говорит о «реализации» куматоида, тем самым приравнивая «реальное» к актуально воспринимаемому; Делёз же, сразу определяет и «виртуальное» и «актуальное» как реальное. Несомненно, идеи реальны как идеи, так же как реальны программы, знаки и значения. Любое знание, даже если оно существует лишь в чьей-либо «голове», или только в виде схем, не становится от того менее реальным.

Но что, в таком случае, происходит с идеей по мере того, как она актуализируется в виде схем, планов, книг, зданий (как в случае с архитектурными идеями), когда она, в конечном итоге, изменяет реальность? Делёз, в совместной с Феликсом Гваттари работе «Анти-Эдип», предлагает использовать вместо понятия «воображаемое», понятие «нефигуративное». Понятие «воображаемое» неудобно тем, что оно заставляет нас, как минимум теоретически, отделять пространство воображения от физического пространства. Но это не так, ведь, к примеру, мы никогда не видим объекты со всех сторон, лишь с нескольких, достраивая невидимые в данный момент стороны с помощью воображения. Говоря о «нефигуративном» становится возможным говорить и о «фигурации» идеи –

процесса, в котором «расплывчатая» и неоформленная идея обретает все более и более четкие черты.

Такая онтологическая перспектива позволяет исследовать «Мир 3» как полностью объективный, не сводя его при этом только лишь к процессу коммуникации. Г.Д. Левин верно подмечает, что процесс коммуникации создаёт возможность знания. Такой взгляд согласуется с вкладом Стивена Тулмина в эволюционную эпистемологию: помимо журналов и дискуссий, книг и теорий, теорем и формул, он добавляет еще одну важную составляющую «мира 3» - практику¹⁰⁶. Ведь занятие наукой – это не только знание теорем, но и осознание их места и функции; не только изучение формул, но и умение их применять; в конечном итоге, умение читать – это практика, требующая предварительного обучения. Следовательно, немалая часть того, что называется «миром 3» хранится в сознании людей, взаимодействующих с ним.

Включённая в «Мир 3» «практика» располагается на границе 1 и 2 миров: с одной стороны, практика требует научения, и является знанием о том, как и что делать, а возникновение нового знания, в свою очередь, приводит к изменениям в практике (так, открытие микробов связано с распространением практик гигиены и пастеризации); с другой стороны, практика — это физические манипуляции, в которых задействовано тело (ведь и коммуникация предполагает движения губ и языка (говорение), рук (письмо) или всего тела (жестикуляция)). Если продумать эту серию дальше, то мы увидим, что и мышление всегда связано с телом — ведение внутреннего диалога, так называемой субвокализации, связано с микродвижениями языка, так же как образное мышление с микродвижениями глаз и конечностей. Изменения в практике ведут за собой изменения в строении мозга, его реструктуризацию. Практика предполагает личную передачу, т.е. процесс коммуникации субъектов. Следовательно, именно посредством коммуникации поддерживается существование возможности знания: того, что записи будут

¹⁰⁶ Тулмин Ст. История, практика и «третий мир» (трудности методологии Лакатоса)

прочитываемы. Научные дискуссии, в свою очередь, являются коммуникацией по своему определению. Однако, остаются еще «проблемные ситуации», которые существуют лишь виртуально – в памяти индивидов – но вполне объективно, и при этом могут существовать вне процесса коммуникации.

Таким образом, на вопрос дикаря, вложенный ему в уста Г.Д. Левиным, «что представляет собой это ваше объективное знание и где оно находится?» возникает ответ: это актуальные записи на физических носителях, которые при чтении производят знание, и виртуальная память людей, которые могут эти записи читать, производить и практиковать. Возможность чтения и письма возникает в процессе коммуникации людей, предполагающей обучение чтению и записи.

Тогда, выстраиваемая нами реалистическая линия понимания «Мира 3» будет состоять из двух шагов – онтологического и эпистемологического. Мы начинаем с онтологических категорий: «реальное» имеющее два регистра – «актуальное» и «виртуальное». Реальность есть то, с чем мы имеем дело в [актуальном] восприятии (то, что называется «настоящее время») и что сохраняется в [виртуальной] памяти (то, что называется «прошлым»). «Настоящее время» - это лишь миг, который тут же становится «прошлым». Потому, актуальное это не время, но пространство: каждое мгновение мы воспринимаем вещи в пространстве. Время, как последовательность восприятий, существует лишь постольку, поскольку у нас есть память о том, что было, потому время виртуально. Мы называем такой взгляд реалистическим, так как он предполагает лишь восприятие, которое нам, несомненно, дано, и не предполагает существование мира вне нас, покуда это существование не может быть доказано.

На следующем шаге, из памяти о случившемся конструируется представление о возможном («будущее»). И только после этого мы можем вводить эпистемологическое деление на три объективных и автономных «Мира», необходимое нам для того, чтобы изучать развитие знания. Каждый из «Миров» пересекает все онтологические регистры («виртуальное», «актуальное»):

«Мир 1» - это совокупность воспринимаемых актуально материальных объектов, расположенных в пространстве, и впоследствии сохраненных в памяти. Мы можем говорить о них постольку, поскольку предполагаем возможность того, что они продолжают существовать и тогда, когда их никто не будет воспринимать, исходя из нашего опыта. Объекты в каждый данный момент настоящего времени актуально воспринимаются. Но как длящиеся во времени они виртуальны, ведь прошлое существование объектов существует лишь в памяти воспринимающего. Будущее – то, что могут объекты – экстраполируется благодаря той же памяти, позволяющей создать представления о возможном, и потому так же виртуально;

«Мир 2» - это совокупность индивидов как носителей памяти, которые воспринимают «Мир 1». Но мы всегда имеем дело лишь с собственным восприятием, потому «другой – это возможный мир»: восприятия других людей существуют лишь как возможные, ведь мы их лишь представляем исходя из знания о себе. «Мир 2» - это сам воспринимающий индивид и возможные миры, т.е. другие восприятия и точки зрения на «Мир 1»;

«Мир 3» - это совокупность знаний, возникающих на пересечениях двух других «Миров»: с одной стороны, это записи на материальных носителях («Мир 1»), с другой, это представления, возникающие при их прочтении («Мир 2»). Тем самым, два других «Мира» выступают как материя «Мира 3». Отличие от других «Миров» заключается не в материи, но в функционировании. Его существование гарантируется коммуникацией, т.е. постоянной передачей от одного индивида к другому, а также от одного поколения к последующим.

1.2. Актуальные популяции и Виртуальные виды

Реализм актуального и виртуального, применительно к «миру» физических объектов (1), так же порождает определённые следствия: «Согласно Бергсону, слово «Целое» имеет смысл, но лишь при условии, что оно не обозначает чего-либо актуального. <...> Целое не дано. Это означает не то, что идея целого лишена смысла, а то, что она обозначает некую виртуальность, ибо актуальные части не

позволяют себе объединиться в целое»¹⁰⁷. Мы говорим об институтах, хотя актуально существуют лишь люди, здания и процессы. Мы говорим о науке, хотя актуально существуют лишь книги, люди, лекции и лаборатории. Мы говорим о лабораториях, хотя актуальное есть лишь помещения и предметы. Книги – это страницы и чернила, и даже если вырвать из книги несколько страниц она не перестанет быть книгой, поскольку книга-как-целое – это виртуальный объект.

Это верно и по отношению к самой «теории трех миров». Последовательная реалистическая позиция обращает внимание на тот факт, что «Мир 3» (как, собственно, и два другие) никогда не дан нам как целое. Для любого субъекта, не обладающего божественным видением, мир предстаёт как множество различных частей. Более того, нам следует признать, что «Мир 3» не является целостностью не только онтологически: множества различных теорий, взглядов и дискуссий оказываются поделены как по профессиональным признакам, так и по политическим и географическим. Парадигма, установившаяся в одной стране, может полностью отличаться от доминирующей парадигмы другой страны. Открытие в одной области, может оказаться давно устоявшимся представлением для другой области. Потому, когда мы говорим о «мире 3» следует ясно осознавать, что речь идёт о виртуальной целостности, объединённой в силу исключительно родственных сходств: линии развития различных наук, дискуссий и исследований не только пересекаются, но и расходятся; их эволюция протекает в различных ритмах; несколько не связанных между собой наук могут неожиданно обратиться в одну новую область или одна наука распасться на множество дисциплин, ставящих совершенно разные задачи и цели.

Подобный ход делает современный реалист Мануэль Деланда — актуальные множества представлены у него в виде популяций индивидов, в то время как роды, в которые они объединяются, всегда виртуальны: «Как бы то ни было, нет никаких видов, а есть только популяции индивидов, каждая со своей оригинальной и

¹⁰⁷ Делёз Ж. Бергсонизм. Стр. 303

неповторимой историей. Актуальны только отдельные индивиды, даже если некоторые части их актуальности — это способности, не обнаруживающие себя до подходящего момента; в этом смысле потенциальное есть лишь производная форма актуального. Но наряду с ними есть виртуальное, и в последней книге Деланда роль виртуального играет род»¹⁰⁸. На любом масштабе мы имеем дело с одним и тем же соотношением: существуют актуальные популяции («микро» уровень, как его называет Деланда, или «молекулярное», если следовать терминологии Делеза и Гваттари), которые организуются в большие сборки [ассамбляжи]¹⁰⁹ («макро» или «молярный» уровень). Для больших масштабов это соотношение остаётся верным: то, что для одного масштаба было «молярным» образованием или «макро» уровнем, на большем масштабе будет выступать в роли «молекул» или популяций «микро» уровня. Популяции людей образуют сообщества, сообщества – города, ассамбляж городов – страны и т.д. То же верно и по отношению к «миру 3»: звуки и линии собираются в слова, слова в предложения, те – в теории, теории – в дисциплины. Деланда предлагает рассматривать подобные образования как обладающие тем же онтологическим статусом, что и индивиды, составляющие его, т.е. дисциплина является таким же «индивидуальным сущим» как и отдельный термин, и несколько дисциплин так же образуют популяцию и могут объединиться в большее целое — в науку, которая, в свою очередь, так же будет представлять собой «индивидуальное сущее» входящее в популяцию... Различие между ними — в масштабах, временных и пространственных. Используя в качестве примера «вид» и «отдельный организм», Деланда замечает, что «В пространственном отношении вид имеет значительно большую протяженность, чем отдельный организм,

¹⁰⁸ Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда / Логос философско-литературный журнал том 27 #3 2017 Стр. 14

¹⁰⁹ Термин «сборка» используется в русском переводе «Тысяча Плато», в то время как «ассамбляжи» - это английская версия этого же термина. Для того, чтобы указать на то, что Деланда использует концепцию «сборки», но видоизменяет её для своих нужд, в русском переводе его текстов используется англицизм «ассамбляж». Здесь и далее эти термины будут использоваться как синонимы, так же как и «микро-макро»/«молярное-молекулярное».

поскольку образован несколькими репродуктивными сообществами, обитающими в географически раздельных экосистемах. Во временном отношении вид также действует на значительно больших масштабах: обычная продолжительность его существования намного превосходит жизненные циклы отдельных организмов»¹¹⁰. (Такой ход оказывается не чужд эволюционной эпистемологии, как она представлена в теории «концептуальных популяций» Стивена Тулмина. Тулмин не только предлагает ввести практику в понятие «мира 3», но и обращает внимание на тот факт, сколь различна практика, а вместе с ней методы, цели и задачи различных дисциплин. Однажды сформированная научная дисциплина продолжает сообщаться с другими, но в то же время отделяется, отграничивается от них, становясь «форумом конкуренции» для концепций и терминов).

Здесь важен другой момент – актуально всегда имеется множество или популяция, тогда как их «молярная» целостность всегда виртуальна. Однако, от этого они не менее реальны. Для уточнения, можно было бы сказать, что реальность всех этих сущностей – как актуальных популяций, так и виртуальных целостностей – следует из их «действительности». Не зря в русском языке «действительность» и «реальность» являются практически синонимами: покуда нечто может производить действие, иметь воздействие и порождать следствия – оно реально. «Более крупные, чем индивиды, социальные ассамбляжи существуют объективно, поскольку они могут причинно воздействовать на людей, являющихся их составными частями, ограничивая их и наделяя возможностями, а также поскольку они могут причинно взаимодействовать на другие ассамбляжи на своём уровне»¹¹¹. Тоже верно и для наук, поскольку наука это не только теории, но и практика, она, как сборка, так же включает в себя ценности и цели, тем самым, одна и та же теория (например, структуралистская гипотеза, отдающая приоритет

¹¹⁰ Деланда М. Новая онтология для социальных наук / Логос философско-литературный журнал том 27 #3 2017
Стр. 39

¹¹¹ Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда; пер. с англ. К. С. Майоровой. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. Стр. 50

отношениям между объектами, как формирующим эти объекты), будучи включена в различные целостности, будет по разному функционировать и эволюционировать (т.е. возникнет «структуралистская математика» или «структуралистский психоанализ» или «структуралистский марксизм»), и производить в итоге различные следствия.

Следовательно, мы можем утверждать, что «мир 3» состоит из сущностей – сборок/ассамбляжей - различных масштабов. Каждая такая сущность имеет два уровня: «молекулярный» микроуровень, на котором мы имеем дело с актуальными множествами или популяциями; и «молярный» макроуровень, представляющий собой виртуальное единство этих множеств.

Не станем вдаваться в подробности об устройстве таких ассамбляжей – этот вопрос в достаточной мере прояснили Делёз, Гваттари и Деланда. Более частный вопрос – об устройстве таких сущностей в науке – теориях, дисциплинах и собственно наук – достаточно было сказано мыслителями социологии и философии науки – Карлом Поппером, Томасом Куном, Имре Лакатосом, Стивеном Тулминым и многими другими. Потому, теперь перейдём к рассмотрению вопроса об особенном типе ассамбляжей, которым посвящено данное исследование, и которые, при всей их крайней важности, не были в достаточной мере исследованы и концептуализированы.

1.3. Инфекционные сети и Социальные эстафеты

Когда Деланда задаётся вопросом о том, каким образом все эти ассамбляжи поддерживают своё существование на длительных промежутках времени, часто превышающих время жизни целого поколения людей, входящих в их состав, он замечает, что «имеет место и передача семантической информации от поколения к поколению о традициях и неформальных правилах, определяющих позиции власти в определенных иерархических организациях. Эта передача лингвистических материалов помогает поддерживать идентичность социальных ассамбляжей во времени в той же степени, в какой поток генетических материалов позволяет

сохранять идентичность биологических ассамбляжей»¹¹². Т.е. речь здесь идёт о передаче терминов и практики (дабы подчеркнуть родство этого взгляда со взглядом Тулмина, можем сказать о передаче «популяций терминов» и практики их применения) посредством коммуникации из поколения в поколение. (Отдельно стоит обратить внимание на тот факт, что Деланда всегда говорит сразу о двух сериях «популяции индивидуальных звуков, слов и предложений; популяции индивидуальных нуклеотидов, генов и хромосом»¹¹³ проводя параллель, которой был посвящен §1 главы 1, между социальными ассамбляжами и биологическими).

Выше уже было отмечено сходство между виртуальным регистром ассамбляжей и теорией куматоидов М.А. Розова – «Куматоид» - это виртуальная программа, актуализирующаяся безразлично к материалу. Теперь же, обратим внимание на другой термин введенный Розовым – «Социальная эстафета». «Социальные эстафеты – это элементарные социальные куматоиды, которые в своей совокупности образуют базовый и исторически исходный механизм памяти общества. Именно благодаря этому механизму общество постоянно воспроизводит себя»¹¹⁴. Теория социальных эстафет интересна тем, что Розов говорит не только о терминах и практике («Конечно, и в науке, и в технике, и в политической жизни, и в быту мы постоянно встречаем программы, которые выражены в языковой форме. Это описание научных методов, производственных технологий, фиксация правовых или этических норм, различного рода инструкции, знаки и правила дорожного движения и т.п.»¹¹⁵), но обращает внимание на тот факт, что «и сам язык, которым мы при этом пользуемся, – это тоже очень сложная социальная программа, которую еще никому не удалось полностью вербализовать»¹¹⁶. «Мы полагаем, что

¹¹² Там же. Стр. 58

¹¹³ Там же. Стр. 58

¹¹⁴ Розов М.А. К построению модели науки. Стр. 56

¹¹⁵ Там же. Стр.55-56

¹¹⁶ Там же. Стр. 56

огромное количество социальных программ существуют на уровне непосредственно воспроизводимых образцов человеческого поведения и деятельности, на уровне социальных эстафет»¹¹⁷. Не только сами термины и практика передаются от индивида к индивиду, но вместе с тем передаётся сама их возможность – навык языкового общения, умение читать и писать – все то, что делает слова словами, чтобы они, вторым шагом, смогли стать знанием. Существование социальных эстафет, т.е. механизмов передачи знания из поколения в поколение поддерживает существование как популяций терминов, так и существование виртуальных целостностей (другими словами, существование ассамбляжей на обоих уровнях), а также, саму их возможность, о которой писал Г.Д. Левин.

Они пронизывают культурное пространство (и «мир 3» в частности) сквозь все уровни и масштабы. Как это выражает Деланда, «эти особые ассамбляжи способны функционировать среди множества пространственных масштабов одновременно: <...> язык формирует наиболее сокровенные убеждения человека, общедоступное содержание разговоров, устные традиции небольших сообществ и писанные правила больших организаций и целых правительств»¹¹⁸. Это верно как с точки зрения социума, так и для отдельного индивида: «каждый человек с первых дней своей жизни становится актуальным или потенциальным участником огромного количества социальных эстафет, определяющих его поведение, речь, восприятие мира»¹¹⁹. В этом, кроме прочего, кроется причина их онтологического равенства, ибо несмотря на их разницу в пространственных масштабах, для индивида они выстраиваются на плоскости – поверхности его восприятия.

Однако, каким образом происходит переход эстафеты с одного уровня на другой? Ответов на этот вопрос может быть два. Один уже был дан в подпараграфе

¹¹⁷ Розов М.А. К построению модели науки. Стр. 56

¹¹⁸ Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Стр. 59

¹¹⁹ Розов М.А. К построению модели науки. Стр. 56

1.2. данной главы: Можно понять этот вопрос как вопрос о взгляде – мы меняем масштаб, совершаем «зум-движение», рассматривая различные уровни – отдельные взаимодействия между людьми, институтами или дисциплинами, или представляем себе то, как устроена совокупность всех знаний [«мир 3»]. Таков онтологический смысл этого вопроса и ответ на него. Другой вариант – понять этот вопрос как вопрос о функционировании, как вопрос о процессе, в котором частная идея, возникшая в голове отдельного мыслителя, становится всеобщей парадигмой. Бруно Латур, выстраивающий свою методологию (акторно-сетевую теорию) в рамках делёзианской парадигмы (по странной прихоти, он урезает и ту, беря из представления Делёза о реальности лишь половину — Латур «предельный актуалист»¹²⁰, отбросивший понятие «виртуального»), говорит о выстраивании сети, которая, развернувшись, приводит к социальным изменениям. Конечно, даже единичный новый термин или новая идея могут привести к изменениям, однако, эти изменения будут локальными (изменится сам первооткрыватель, его практика или представление; идея может так же затронуть его ближайшее окружение — тех, с кем он поделится открытием). Для того, чтобы отдельное открытие или нововведение, программа или социальная эстафета, изменили парадигму или мир, они должны распространиться, разрастись до соответствующих масштабов, разнестись по миру подобно благой вести. Возможность детально анализировать этот процесс и предоставляет вирусологическая эпистемология: вопрос перехода на новый масштаб, это вопрос роста, распространения.

Помимо этой возможности, использование аналогии между знанием и вирусом позволяет детализировать момент передачи «эстафеты». Когда исследователи проводят параллель между языком и генами, а к тому добавляют замечание, что и те и те передаются из поколения в поколение, может возникнуть представление, что речь идёт об одном и том же способе передачи – наследственном. Однако, существует и другой способ передачи генов и языка.

¹²⁰ Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда Стр. 25

Один и тот же способ, позволяющий им распространяться и в пространственных и во временных масштабах. Этот способ – инфекционная передача, присущая вирусам.

К тому же, говоря о «социальных эстафетах», есть риск создать впечатление, словно знание передаётся людьми намеренно, в то время как довольно часто его передача происходит случайным образом: идеей или убеждением можно заразиться случайно, можно незаметно для себя «подцепить» терминологию или бессознательно скопировать модель поведения. Говоря же о заражении «словом-вирусом», мы сразу указываем на неосознанность этого процесса.

Поскольку, в конечном итоге, все сущности составляющие «мир 3» держатся на поддержании вирусных «социальных эстафет», можно сказать, что «мир 3» - это сотканный из таких вирусов, передающихся от одного индивида к другому, распространяющихся в пространстве подобно инфекционным сетям, и конкурирующих между собой за возможность стать новой парадигмой, эпистемой, или, точнее, за то, чтобы вызвать эпистемию, непрекращающуюся веками, мир. Термин «эпистемия» позволяет подчеркнуть динамичность процесса установления определённых взглядов и убеждений в качестве «всеобщих»: всегда есть несколько теорий, претендующих на то, чтобы саботировать имеющуюся парадигму, дабы самим ею стать; всегда есть возможность возвращения старой парадигмы или отдельных её частей, но уже в новом, мутировавшем виде. Парадигма или эпистема не есть некая абстракция, приписываемая определённой культуре в определённый период истории. Это всегда эпистемия – знание, победившее в конкурентной борьбе и захватившее наиболее обширную территорию, имеющее наибольшее количество носителей, передающих его, осознанно или нет, всем, с кем они контактируют – своим коллегам, друзьям, детям или случайным знакомым. И есть лишь несколько путей её остановить: возникновение новой эпистемии, вакцинация, порождающая иммунитет или уничтожение всех возможных переносчиков.

1.4. От слова-вируса к знанию

И все же, не всё знание является языковым, так же как не все слова, будучи услышанными или прочитанными становятся знанием. Потому, теперь, необходимо уточнить отношения между «языком-вирусом» и знанием.

Одной из моделей, рассматривающих соотношение знания и того, что его переносит через оптику вирусологии, является теория «мемов» и, в частности, теория «ментальных вирусов» [«Virus of the mind»]. «Мемы» и «ментальные вирусы» соотносятся друг с другом как знание и то, что его распространяет: мемы – это «единица информации, которая содержится в сознании», а «ментальные вирусы» - это способ, которым эта информация распространяется через коммуникацию.

Но при таком взгляде возникает вопрос об объективности мемов – если они содержатся только в сознании, то, как возможно их объективно изучать? Поскольку мемы оказываются тем, что всегда скрыто в чьём-либо сознании, всё, с чем мы имеем дело – это всегда «ментальные вирусы», то есть, то, что мемы переносит. И если ход мысли Карла Поппера позволял ему говорить об объективном мире знания, «мире 3», то теория мемов не предусматривает такой возможности. В ней мы всегда имеем дело со способом передачи, и никогда не с «самими мемами». В таком случае, и изучать возможно лишь то, как знание передаётся, и при этом всегда спорить о том, о каком именно знании идёт речь. Показательным здесь является диалог, воспроизведенный Ричардом Броуди в его книге «Ментальные вирусы», в котором он, Чарльз Саймони и Грег Казник обсуждают мемы, но не могут прийти к консенсусу на счёт того, что именно является мемом¹²¹.

Обратим внимание на оппозицию, неявно вводимую вместе с разделением «мемов» и «ментальных вирусов»: гены связаны именно с генетической передачей, т.е. предполагают наследственную передачу, в то время как вирусы – это передача

¹²¹ Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют наше сознание / Пер. с англ. Л.В. Афанасьевой. – М.: Поколение, 2007. Стр. 2-4.

через заражение. Несомненно, знание переходит из поколения в поколение, и в этом оно похоже на генетическую наследственность, но при этом оно передаётся именно заражением. Таким образом, говоря о способе передачи, вернее связывать знание с вирусами, нежели с генетической наследственностью. Генетическая метафора, схватывающая сходство генов и знания как программ, определяющих наше поведение, так же приводит наше рассуждение к вирусам, встраивающимся в геном, – они тоже имеют гены, даже более того, они и есть гены. Следовательно, различие между «генами» и «вирусами» с самого начала было не в том, что одни являются «содержанием», а другие – способом передачи. Речь здесь о различии двух способов передачи – генетическом и инфекционном. И знание передаётся, как мы считаем, именно «инфекционным путём».

Потому, взяв теории «Слова-вируса» Берроуза и «языка-вируса» Дикона за отправную точку, мы можем по-другому взглянуть на этот вопрос. Покуда язык – слова и образы – являются вирусами, то «болезнь», которую они вызывают в носителе, является знанием. Это вполне описывает имеющееся положение дел – так же как вирусные частицы могут переноситься на одежде, предметах или по воздуху, не становясь при этом болезнью, так же и слова могут переноситься записями или звуком (вибрациями воздуха) и при этом не приводить к знанию. В тоже время, встретившись с подходящим носителем, язык-вирус вызовет в нём изменения, причем, вполне материальные: новое знание изменяет мозг носителя (появляются новые связи между нейронами, старые могут переструктурироваться), личность и поведение. Таким образом, знание – это эффект языка-вируса на носителей.

Верно и то, что человек может просто заучить определенный набор слов или терминологию, не понимая при этом что она означает, т.е. не имея никакого знания. В таком случае, он просто оказывается переносчиком языка-вируса, подобным книге или магнитофону. И подобная ситуация не является редкой – мы постоянно используем множество слов, не задаваясь вопросом об их точном значении или этимологии. При этом, всегда возможно с точностью определить вызвали ли слова

знание за счет симптомов: так, умение решать уравнения является симптомом знания математики, а навык водить машину – симптомом знания дорожного движения и управления автомобилем. Именно по возникновению симптомов определяется вызвал ли вирус «болезнь» или нет, имеем ли мы дело с носителем или с переносчиком.

Попав в организм вирус взаимодействует с ним, и от этого зависит как возможность возникновения заболевания, так и характер симптомов. Так, человека не знакомого с физикой нельзя заразить знанием о «бозоне Хиггса» (но можно сделать переносчиком), а на человека не знающего итальянского никак не подействуют итальянские слова (но, опять же, он может их просто запомнить и воспроизвести). Таким образом, вероятность заражения зависит от организма, от тех знаний, что уже имеются у предполагаемого носителя - как знания языка и чтения, так и более специфических научных или практических знаний. Так же, от этого зависит то, как именно будут поняты слова или образы – поэт интерпретирует слово «метафора» иначе чем лингвист, и совсем по другому её воспримет психоаналитик. Однако, это не мешает объективно оценивать наличие знания у носителя, необходимо лишь принять во внимание уже имеющиеся у него знания. Т.е. анализировать симптомы нужно принимая в расчет индивидуальное устройство организма. И, в конечном итоге, речь здесь о теле, ведь мозг является частью тела и организма, а поскольку знание изменяет устройство мозга, постольку можно говорить, что знание – это часть объективного состояния организма. Симптоматология, как было показано ранее (подпараграф 2.2. главы 1), это наука о симптомах и знаках болезней. Следовательно, речь здесь о языке [заболеваний]. Это верно и по отношению к вирусам, поскольку многие симптомы являются способом распространения инфекции – кашель, потливость, рвота и т.п. Таким образом, внешнее выражение знания вновь оказывается языком.

Онтология актуального и виртуального позволяет добавить к этому несколько дополнительных замечаний. Во-первых, знание обладает не только актуальным, но и виртуальным регистром: знать определённое слово – это и знать

его написание, и то, как оно звучит, и то, как его произнести, и то, что оно значит. Лишь приняв во внимание виртуальный регистр, можно говорить, что надпись и звук, совершенно различные как актуальные происшествия, является одним и тем же словом (виртуально). Умение произвести определённые действия, узнавание определённых слов и словосочетаний, способность пересказать *тоже самое* «своими словами» - всё это различные актуализации виртуального аспекта знания. При этом, актуальные и виртуальные аспекты не отделимы друг от друга – актуальные наблюдаемые действия будут лишь набором хаотических движений без понимания, что виртуально это «танец» или «вождение машины». Верно и обратное – нельзя сказать, что некто знает о микробах и при этом не моет руки перед едой, умеет водить машину и при этом не отличает руль от коробки передач. Во-вторых, именно наличие виртуального регистра позволяет отличить носителя от переносчика. Книги не могут сами себя переписать или скопировать – у книги есть лишь актуальное. У человека, в своё очередь, есть, помимо актуального восприятия, виртуальная память, и потому он может произнести написанное слово или найти к нему синоним, т.е. увидеть то общее, что имеется у различных актуализаций. Стоит добавить, что виртуальный регистр имеется и у компьютеров – как у обыкновенных, так и у различных моделей искусственного интеллекта. У них есть виртуальная память, актуализирующаяся через устройства вывода – экраны, принтеры, колонки и т.д. И потому, компьютер тоже можно считать носителем, при условии, что для работы с данными у него имеется необходимое программное обеспечение (знание).

Последнее, к чему стоит обратиться относительно представления о языке-вирусе и знании болезни, это к эстетической составляющей этой модели. Несомненно, не так уж и приятно ассоциировать знание с заболеванием. Потому, хоть это и не совсем верно, в дальнейшем будем говорить о знании-вирусе. Во-первых, это позволит выделить и отделить эту концепцию от тех, что легли в её основание – от концепций «слова-вируса» и «языка-вируса». Говоря о знании-вирусе, мы будем подразумевать представление о передаче знания посредством

заражения через коммуникации. Под «языком» мы будем понимать и разговорный язык, и письменный, и язык образов и жестов. Практика тоже является определённым языком, её необходимо интерпретировать и понимать. При этом и слово, и действие, и изображение являются образами. Под знанием будем понимать эффект широко понятого языка на носителя, включающий виртуальный регистр. Благодаря этому, теория «знания-вируса» отделяется от теории «мемов» и «ментального вируса», в которой невозможно объективное исследование знания. Во-вторых, существует практика называть определённую болезнь так же, как и вирус её вызвавший – так, к примеру, слово «грипп» является и наименованием вируса, и именем болезни, и обозначением для индивидуального заболевания.

Выводы к §1 главы 2

В данном параграфе был исследован вопрос онтологии «мира 3», т.е. способа его существования. «Мир 3» - это теоретическая конструкция, позволяющая выделить сумму знаний в их отличии от других объектов реальности. «Мир 3» имеет несколько уровней – актуальные записи, переносимые и хранимые на физических объектах (книги, видео, аудио); виртуальные целостности которые устанавливают смысл и значение записей (дисциплины, университеты, науки т.п.); практика, благодаря которой записи остаются прочитываемы, а виртуальные образования продолжают существовать. Результат взаимодействия этих трех уровней – знание; и, в конечном итоге, сам «мир 3» как виртуальное единство всех этих составляющих.

Отдельно было проанализировано соотношение между языком и знанием. Знание является эффектом языка, а не его содержанием. Этот эффект не является лишь виртуальным, но вполне материальным, отражаясь на строении и функционировании организма-носителя. Будучи передаваемым от одного носителя другому и распространяясь на всё больших масштабах, знание гомеоморфно в этом плане вирусу. Такой подход позволяет детально анализировать распространение знания и его становление общепринятым, т.е. широко распространённым.

Подобный взгляд, основывающийся на аналогии функционирования знания и вируса, получил название «концепция знания-вируса».

§2. Функционирование «Мира 3»

Показав необходимую связь между «Миром 3» и «Миром 2», мирами знания и сознания соответственно, мы, тем самым, поставили под вопрос «относительную автономию», которую Карл Поппер выделял как одну из двух главных характеристик того, что он называл «объективным знанием». Поппер утверждал, что «именно возможность или потенциал некоторой вещи быть понятой, её диспозициональный характер быть понятой и интерпретированной или неправильно понятой и неправильно интерпретированной делает её книгой. И эта потенциальная возможность, или диспозиция, книги может существовать, не будучи когда-либо актуализованной или реализованной»¹²², но Г.Д. Левин показал, что и эта возможность так же зависит от существования людей и их коммуникации. Мы же, в свою очередь, указали и на тот факт, что сама возможность, «возможное» как категория, так же зависит от субъекта, обладающего памятью и способного эти возможности пред[о]ставить. Та автономия, о которой говорил Поппер, была онтологической автономией – независимости текста и возможности его чтения от читателей, и главная ошибка заключалась именно в этом подспудном «онтологизировании» теории «Трёх миров». С этим постулатом был связан и второй – об объективности знания, а вместе они легитимировали эволюционную эпистемологию как дисциплину, способную к объективному анализу роста знания. Потому, необходимо заново ввести эти характеристики, но уже совершенно другим образом.

2.1. Объективность

Для Поппера объективность «Мира 3» следовала из его [«онтологической»] автономии: покуда, по его мнению, любая запись содержала в-себе возможность быть понятой, она отрывалась тем самым от любой субъективности человеческих сознаний, и изучение записей представлялось объективным. Однако, в

¹²² Поппер К. Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В. Н. Садовский. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с. Стр. 116

предыдущем параграфе было показано, что «мир 3» не может существовать без носителей. Следовательно, объективность знания в том виде, в каком она представлялась Попперу, невозможна. Но, подобно тому, как с возникновением теории относительности, сделавшей необходимым принимать в расчет систему отсчета, физика не перестала претендовать на объективность своих выводов, так же и для эволюционной эпистемологии «субъективность» не должна становиться преградой. Достаточно лишь вместо объективности знания без субъекта, постулировать объективность самой субъективности.

Первое, на что необходимо обратить внимание – это на обратное действие «Мира 3» на «Мир 2». Не только мир знаний оказывается детерминированным миром сознания, но верно и обратное. Представление о влиянии языка на сознание людей им пользующихся для философии не ново. Его распространение привело к тому, что называется «лингвистическим поворотом»: «Лингвистический поворот, который произошел в философии прошлого века, привел ко многим ныне неоспоримым выводам. Во-первых, он убедительно показал, что язык был тем инструментом, благодаря которому была «разорвана» та непосредственная слитность объекта и вызванного этим объектом состояния психики, в которой, наверное, пребывает животное. (Назовем это психологической функцией языка). Во-вторых, стало очевидным, что язык является основой дифференциации предметов и явлений внешнего мира, их выделения из непрерывности пространственного и временного континуума, и что, совершая это по-разному, он создаёт различные картины мира у носителей различных языков. (Назовем это семантической функцией языка). В-третьих, было показано, что язык позволяет связать выделенные элементы мира некой независимой от воли и желания людей связью, которую мы называем грамматикой или логикой. (Назовем это синтаксической функцией языка). В результате язык действительно оказывается «строительным материалом» как субъективного (идеального), так и объективного

(материального) мира»¹²³. Эти функции языка позволяют проиллюстрировать тот факт, что «Мир 3» - «Мир знания», так же является и «Миром языка», поскольку выделение определённых объектов (семантическая функция) и установление логических связей между ними (синтаксическая функция) и есть то, что называется знанием. Причем, это верно, как для «обыденного языка», так и для «научных», точнее, для «искусственных» языков.

Субъективность долгое время представлялась неотъемлемой составляющей того, что (само)называлось «человеком». «Стандартом» субъекта была концепция самосознания, разработанная Декартом, и получившая в последствии название «Когито», происходящее от знаменитой формулы «Cogito ergo Sum» [«Мыслю, следовательно, существую»]. Но на протяжении XX века она была подвергнута критике. В первую очередь, возникает идея о «дореклексивном cogito», в работах Мерло-Понти¹²⁴ и Жана-Поля Сартра¹²⁵ - самосознание оказывается необязательным механизмом сознания, а его возникновение предполагается не естественным и не обязательным. С приходом структурализма, субъект, его самосознание, его «Я» рассматриваются как порождение языка¹²⁶. Так открывается целое поле для изучения субъективности как языкового конструкта¹²⁷ и различных способов её конструирования. Центральными в этом вопросе являются работы Мишеля Фуко – «Слова и вещи»¹²⁸, в которой Фуко показал, что «Человек»

¹²³ Бродский А. И. О книжниках и лесниках. Этический смысл архи-письма / Этическая мысль научно-теоретический журнал. 2016. Т. 16. № 1. Стр. 24

¹²⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Перевод с французского под редакцией И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. Санкт-Петербург. «Ювента». «Наука». 1999.

¹²⁵ Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. Пер. с французского Дмитрий Кралечкин – МОДЕРН, 2011 – 160 Стр.

¹²⁶ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/1955)). Пер. с фр. / А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2009 – 520 стр.

¹²⁷ Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида / В. Мазин. – СПб.: Алейтея, 2010. – 256 с.

¹²⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой Вступительная статья Н. С. Автономовой, СПб., А-сad, 1994

является «недавним изобретением», поскольку является определённым представлением, сформировавшимся в новое время¹²⁹; «История безумия в классическую эпоху» (1972)¹³⁰, посвященная вопросам соотношения разума и неразумности, и анализу декартовского *Cogito* как момента установления этой оппозиции в Новое время¹³¹; а так же триптих лекционных курсов, посвященный исследованию античных – греческих и римских – практик субъективации: «Герменевтика Субъекта»¹³² и две части «Управление собой и другими»¹³³. После Фуко тема конструирования субъективности распространилась за пределы как Франции, так и постструктуралистской философии. Более того, после Фуко речь пошла уже не просто об изучении исторически сложившихся моделей субъекта, но об их модификации и проектировании¹³⁴. Однако, реконструкция истории изучения субъективности¹³⁵ и ее производства не входит в задачи данного исследования, и потому, ограничимся лишь этим указанием на исследовательское поле объективного изучения субъективности.

¹²⁹ Анализ самоопределения «человека» см. Агамбен Джорджо Открытое / Пер. с итал. И нем. Б.М. Скуратова / Редактор глав 1-11; 15-19 М. Маяцкий; 12-14; 20 – Дм. Новиков. М.: РГГУ, 2012. 112 с.

¹³⁰ Фуко. М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К. Стаф. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698, [6] с.

¹³¹ О споре между Жаком Деррида и Мишелем Фуко, возникшем по вопросу декартовского *Cogito* см. Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида [Текст] / Д.Б. Голобородько; Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с.

¹³² Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

¹³³ Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2011. – 432 с. и Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.

¹³⁴ Гваттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Кн. 1. Л., 1991. По вопросу взгляда Феликса Гваттари на производство субъективности и его исследование см. Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. — 246 с.

¹³⁵ Об истории этого исследовательского поля см. Колесников А.С. Проблема субъективности в постструктурализме // Формы субъективности в философской культуре XX века. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.79-106.

И всё же, необходимо указать на точку соприкосновения теории слова-вируса с исследованиями субъективности. Так, Кристофер Лэнд замечает, что «посредством обращения к разработкам Уильяма С. Берроуза вопрос о нарративном наделении идентичностью и вопрос языка может быть поставлен снова»¹³⁶. Далее, в своей работе, посвященной берроузианской теории языка, Лэнд показывает, что «основной аргумент Берроуза состоит в том, что язык - это физическая, вирусная инфекция, которая развила паразитические или симбиотические отношения с человеческим телом. На самом деле, эта инфекция является основой того, что мы сейчас понимаем под «быть человеком». Комплексные отношения между словами, изображениями слов и субъективностью функционируют в некотором числе регистров. На одном уровне, Берроуз фокусируется на наших ежедневных субвокализациях, внутреннем монологе, который обеспечивает ощущение персональности повествования, удержание во времени субъективности, которую мы принимаем за нашу самость (self). Эти субвокализации одновременно идут снаружи, отсюда, взгляд на них как на вирусную инфекцию, и конституируют нутро: субъект/"я". Они внешние по крайней мере в двух смыслах. С одной стороны, они довольно часто состоят из фрагментов и отрывков, подхваченных в разговорах, ежедневной прессе, книгах, радио и телевидении. Кроме того, они могут быть сгенерированы реакцией на внешний авторитет, к примеру, когда ребенка вызывают к директору или если во время путешествия чей-то паспорт или документы не в порядке. В таких ситуациях беспрерывно прокручиваются по кругу извинения и оправдания, репетируя потенциальную встречу с 'контролем'. С другой стороны, для Берроуза идея языка в целом является чем-то внешним. В этом отношении, субвокализация не является "естественной", это продукт языка, со всеми его грамматическими структурами и

¹³⁶ «By turning to the work of William S. Burroughs the question of narrative identity and language can be asked again however» Land C. Apomorphic Silence: Cutting-up Burrough's Theory of Language and Control. Стр. 452 (Перевод наш)

содержаниями, приходящими извне тела»¹³⁷. С такого ракурса, всё то, что представлялось Попперу «субъективным», предстаёт как вполне объективные языковые образования, которые возможно рассматривать «извне». Во-первых, субвокализация, т.е. «внутренний монолог» индивида, происходит без вмешательства воли этого индивида, более того, против этой воли. В подтверждение Берроуз предлагает эксперимент: «Попробуйте прекратить свою внутреннюю речевую деятельность. Попробуйте добиться хотя бы десятисекундной внутренней тишины. Вы натолкнётесь на противодействие организма, который *вынуждает вас говорить*. Этот организм и есть слово» (курсив автора)¹³⁸. Во-вторых, содержание этих субвокализаций является внешним по отношению к индивиду – это коммуникации и авторитетные инстанции¹³⁹. И то, и то входит в понятие «Мира 3». При этом, критика лингвистического производства

¹³⁷ «Burroughs' basic argument is that language is a physical, viral infection which has developed a parasitic or symbiotic relationship with the human body. In fact this infection is fundamental to what we now understand as 'human being'. The complex relationship between words, images of words, and subjectivity operates on a number of registers. At one level, Burroughs focuses on our everyday subvocalizations, the internal monologue that provides a narrative sense of personal, subjective continuity which we think of as 'our self'. These subvocalizations simultaneously come from outside, hence the notion that they are a viral infection, and constitute an inside: the subject 'I'. They are external in at least two senses. On one hand they are often constituted by fragments and snippets picked up from conversations, the daily press, books, radio and television. Alternatively they might be generated in response to an external authority, as when a child is called before the headmaster, or when travelling when one's passport or papers are out of order. In such situations one incessantly runs excuses and explanations round and round, rehearsing the potential encounter with 'control' (Burroughs, 1989: 108). On the other hand, for Burroughs the whole idea of language is something external. In this respect subvocalization is not 'natural', but the product of a language, with all of its grammatical structures and subjects, that comes from outside the body» Land C. Apomorphine Silence: Cutting-up Burrough's Theory of Language and Control. Стр. 453-454 (Перевод наш)

¹³⁸ Берроуз У. Билет, который лопнул, оставил мало времени, поэтому желаю «Доброй ночи»: [роман] / Уильям Берроуз; пер. с англ. В. Когана. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. Стр. 54

¹³⁹ И в этих взглядах Берроуз близок к социологии. Например, Рэндалл Коллинз, в своей работе «Социология философий» утверждает: «Интеллектуальные группы, цепочки «учитель — ученик» и линии соперничества между современниками вместе создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность. Причем существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума. Группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это интеллектуальное сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве. Человеческий разум как вереница мыслей в отдельном теле конституирован историей личного участия человека в цепочке социальных столкновений. Для интеллектуалов это особые виды социальных цепочек и тем самым особые виды разума» Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм). Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. Стр. 52

субъективности и конструирования восприятия никак не противоречит нашим выводам, поскольку помимо языка как переносчика знания (понятого, к тому же, в наиболее широком смысле, как структурированное взаимоотношение артикулированных сущностей, включающих не только знаки и символы и образы), мы говорим и о самом знании, являющемся эффектом воздействия языка. Помимо слов и речей, Берроуз указывает и на властные инстанции. Однако, покуда речь идёт о восприятии индивида, эти властные инстанции, в конечном итоге, являются образом властных инстанций в сознании. А любой образ, в свою очередь, является неким знанием. Субъективность, в таком понимании, есть определённым образом структурированное знание – знание об объектах мира, знание о практике с ними и знание индивида о себе, как о некоем субъекте. Потому, покуда именно знание формирует субъективность, само оно является *над-субъективным*.

Часто замечается, что язык является intersубъективным образованием, т.е. зависящим не от одного отдельного субъекта, но от совместного функционирования нескольких субъектов. Так, для того, чтобы разговор состоялся, необходимо, чтобы все его участники владели необходимыми лингвистическими навыками – как минимум, были знакомы с используемыми в разговоре словами. Если один из участников вдруг начнёт использовать слова в других смыслах, то он не сможет продолжать коммуникации до тех пор, пока и другие участники не примут эти новые правила языковой игры. Однако, стоит присмотреться внимательнее, как станет очевидным, что помимо воли индивидов (одного или коллектива) использование языка так же устанавливается за счет сущностей, не являющихся субъектами – например, с помощью толковых словарей, или тех же самых властных инстанций (к примеру, органами цензуры), которые устанавливают определенные границы в использовании слов и речевых оборотов. Группа субъектов может желать говорить по-другому, не иметь такой возможности. Правила ведения делового разговора, нормы приличия, словарный запас – эти, и многие другие сущности, не являющиеся субъектами (но,

существующие как определённое знание) оказывают вполне осязаемое воздействие, как на самих субъектов, так и на формирование их субъективности.

Потому, вместо того, чтобы говорить о знании как об интерсубъективном, вернее говорить о его двух взаимосвязанных характеристиках – над-субъективностью и коллективностью. Поскольку, верно, что знание, имея вирусную природу, существует распространяясь. И даже если оно оказалось переносимым одним единственным носителем, оно все равно остаётся тем, что потенциально способно к распространению и заражению новых носителей. Знание-вирус изначально коллективно, но в некоторых случаях этот коллектив может оказаться ограничен одним носителем. В рамках концепции Ника Лэнда знание-вирус получает имя «гиперверия», которое «всегда превосходит единичные условия тех, кто его инициирует, и потому подразумевает коллективность»¹⁴⁰. К такому выводу он приходит постольку, поскольку, передаваясь и распространяясь знание мутирует, и уже невозможно говорить о чьем-либо авторстве, но лишь о множестве штаммов вируса, который коллективен и над-субъективен по своей природе. «Мир 3» не является творением одного единственного человека. Это изначально коллективный продукт, в создании которого участвовали не только люди, но и множество инстанций – таких как наука, культура, государство и т.д. Тоже верно и для «мира 3» как концепта – не только Карл Поппер, но и Имре Лакатос, и Стивен Тулмин участвовали в его разработке. А помимо них, на возникновение и мутации этого концепта оказали влияние и теория эволюции, и теория языка, и сама ситуация в философии, покуда она поставила перед Поппером определенную проблемную ситуацию, которую он и постарался решить благодаря теории «трех миров».

Введя представление о «мире 3» как коллективном и над-субъективном, и, исходя из этого, объективном, перейдём теперь к вопросу другой характеристики «мира 3» - относительной автономии.

¹⁴⁰ Реев И. Дисс-на-Land / Логос. том 28. #2. 2018. Стр. 141

2.2. Относительная автономия

Когда какое-либо знание воспринимается неким субъектом, можно сказать, что речь идёт о вполне объективной машине субъективности, о её объективной работе, и об объективной мутации знания в процессе переработки его машиной субъективности. В этой машине, знание может играть различные роли, встраиваясь в неё в качестве знания о мире (и себе, как части этого мира), в качестве ценности или цели, или оставаясь набором никак не обработанных слов. К примеру, словосочетание «все люди равны» можно обработать в качестве знания о мире («отныне я знаю, что все люди равны») или в виде ценности («равенство всех людей – это благо») или в виде цели («я стремлюсь к тому, чтобы все люди были равны») или это словосочетание может так и остаться сочетанием слов. Именно функционирование знания в различных ролях, а также взаимосвязь этих ролей и позволяет говорить об автономии «мира 3». Для уточнения этого тезиса, рассмотрим детальнее это взаимосвязанное функционирование.

Представления мира как мира объектов, а также способ их различения и связывания непосредственно влияют на практику индивида – то, как он будет с этим миром взаимодействовать. Практическая деятельность индивида связана с «интерьером» его деятельности: «в интерьер водителя автобуса, например, войдут и сам автобус, и пассажиры, и дороги, как в интерьер гончара – глина, круг, печь и т.п.»¹⁴¹, а то, что и как будет выделено в качестве интерьера зависит именно от знаний индивида. Таким образом, знания задают и представление о мире, и деятельность любого индивида¹⁴². Потому, М.К. Петров, и, в след за ним, профессор В.С. Степин проводят параллель между генами и социокодом: «Наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК, РНК) который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, регулирующие

¹⁴¹ Петров М.К. Язык, знак, культура / Вступ. Ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-ое стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. Стр. 33

¹⁴² О том, как система знаний отражается «видении» и «восприятии» в науке см. Кун Т. Структура научных революций. Глава X. Революции как изменение взгляда на мир

взаимодействие организма с внешней средой, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности»¹⁴³. (Покуда здесь используется новое понятие - «социокод» - необходимо уточнить как оно связано с понятием «Мира 3». «Мир 3» обозначает всю совокупность знаний, в то время как понятие «социокод» обозначает совокупность знаний, привязанную к определённому обществу и культуре¹⁴⁴. Разница этих двух понятий возникает в связи с различными целями, преследуемыми Поппером и Петровым: первому было необходимо указать на рост массива знания, второму – на его культурные различия. Если же принять во внимание, что впоследствии Стивен Тулмин добавил в понятие «Мира 3» так же и практику, поскольку помимо знания формул и терминов необходимо так же знать и то, как и зачем их применять (что предполагает так же и ценностные ориентиры), то становится очевидно, что «Мир 3» и «социокод» соотносятся между собой как тотальное и локальное выделение массивов знания).

Следующий момент, который необходимо рассмотреть – это связь между деятельностью, знаниями и тем, кто этим знанием обладает (психологическая функция языка). За счет спецификации знания и деятельности индивид оказывается неким определённым субъектом. Понятие субъекта существует в соотношении с объектом. Отношение же между субъектом и объектом принимает форму некой деятельности. Субъект – это всегда субъект деятельности, а та, в свою очередь, предполагает интерьер – выделяемые объекты. Покуда это является психологической функцией языка, обратимся за уточнениями к работам Жака Лакана. Первое, на что он указывает – это тот факт, что система языка превышает индивида масштабом как по объёму, так и по временному существованию. Язык,

¹⁴³ Степин В. С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 408 с. — (Классика гуманитарной мысли; Вып. 3) Стр. 42-43

¹⁴⁴ «Для всей этой совокупности массива знания и связанных с ним институтов и механизмов различного назначения мы ниже будем употреблять термин социокод, понимая под ним основную знаковую реальность культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчленённый на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения» Петров М.К. Язык, знак, культура Стр. 39

социокод, всегда предшествует любому отдельно взятому индивиду, он всегда оказывает в него вброшен с необходимостью. Но также эта система превышает индивида масштабом: индивиду доступна всегда лишь часть знания, определённый фрагмент, и сам он, индивид, оказывается в этой системе лишь деталью. Став субъектом речи, индивиду с необходимостью приходится принять правила языка, созданного до него, говорить по этим правилам, думать пользуясь навязанной ему извне логикой. Таким образом, не индивид устанавливает собственное положение в обществе, но общество впускает в себя индивида, делая его определённым субъектом и вменяя ему права и обязанности: «положение же субъекта <...> главным образом определяется его местом в мире символического или, иначе говоря, в мире речи. Данное место является тем, от чего зависит, имеет ли он право или же ему запрещено называть себя именем “Педро”»¹⁴⁵. Именно система знаний, система языка или социокод устанавливают кем будет тот или иной индивид, что он будет делать и как воспринимать мир.

Покуда «Мир 3» детерминирует индивида как субъекта, его деятельность, включая деятельность мыслительную и речевую, то как ситуация обстоит с отдельно взятой мыслью? На первый взгляд, представляется, что для теории эволюционной эпистемологии все выше перечисленные рассуждения чужды. Так, в самом первом предложении первой части работы «Человеческое понимание» Стивен Тулмин утверждает, что «мысли каждого из нас принадлежат нам самим; наши понятия мы разделяем с другими людьми»¹⁴⁶. Однако, если провести более пристальный анализ, несложно увидеть, что значение этих слов не столь буквально. В главе «Поколения судей» Тулмин пишет: «Наиболее существенным пунктом концептуальных изменений оставались (и остаются до сих пор) не мнения индивидов, а коллективно подтвержденная совокупность понятий, которая

¹⁴⁵ Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/1954)). Пер. с фр./ М. Титовой и А. Черноглазова (Приложения), М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2009 (1-е изд.: 1998). Стр. 109

¹⁴⁶ Тулмин С. Человеческое понимание Стр. 30

образует интеллектуальную передачу научных дисциплин»¹⁴⁷. Учёный как индивидуальность имеет меньшую важность в процессе концептуальных изменений, нежели понятия. Здесь важно отметить эту тонкость – не коллектив, но «коллективно подтвержденная совокупность понятий», т.е. речь идет именно о понятиях, а не о людях, как главном участнике и двигателе собственной концептуальной эволюции. Далее в тексте этот тезис еще более усиливается: «Пожалуй, коллективные профессиональные интересы науки оказывают более сильное влияние на индивидуальные профессиональные интересы ученых, чем индивидуальные – на коллективные»¹⁴⁸. Тут Тулмин уже прямо утверждает, что «интересы науки», которые, несомненно, «коллективны», но очевидно отличаются от «интересов коллектива», детерминируют «индивидуальные интересы учёных». Следует добавить, что любой коллектив учёных есть совокупность индивидов, а, следовательно, он также оказывается в подчинённом положении относительно такого образования как «наука». В качестве последней детали приведём еще одну цитату: «Очень часто вся деятельность учёного сводится к тому, что он разрабатывает концептуальные основания, сложившиеся у него еще в юности»¹⁴⁹. Таким образом, оказывается, что учёный сформирован превышающими его образованиями, сам образован ими. Следовательно, тезис о том, что «Мысли принадлежат нам самим» нужно понимать в юридическом смысле (что лишь подтверждается постоянным обращением Тулмина к юриспруденции): *de jure* мысли принадлежат нам, тогда как *de facto* это мы принадлежим нашим мыслям и тем образованиям, под влиянием которых они сложились. В свою очередь, принадлежность мысли субъекту так же вменяется самой системой – как грамматически («я думаю» «я мыслю»), так и юридически.

¹⁴⁷ Тулмин С. Человеческое понимание Стр. 268

¹⁴⁸ Там же. Стр. 269

¹⁴⁹ Там же. Стр. 268

Однако, теперь необходимо рассмотреть другую сторону вопроса – вопроса о свободе воли. Так, М.К. Петров отказывается от принятия тезиса о самоорганизации «Мира знания», поскольку он, по его мнению, сводит на нет вклад индивида в научный прогресс, редуцируя его волю. Тем самым устанавливается последняя проблема, требующая решения – каким образом совместить свободу индивида с самоорганизацией системы знаний, «Мира 3»? Если знание самоорганизуется, то индивид лишь безвольная деталь механизма. Если же индивид свободен в своих действиях, то это он организует знание. Выход из этой дилеммы позволяет найти наша путеводная нить – представление о знании, как о вирусе. Первое, на что нам необходимо обратить внимание, это тот факт, что система языка, норм, культуры не существует сама по себе. Она всегда предполагает носителей – тех самых индивидов. В свою очередь, никто из индивидов не переносит всю систему целиком, но, как выражается Петров, обладает лишь «фрагментом знания». Различные индивиды переносят различные фрагменты, а среди них есть и те, что отвечают за организацию других фрагментов. Существуют субъекты исполнители, чей интерьер деятельности имеет отношение к объектам физического мира. Но также существуют субъекты координаторы, организаторы, администраторы – их интерьер деятельности — это другие субъекты, деятельность которых они организуют. Существуют те, кто роли распределяет, заведует кадрами, и их фрагмент знания – это структура ролей в организации. Есть и те, кто осуществляет надзор. Их фрагменты знания пересекаются – есть общие знания для всех, есть специфические. Система родственных сходств между фрагментами. Именно так знание самоорганизуется – кто-то знает роли, будучи субъектом из отдела кадров, и распределяет их; индивиды, получившие таким образом роли, становятся определёнными субъектами в составе организации, где одни будут за этой организацией следить, управляя деятельностью субъектов исполнителей, другие следить за исполнением, а третьи исполнять. Ролей может быть гораздо больше, в зависимости от организации, а взаимодействие между субъектами происходит нелинейно – новые

данные от исполнителя могут потребовать внесения корректив в организацию, или необходимость введения новых ролей. Субъекты коммуницируют между собой передавая знание и изменяя его и друг друга. Вместе они образуют самоорганизующуюся систему знаний, но в тоже время каждый имеет определенную свободу действий: надзор и контроль имеет свои границы, так же как имеет границы и каждый фрагмент знания, потому всегда есть ситуации, когда индивид сталкивается с чем-то ему неизвестным и волен решать сам, что делать (исходя из других своих знаний); когда индивид может не подчиниться правилам; и, в конечном итоге, когда индивид перестаёт быть именно этим субъектом (в конце рабочего дня перестав быть субъектом рабочим, а став субъектом мужем/женой, отцом/матерью, ребенком, покупателем или гражданином) или перестает на время быть субъектом вообще.

Но помимо самоорганизации имеет место и саморазвитие знания. Обратимся к известной схеме постнеклассической рациональности: «субъект-метод-объект-результат». В этой схеме, знание выступает в каждой из четырех ролей, задавая субъективность исследователя, его метод, представление об объекте и, когда речь идёт о деятельности ученого или мыслителя, знание так же является результатом – новым знанием. Следовательно, помимо самоорганизации знания, имеющей место повсеместно, знание так же саморазвивается благодаря носителям, занимающимся научной деятельностью. Потому, подобно тому как объективность «мира 3» следовала из его коллективности и над-субъективности, его автономия возникает за счёт того, что, функционируя в различных носителях и играя различные роли, оно самоорганизуется и саморазвивается.

И именно это со всей очевидностью предстаёт, когда мы рассматриваем взаимоотношения этих миров в терминах «вируса» и «носителей». Однако, здесь необходимо отметить, что, хотя вирус влияет на поведение, влияет на носителя, но он и подстраивается под него мутируя. Как было замечено в связи с рассмотрением коммуникации как инфекционной передачи, заражение предполагает не перенос смысла или образа из одного сознания в другое, но возникновение схожего смысла

или образа у того, кому было что-либо сказано. Это вполне согласуется с данными вирусологии – «чем в более близком родстве состоят два вида, тем выше вероятность того, что микроб успешно перескочит с одного на другого»¹⁵⁰. Это в данном контексте означает, что чем более родственны между собой фрагменты знания двух индивидов, тем выше вероятность, что при коммуникации у них будут возникать схожие смыслы и образы. Верно и обратное – люди с совершенно разными знаниями могут друг друга просто не понять, т.е. заражения словом-вирусом не произойдёт. Если же разница в их знаниях невелика, то заражение будет иметь место, но вирус мутирует – у адресата возникнет смысл, но отличный от того, который был у адресанта. В свою очередь смысл возникший у адресата зависит от уже имеющихся у него знаний, т.е. от других, ранее полученных им вирусов. И как верно то, что и в пределах одной культуры, одного общества или одной научной дисциплины сосуществуют различные вирусные знания, так же верно и то, что многие из них распространены настолько, что понимание, заражение, все же возможно. И потому, мы и можем говорить о неких универсалиях культуры, но этот разговор будет требовать множества оговорок.

В довершение, коротко затронем вопрос о свободе индивида, дабы указать на то, что постулирование автономии «мира 3» не превращает индивидов в полностью контролируемых машин, работающих ради воспроизведения знания. У контроля, как замечает Берроуз, должны быть границы, иначе он перестаёт быть контролем. Потому, не вдаваясь в подробности, наметим путь к возможной концептуализации свободы индивида в рамках теории знания-вируса. Так, используя теорию смысла Жюль Делёза, А.Г. Сериков в статье «Семиотическая модель действия» рассматривает четыре аспекта речи – денотацию (состояние вещей, о которых говорится), манифестацию (состояние «я» говорящего), сигнификацию (соотношение слова с другими в структуре языка) и смысл как четыре вида смысла: смысл-денотацию, смысл-манифестацию, смысл-сигнификацию и смысл-событие.

¹⁵⁰ Найт. В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 78

Все они задействованы в речи и влияют на то, каков будет выражаемый смысл. Смысл-денотация, -манифестация и –сигнификация, оказываются детерминированы знанием, поскольку именно от него зависит то, что будет выделено как объекты, кем будет говорящий и какой фрагмент структуры языка ему известен. Но смысл-событие зависит от последовательности событий в жизни индивида. И хотя для Серикова, как и для теории языка-вируса, «индивиды рассматриваются лишь как среда (носители, реализаторы) коммуникаций»¹⁵¹, все же смысл-событие вводит новое уравнение – жизнь индивида как последовательность событий. Самоорганизация языка возможна за счет носителей, и они вносят в этот механизм особый фактор – векторы их жизней. В этом и проявляется возможная свобода носителей. Но к тому же и взаимосвязь с миром физических объектов («Миром 1»), откуда жизнь индивидов зависит и от него. Это вносит определённую долю хаоса в организацию языка, в тоже время, эту организацию не разрушая. Потому, указав на возможность определённой индивидуальной свободы носителей языка, в дальнейшем мы можем ей пренебречь в наших рассуждениях постольку, поскольку не это является нашим вопросом.

Установив присутствие зависимости возникающего у субъекта смысла при взаимодействии с текстом, мы можем вернуться к тому представлению об автономии записи, о которой говорил Поппер. Но ошибка Поппера была в том, что для него смысл или возможность смысла были привязаны к тексту-записи, и тем самым гарантировалась автономия мира знаний. Теперь же, откуда показана автономия мира знания как самоорганизующейся сети, существующей благодаря носителям, тот факт, что смысл всегда привносится носителем эту автономию не нарушает. Смысл текста возникает внутри этой сети, и функционирование текста как текста этой же сетью и гарантируется. Теория языка-вируса, слова-вируса позволяет рассматривать и текст, и индивида как носителей вируса, с той лишь разницей, что в тексте он переносится в «спящем» виде, в то время как в индивиде

¹⁵¹ Сериков А.Е. Семиотическая модель действия // Социологический журнал. - М.: ИС РАН, №1, 2009 Стр. 24

он активизируется: «В самом убедительном смысле, язык - вирус потому, что и тот, и другой мертвы, пока не обретают жизнь в человеческом носителе»¹⁵² С «точки зрения» слова-вируса и индивид, и книга и компьютер сходны постольку, поскольку являются средствами записи, воспроизведения и распространения. В свою очередь, введя в теорию «Трех миров» онтологию актуального и виртуального мы можем указать на важное различие – в обычной записи текст существует лишь актуально – как материальная запись на физическом носителе. Актуальный текст - это «спящий» вирус, неактивная идея. Текст лишь переносит его. Но индивид, обладающий памятью, позволяет слову-вирусу реализоваться полностью – он активизируется постольку, поскольку у него возникает виртуальный регистр – смыслы. Он «оживает», активизируется – что значит, становится способен к мутациям и распространению. Именно так и проявляется функциональная (в противоположность онтологической) автономия вирусного «Мира 3» - он самоорганизуется и саморазвивается в носителях, сохраняясь и передаваясь через любые средства записи.

При этом, сеть, существующая в носителях, получает особую значимость. Петров и Поппер делали акцент исключительно на записях, редуцируя зависимость знания от носителей. Но при таком взгляде проблемным становится существование «мертвых языков»: существуют такие записи, которые мы уже не в силах дешифровать постольку, поскольку все их носители уже мертвы. Знание и язык «умирают» без носителей, иногда безвозвратно. Верно и обратно: знание «живо» пока имеет носителей. Таким образом, теория слова-вируса позволяет принять вклад Томаса Куна, его акцент на внимании к сообществам, в общее русло эволюционной эпистемологии: «В первую очередь парадигма управляет не областью исследования, а группой учёных-исследователей. Любой анализ

¹⁵² Кан Д. Технологии физиологических коммуникаций у Уильяма Берроуза и Л. Рона Хаббарда // Митин журнал. 2008. № 60: сетевой журнал. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj60/kan.shtml> (дата обращения: 28. 02. 2017)

исследования, направляемого парадигмой или ведущего к потрясению её основ, должен начинаться с определения ответственной за проведение этого исследования группы или групп»¹⁵³. В тоже время, этот вклад должен быть модифицирован – в те времена, когда Кун писал свою «Структуру научных революций» Мировая Сеть Интернет не была довлеющим средством коммуникации, а так называемый «Искусственный Интеллект» (ИИ) еще не мог работать с информацией сам. Теперь же, скорее парадигма, теория или идея, распространяемая заражением, формирует сообщество – участники сообщества могут быть даже не знакомы друг с другом, но при этом совместно разрабатывать теорию или проводить исследования¹⁵⁴.

Таким образом, мы описали как возможна относительная автономия «Мира 3», его самоорганизация через носителей, путем детерминации их субъективностей, практик и картин мира. Формируя «субъект», «метод» и «объект», знание так же является результатом их совместного функционирования, тем самым порождая само себя с помощью своих носителей. Люди, компьютеры, книги и журналы, даже надписи на стенах являются для слова-вируса переносчиками, распространителями и носителями. Язык-вирус вполне автономен в своём развитии и организован.

Выводы к главе 2

В этой главе было показано, как объективность «Мира 3» связана с его автономией, но теперь в новом, функциональном, их понимании. Именно «объективность» онтологизируется – знание по своей природе объективно, и точно так же, оно вполне объективно функционирует в качестве «субъективного мнения» или «субъективных ценностей». И даже более того, в качестве самой «субъективности». Знание-вирус над-субъективно, поскольку находится в фундаменте любой субъективности, и всегда коллективно, поскольку по своей

¹⁵³ Кун. Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969г. М.: Прогресс, 1977. Стр. 234

¹⁵⁴ См. Крюков А.П., Демичев А.П., Поляков С.П. Веб-платформы для научных исследований. – Программирование. 2016, № 3, с. 12-30

природе оно с необходимостью распространяется, заражая все новых носителей. «Относительная автономия», в свою очередь, является функциональным следствием онтологической «объективности». Саморазвитие знания-вируса предстает со всей очевидностью в известной схеме постнеклассической рациональности: «субъект-метод-объект-результат», где оно выступает в каждой из четырех ролей, задавая субъективность исследователя, его метод, представление об объекте и, в конечном итоге, будучи результатом его деятельности – новым знанием-вирусом. «Мир 3» - это «вирусный мир», он представляет собой не один определенный вирус, но множество разных, взаимодействующих между собой, мутирующих при встрече и передаче.

Таким образом, задача встроить теорию слова-вируса в эволюционную эпистемологию решена и теперь мы можем рассмотреть, какие дальнейшие следствия проистекают из этого симбиоза.

ГЛАВА 3. МОДЕЛИ ИММУНИТЕТА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗНАНИЯ

§1. Иммунитет

Перенесение вирусологической метафоры в эпистемологию будет не полным без механизма иммунитета. Иммунитет – это механизм противодействия организма инфекционной угрозе. Механизм иммунитета имеет отношение к организму носителя, и потому оказывается связан с функционированием вируса. Если иммунная защита срабатывает, вирус оказывается обезврежен. В противном случае, велика вероятность заражения.

Только когда мы имеем дело с некой системой – не важно, сетевой, иерархической или рыночной – возникает деление на «внутреннее/внешнее» или «своё/чужое». Именно на этом разделении основывается функционирование иммунитета, как механизма защиты от инородного вторжения. Потому, иммунитет – это системный фактор. И, следовательно, разговор об иммунитете должен начинаться с определения основных принципов системы как целостности.

В подпараграфах 1.2 и 1.3 второй главы было введено представление о том, что любая целостность виртуальна – актуально мы всегда имеем дело со множеством [индивидов, объектов, частей, элементов], в то время как «целое» - это нечто, что от этого множества отличается. Актуально мы никогда не воспринимаем что-либо целиком, хотя бы потому, что объекты объемны, всегда даны восприятию лишь частично – их обратная, невидимая сторона достраивается воображением. Но как дело обстоит с плоскими изображениями, которые даны «целиком»? Этот пример лишь позволяет уточнить тот факт, что множество черт и цветных пятен объединяются в определенный гештальт – одна конфигурация черт распознаётся как лицо, другая как фигура и т.п. Такое деление на актуальные множества и виртуальные целостности позволяет рассматривать как целостности не только индивидов, но и институты, сообщества, страны или дисциплины. Университет как целостность отличается и от зданий, в которых он располагается, и от людей, в нём работающих, хотя и включает их всех в себя. «Единство всегда действует в лоне

пустого измерения, дополнительного к измерению рассматриваемой системы»¹⁵⁵ - утверждают Делез и Гваттари. Нечто как целое отличается от своих элементов, и потому само является еще одним элементом, новым объектом. И у любой такой, отличной от своих составляющих, целостности имеются собственные свойства, системные или эмерджентные, т.е. свойства, невыводимые из суммы элементов.

И при этом, целое всегда остается открытым, всегда имеет место обмен с внешней средой. Замкнутая, закрытая система была бы полностью непроницаема для внешнего воздействия. Другой полюс – это хаос, полная проницаемость, система «обнажена и беззащитна к любым, сколь угодно малым, внешним воздействиям»¹⁵⁶. Когда речь идёт о живом организме, то полная закрытость и полный хаос значили бы его смерть – живое умирает как при прекращении обмена с внешней средой (дыхание, питание), так и при полном распаде. Между двумя этими крайностями – жизнь системы. Также и механизм иммунитета функционирует между этими двумя полюсами. Потому, сначала, рассмотрим представление о динамике системы между полюсами, затем – рассмотрим механизм иммунитета и способы инфекционного внедрения.

1.1. Хаосмос: Тело без органов и организация

Когда мы говорили об индивиде как носителе, то рассматривали его как некий резервуар для вирусов. Внутренний монолог такого индивида представлялся, следуя Берроузу и Коллинзу, как “нарезка” из поступающей внешней информации – услышанных разговоров, прочитанных надписей, воображаемых бесед. «События и мысли людей не следуют по логической цепочке» - говорит Берроуз, и советует: «писателю, который надеется приблизиться к тому, что творится в голове и в теле персонажа, не следует ограничивать себя такой деспотичной структурой как “логика”». И все же, он замечает, что «поток сознания» это «всего лишь один

¹⁵⁵ Ж. Делез Ф. Гваттари «Тысяча плато: капитализм и шизофрения» Стр. 15

¹⁵⁶ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М.: ЛЕНАНД, 2017. Стр. 37

уровень мозговой активности»¹⁵⁷. Таким образом, Берроуз вводит представление о многоуровневости «мозговой активности» (понятия, позволяющего объединить «то, что творится в голове и в теле», поскольку мозг является и частью тела, и органом мышления). Для того, чтобы внести немного ясности, вновь обратимся к социологии, на этот раз в лице Чарлза Хортон Кули. Вторя Берроузу, он подмечает, что «основной поток наших мыслей состоит из импульсов, либо почерпнутых без какого-либо обдуманного выбора из окружающей действительности, либо возникающих из врожденных инстинктов или из привычки, тогда как функция высшего разума и воли должна состоять в их организации и направлении»¹⁵⁸. Здесь мы имеем дело с иерархией уровней, когда высшие уровни организуют низшие. Иерархии, как будет сказано в подпараграфе 2.1. настоящей главы, предполагают центр, которым в данном случае выступает «высший разум и воля» индивида.

Но какова степень этой организации хаоса внешних импульсов? За ответом на этот вопрос обратимся к В.С. Степину, который различает два вида познания – «обыденный» и «научный». «Обыденное» познание именуется им «стихийно-эмпирическим». «Стихийно» оно постольку, поскольку знания получаемые таким образом «чаще всего не систематизированы; это скорее, конгломерат сведений, предписаний, рецептов деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта»; а «эмпирическое», поскольку «их достоверность устанавливается благодаря непосредственному применению в наличных ситуациях производственной и повседневной практики». «Научное» же познание и получаемое посредством него знание имеет «характеристики системности и обоснованности», что предполагает «экспериментальный контроль

¹⁵⁷ Ожье. Д. Интервью с Уильямом Берроузом Стр. 40

¹⁵⁸ Кули Х.Ч. Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. Стр. 55

за получаемым знанием и выводимость одних знаний из других»¹⁵⁹. Такое деление позволяет выстроить шкалу «систематизации» – от «обыденного» к «научному». Достоверность устанавливается в обоих случаях, поскольку эксперимент так же является «непосредственным применением», с той лишь оговоркой, что он подготавливается заранее и проводится вне «повседневной практики». Определенная практика задаёт и своего субъекта. Следовательно, здесь идёт речь о двух видах субъективности: частичной, или фрагментарной «обыденной» субъективности и стремящейся к целостности и систематичности «научной» субъективности. Обе в той или иной мере являют собой некий «порядок», ведь в противном случае никакая практика не была бы возможна.

На первый взгляд, такая ситуация может показаться парадоксальной: с одной стороны, хаос «внешних импульсов», с другой, определённая степень порядка. И то и другое одновременно. Но каким образом все это сосуществует? Более того, если хаос предполагает принципиальную открытость внешнему, то как, в ситуации хаоса, который «повсеместно присутствует, вуалирует, практически, все явления нашей жизни как окружающей нас, так и внутри нас»¹⁶⁰, можно говорить о чем-то отдельном, автономном и тем более «целом», пусть и виртуально?

Для того, чтобы решить эту проблему обратимся к концепции «Тела без Органов» Жюльена Делёза. Она представляется наиболее удобной в данном случае по нескольким причинам:

Во-первых, сам Делёз использует этот концепт применительно и к индивидам (в «Логике смысла» и в «Тысяче плато»), и к таким образованиям как капитал, земля, деспот (в «Анти-Эдипе»), «но также и ТБО Государства, армии, фабрики, города, Партии и т.д.» («Тысяча Плато»), его возможно применять к анализу любых

¹⁵⁹ Степин В.С. Теоретическое знание / М.: Прогресс-Традиция, 2003. Стр. 47-48

¹⁶⁰ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М.: ЛЕНАНД, 2017. Стр. 33

систем (в том числе, в бизнесе, как это делает Т. Танем¹⁶¹). Такой перенос вполне правомерен, если принимать во внимание онтологию актуального и виртуального: реальность с которой мы имеем дело – это всегда реальность данная нам в нашей «психической» жизни, и потому и о любых системах мы должны говорить, как о том, что пронизано этой жизнью. При этом, речь идёт не о «субъективных» восприятиях, ибо Тело без Органов «это до-личностное и до-субъективное трансцендентальное поле»¹⁶² - мы сталкиваемся с восприятием «хаоса внешних импульсов» с самого рождения, еще до того как станем личностью или субъектом, до того как можем сказать «я» или «мое» восприятие, или «моё» Тело без Органов; тоже верно и для любого другого образования – капитал или земля, фирма или государство – это «целое», возникающее до того, как оно будет упорядоченно - до того как будет определена цель и функции.

Из этого вытекает во-вторых: Тело без Органов - это концепция хаотического «целого», целостности, существующей до любого порядка. Индивид - это Тело без Органов до того, как он стал кем-то [определённым]. Коллектив – это целое, еще до того, как в нём определились места или роли. Таким образом, Тело без Органов предполагает отношение – быть Телом без Органов, входить в его состав. Следовательно, есть некое «внутри» и некое «снаружи». А, следовательно, у Тела без Органов есть некий предел. Но, как и каким может быть предел коллектива или фирмы? «Предел какой-либо вещи есть предел её действия, а не контур её фигуры»¹⁶³ - замечает Делёз в своих лекция о Спинозе. Даже когда речь идёт о полном хаосе, в котором нет и намёка на порядок, а значит нет речи о каком-либо четко очерченном контуре этого хаоса, у него все же есть границы, являющиеся пределом. Лес – это Тело без Органов, и мы никогда не можем «назначить

¹⁶¹ Thanem, T. The Body Without Organs: (Nonorganizational Desire in Organizational Life) // Culture and Organization. 2004. Vol. 10 (3). P. 203-217

¹⁶² Дьяков, А. В. Жиль Делёз. Философия различия. – СПб.: Алетейя, 2013. Стр. 398

¹⁶³ Делез, Ж, Лекции о Спинозе / Жиль Делёз ; пер. Бориса Скуратова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. Стр. 140

отчетливый момент, где леса нет», и все же у него есть предел: «лес определяется не через форму, он определяется через потенцию: потенцию давать деревьям расти до момента, когда он больше этого не может»¹⁶⁴. Именно этот факт, что нечто может существовать даже, будучи неупорядоченным, без четких границ, позволяет говорить, как о целостности и в отношении безликих людей, и в отношении научных дисциплин, переживающих кризис, когда их цели, методы или ценности оказываются под вопросом, и по отношению к «Миру 3» или «мировой культуре», единство в которых существует лишь в потенции, в проекте. Порядок – это то, что возникает на Тела без Органов, в качестве временного гомеостаза. Внешние импульсы всегда имеют место и постоянно проникают вовнутрь. Но, только некоторые из них встраиваются в систему. Остальные оказываются незамеченными. И именно так проникают вирусы – в хаосе, вместе с хаосом, который окружает любую систему. По этой причине и делается такой акцент на введении представления о хаосе – нечто может оказаться внутри тела (Тела без Органов), но при этом не быть замеченным и опознанным [иммунной] системой. «Когда моё сознание расслабляется, меня захватывают малые восприятия, которые все-таки не становятся осознанными; они не становятся апперцепциями, потому что захватывают моё сознание только когда оно дезорганизовано. Вот в этот момент меня заполняет целое море малых восприятий. И дело не в том, что эти малые восприятия перестают быть осознанными, дело в том, что я перестаю быть осознающим. Но я их переживаю, я пережил их неосознанно. Я не репрезентирую их, я их не воспринимаю, но они тут, они кишат»¹⁶⁵. Окружающий мир наполнен микробами – с каждым вдохом они проникают в нас. Некоторые не задерживаются надолго, некоторые остаются и включаются в общее функционирование организма, некоторые оказываются вредоносными и вызывают иммунный ответ. Можно сказать, что любой порядок погружен в хаос, но точнее будет утверждать, что

¹⁶⁴ Там же. Стр. 140

¹⁶⁵ Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. Стр. 78

любой порядок возникает в хаосе. Можно было бы сказать, что хаос окружает любой порядок, но точнее будет полагать, что хаосом проникнут порядок, а порядком – хаос, они перетекают друг в друга каждое мгновение. Потому, следуя Делёзу, можно говорить о Хаосмосе – хаосе, в котором возникают области порядка. Концепция «Тела без Органов», в свою очередь, позволяет выделять те или иные образования в этом хаосмосе, далеко не всегда упорядоченные и систематизированные.

В-третьих, Тело без Органов выступает пределом в еще одном смысле – оно является предельным случаем, когда системы нет, организм мертв, но всё еще существует некое целое. Полное Тело без Органов лишённое всякой организации – это в некотором смысле смерть. Но смерть, парадоксальным образом остающаяся жизнью. «Смерть – это состояние живого, которое не перестаёт жить»¹⁶⁶. Эта парадоксальная ситуация столь важна, поскольку имеет непосредственное отношение к вирусам, к тому факту, что они находятся на границе живого и не-живого: вне носителя вирус мертв, у него отсутствуют органы и метаболизм и все же он продолжает «жить», «проснётся», как только окажется в чьём-либо организме. Тоже верно для дисциплин и теорий. Эволюционная эпистемология лишена единства – геннокультурная теория, концепция Поппера, концепция Тулмина и все порознь – быть может, «мертва» - умерли Карл Поппер, Стивен Тулмин и Имре Лакатос, сектора «Эволюционной эпистемологии» больше нет в ИФ РАНе –но это не мешает ей воскреснуть, как только найдется подходящий носитель. Именно об этом писал Делёз, когда противопоставлял генеалогию и заражение: дисциплина мертва, нет носителей, а значит, и нет прямой преемственности учитель-ученик, но всегда остаётся шанс, что она будет передана через сохранившиеся записи, заразит кого-то, в отдалённом времени или месте, и оживёт вновь. Жизнь не кончается, покуда есть вирус и способы его передать. И в этом смысле вирус – это бесформенная частица целого, способная вызвать волну.

¹⁶⁶ Там же. Стр. 79

Группа распалась – нет ни коллектива, ни места, ни планов, она существует лишь в памяти, т.е. виртуально. Но этого уже достаточно, чтобы была возможность её возрождения, актуализации в новом коллективе и в другом месте. Вирус актуален как некая запись, но переносит виртуальную болезнь, актуализирующуюся в носителях. И эта болезнь есть, как определённое целое, даже если у неё долгое время нет носителей, нет больных ею органов и зараженных ею организмов. Есть Тело без Органов – виртуальное целое, имеющее актуальные детали. И иногда достаточно лишь одного вируса, одной частицы, чтобы болезнь – теория, дисциплина, знание - возникла вновь и, быть может, даже вызвала эпидемию. И этот предельный случай, третья причина, по которой здесь необходим концепт Тела без Органов.

Однако, покуда Тело без Органов виртуально, что же представляют собой его актуальные компоненты? Покуда ТБО виртуально, покуда оно – предельный случай, есть всегда что-то поверх него – некий порядок, организация. «Если ТБО – это некий предел, если мы никогда не перестаём достигать его, то это потому, что всегда есть страта позади другой страты, страта, встроенная в другую страту»¹⁶⁷ - пишут Делёз и Гваттари. Но что такое страты? Для того, чтобы уточнить этот вопрос, обратимся к противопоставлению, вводимому Делёзом, относительно страт: в ранних работах («Эмпиризм и субъективность») «Делёз противопоставляет “ассамбляж, или собрание” “системе”. Такое же противопоставление он проводит в более поздних работах между “ассамбляжами” и “стратами”»¹⁶⁸. Таким образом, «страты» являются синонимом «системы», в то время как «ассамбляжи» или « сборки» - это «собрание». Но каким образом устанавливается различие между ними? Для этого обратимся к другой связке понятий – «территоризация/детерриторизация/ретерриторизация». Все эти три концепта обозначают определённые процессы, происходящие со

¹⁶⁷ Ж. Делёз Ф. Гваттари «Тысяча плато: капитализм и шизофрения» Стр. 265

¹⁶⁸ Деланда, М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Примечание 6 Стр. 155

«сборками»/«ассамбляжами». «Процессы territorизации – это в первую очередь процессы, которые очерчивают границу или делают более резкими пространственные границы определенных территорий. С другой стороны, territorизация отсылает к таким непространственным процессам, повышающим внутреннюю гомогенность ассамбляжа, как процессы отбора, в ходе которых из состава организации исключаются определенные люди, или процессы сегрегации, повышающие степень этнической или расовой однородности района». В свою очередь, «всякий процесс, дестабилизирующий пространственные границы либо повышающий внутреннюю гетерогенность, понимается как детерриторизация»¹⁶⁹. К этому остаётся лишь добавить, что под «ретерриторизацией» подразумевается возобновление процесса «территоризации». Таким образом, степень territorизации сборки – это степень её закрытости от внешнего воздействия.

Но все эти процессы Делёз называет лишь первой артикуляцией – territorизация приводит к гомогенности сборки, но еще не делает её системой/стратой. Момент перехода от сборки к страте описывается как вторая артикуляция, связанная с процессом кодирования. Кодирование закрепляет границы сборки и стабилизирует её идентичность. Так, относительно такой страты как субъективность, Делёз замечает, что «Субъект – это такая инстанция, которая - в результате действия принципа полезности – преследует некую цель или намерение, она организует средства с точки зрения цели и, в результате действия принципов ассоциации, устанавливает отношения между идеями. Итак, собрание становится системой. Собрание восприятий становится системой, когда последние организованны, когда они связаны»¹⁷⁰. Какой бы закрытой, territorизованной не была бы сборка, она всегда может вновь открыться – ничто не удерживает её в этом состоянии. Но стоит возникнуть определённому коду, второму уровню, связывающему все компоненты, организующему их и направляющему к

¹⁶⁹ Там же. Стр. 23

¹⁷⁰ Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Стр. 103

определённой цели, то детерриторизация уже не сможет произойти так просто. К примеру, когда собирается небольшой коллектив, он остаётся сборкой, откуда к нему всегда может присоединиться новый участник, так же как старый участник может легко его покинуть. Территорируясь, т.е. обретая идентичность (например, обычное сообщество вдруг осознает себя как сообщество любителей рыбалки или Деланды), этот коллектив уже будет проводить отбор новых участников («не рыбак да не войдёт» или «простите, но мы тут обсуждаем современную философию, и если вы ничего о ней не знаете, то вам будет скучно с нами»). Но когда поверх этого у коллектива возникнет свой код (сообщество любителей рыбалки станет «клубом рыболовов») – свод правил, тайные знаки, ритуальные действия и т.п. – процесс принятия нового участника уже будет сопряжен с множеством дополнительных преград – экзамен, проверка, испытание, инициация.

Благодаря такому взгляду мы получаем возможность представить себе случай «обыденной субъективности», которая характеризуется именно отсутствием системности, как сборки: лишь отдельные фрагменты знания, иногда даже не связанные никак между собой. «Хотя в норме нам кажется, что наша психика представляет собой единое целое, всё же и внутри каждого из нас находятся несколько «персон», наше Я в той или иной мере является множественным. Это проявляется в те минуты, когда мы обдумываем какое-либо решение, и внутренние персоны вступают в диалог между собой, высказывая несовпадающие мнения»¹⁷¹. Даже более того, концепция Делеза позволяет рассматривать и предельные случаи, когда никакого «Я» нет. Тело без Органов, пишет он, противостоит не органам, но организму, организации. Делёз и Гваттари выделяют три основные страты, производящие процессы на Теле без Органов: это организация, означивание и субъективация. Таким образом, могут существовать случаи, когда имеет место организация или значение, но нет субъективности. Так,

¹⁷¹ Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе Стр. 45

в известном примере Сартра из «Трансценденции Эго», когда мы бежим к остановке, желая успеть на трамвай, есть лишь «трамвай на который надо успеть», но нет никакого «Я». «Я» это точка субъективации, возникающая за счет рефлексии. «Каждый человек имеет несколько точек субъективации, фиксирующих его в том или ином месте господствующей реальности (я-рабочий, я-отец семьи и т.п.)»¹⁷². Таким образом, в некоторых случаях достаточно лишь организации, а в некоторых возникают точки субъективации, благодаря которым некто может себя самоидентифицировать. Это верно и для любого другого Тела без Органов: знание может существовать как набор установок, организующих мир, которое не предполагает личностей, а может иметь их – знаменитые представители, ученые разрабатывающие определённые теории. Точек субъективации много – в фирме или на заводе это набор рабочих мест, в научной дисциплине – это роли: передовой ученый, новатор, спонсор, организатор и т.п.

Минимум организации есть и в «обыденной» субъективности – знание о том, что и как надо сделать, чтобы получить определённый результат. Во многих случаях это не предполагает никакой самоидентификации. Например, делая уборку по дому, нет необходимости идентифицировать себя с уборщиком или посудомойкой. В других случаях, эта необходимость возникает – например, на рабочем месте, когда необходимо не только понимать, что и как надо делать, но и знать какое место индивид занимает в отношении к другим работникам. Однако, покуда эта самоидентификация не закреплена, индивид всегда может сменить место работы или род занятий. У многих людей нет ни четко определённой цели в жизни, ни представления о себе – даже став кем-то определённым, т.е. територизовавшись на каком-либо рабочем месте, ни что не гарантирует, что эта територизация будет длиться долго.

В случае же с «научной» субъективностью, предполагается не только идентификация, но и вытекающие из неё требования к самому себе, особая

¹⁷² Дьяков А.В. Жиль Делёз. Философия различия. – СПб.: Алетейя, 2013. Стр. 400

«научная этика», одно из требований которой – это систематизация знаний. Научное сообщество стратифицировано и имеет вполне определённые коды – научные звания, определённые области интересов. Учёному довольно непросто сменить род научной деятельности.

Впрочем, полная систематизация всех имеющихся у индивида знаний – это идеал, причем довольно труднодостижимый. Именно поэтому мы и ввели всю эту многоуровневую систему, чтобы мочь указать на эти тонкости. Более того, «ученый» - это лишь одна из точек субъективации, и нет ничего удивительного, если «ученый» придя домой станет «отцом семьи», и окажется в пространстве обрывочных и фрагментарных знаний. Это означает, что систематизация, предполагаемая «научной» субъективностью – это систематизация знаний, а не субъективностей. Связать свои роли, свои точки субъективации друг с другом – это задача скорее философа, нежели ученого.

Субъективности точно так же могут меняться и в случае Тела без Органов дисциплины или коллектива: «в процессе моделирования <...> приходится перевоплощаться, модельер должен быть то метафизиком, то позитивистом, то релятивистом, то постмодернистом в фазах деконструкции этапа <...> возникает своеобразный философский театр, где все должны попробовать чужие роли»¹⁷³. Обычный ассистент может стать новатором, в связи с чем изменится его субъективность, появится необходимость в новых фрагментах знания, новом поведении и т.д.

Все эти уточнения необходимы нам для того, чтобы указать на все те разрывы в организации, из-за которых полностью закрытая система, к которой применимы законы термодинамики, это не всегда позволительная идеализация. Более того, полностью закрытая система не может быть живой. Существует два вида смерти: смерть как становление полным Телом без Органов, когда хаос полностью сметает

¹⁷³ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании Стр. 74

какой бы то ни было порядок, а целое распадается и рассеивается, исчезая; и как полная замкнутость и закрытость от внешнего, ведущая «к смерти через наркоз, через истощение, через всё -увеличивающееся безразличие к миру»¹⁷⁴. Между этими двумя смертями – широкий спектр вариантов, континуум возможных сборок, различных организаций и субъективностей, как принципиально фрагментарных, так и стремящихся к систематизации. Введение, помимо оппозиции старты/сборки, представления о Теле без Органов необходимо постольку, поскольку если бы мы сводили целостности (индивиды, дисциплины, сообщества) к организации, то разрушение оной влекло бы за собой гибель этой целостности. Однако, рассматривая сборки и страты как существующие на Теле без Органов, всегда можно сказать, что разрушение страты/системы ведет не к гибели, но к переходу в состояние хаотичной сборки, хаос в которой не абсолютен, а определяется степенью територизации/детерриторизации. Таким образом, в отличие от страт на нём, само Тело без Органов всегда остаётся открытым, с той лишь оговоркой, что, проникнув в него, знание-вирус может быть в последствие принято или отторгнуто. Следовательно, поскольку Тело без Органов всегда открыто к внешнему, в большей или меньшей степени, в зависимости от степени територизации и кодирования, всегда возможно заражение. И о том, каким образом оно происходит в различных случаях и каковы эти случаи и будет рассказано ниже.

1.2. Иммуниет и его стратегии

На данный момент в медицине нет единой концепции иммунитета. «Классическую» модель иммунитета разработал Фрэнк Макфарлейн Бернет – это представление о том, что организм отличает своё от чужого, и отторгает «чужое». Однако, такая модель не работает в случае с аутоиммунными заболеваниями, когда организм разрушает сам себя (отторгая «своё» вместо «чужого»). Вторая, по

¹⁷⁴ Мейясу К. Вычитание
А. Понятова

и сокращение: Делёз, Имманенция, и Материя и Память. Перевод с английского

хронологии возникновения, «сетевая модель» была разработана Нильсом Йерне. «Она подразумевает, что антитела вырабатываются в избытке до иммунного ответа. Получается, что иммунная система готовит иммунный ответ, не реагируя на не-свое—внешний мир. Таким образом, деятельность иммунной системы является аутопойетической, а аутоиммунитет—ее нормальным состоянием»¹⁷⁵. Другая модель, разработанная Полли Метцингер, называется «модель опасности» и предполагает, что иммунитет «срабатывает» лишь в случае смерти клеток. Различные модели иногда метафорически переносились в русло социологии и философии. Так, Николас Луман использовал сетевую модель Йерне, а Жак Деррида, Питер Слотердаик и Роберто Эспозито использовали в своих философских рассуждениях термин «аутоиммунитет»¹⁷⁶. Но в данном случае наиболее подходящим шагом представляется возвращение к наиболее древнему смыслу слова «иммунитет», и различению «иммунитета» и «аллергии» проводимое Олегом Аронсоном.

«Термин "иммунитет" происходит от латинского слова *immunis*, что означало в древнеримской правовой системе человека или город, свободный от некоторых общественных обязательств, например, от уплаты налогов. В этом значении "уклонения", "избегания" и "неучастия" слово "иммунитет" до сих пор употребляется в дипломатии»¹⁷⁷. Таким образом, в такой интерпретации «иммунитет» обозначает вовсе не сопротивление [«чужому», «иному» или «инородному»], «не борьбу с болезнью, а её принятие, способность увидеть в

¹⁷⁵ Сивков Д. Парадоксы аутоиммунитета. Предисловие к переводу Эда Коэна / Социология власти № 4 (2014) Стр. 177-178

¹⁷⁶ Подробнее об истории иммунологии, её терминов и их использовании в контексте философии и социологии – Сивков Денис «Парадоксы аутоиммунитета. Предисловие к переводу Эда Коэна» и «Ксенофобия и иммунитет: уничтожая чужаков, стирая границы» [url: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/886517/ksienofobia_i_immunitet_unichtozhaia_ch_uzhakov_stiraia_ghranitsy (дата обращения: 17.04.2018)]

¹⁷⁷ Сивков Д. «Ксенофобия и иммунитет: уничтожая чужаков, стирая границы» [url: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0/886517/ksienofobia_i_immunitet_unichtozhaia_ch_uzhakov_stiraia_ghranitsy (дата обращения: 17.04.2018)]

болезни то, что позволяет продолжать жить вместе с нею, когда она уже не несет угрозы пациенту»¹⁷⁸. Иметь иммунитет к болезни, значит не сопротивляться ей, но уклоняться от неё, продолжать функционировать в том же режиме, сохраняя гомеостаз.

Олег Аронсон выстраивает оппозицию двух логик – «логики заражения», которой всецело посвящено данное исследование, и «логики представления» - а они, в свою очередь, на противопоставлении двух пар терминов – «заражение/раздражение» и «иммунитет/аллергия». «Заражение» и «иммунитет», в таком случае, оказываются на одной стороне. Их связь устанавливается через понятие «вакцинации» - действия, предполагающего заражение ослабленным штаммом болезни с целью выработки к ней иммунитета. «В случае с вакцинацией главным становится не принцип избавления от болезни в каждом конкретном организме, а принцип сосуществования с болезнью. Болезнь перестает быть врагом организма, а опыт заражения, который ранее мыслился как чисто негативный и требовал постоянной борьбы с ним, становится способом включения в общность инфицированных, для кого сама болезнь уже перестает быть смертельной»¹⁷⁹. В противоположность такой позиции, «логика представления» предполагает отказ от принятия, борьбу и отторжение всего «иного», защиту от новых вирусов и, как следствие, аллергию на заражение. Таким образом, речь здесь не только о двух «логиках», но и о двух стратегиях. О стратегии защиты от «иного» и стратегии «вакцинации». Иммунитет, в свою очередь, оказывается, в одном случае – тем, что защищает от вторжения, либо тем, что развивается за счет присоединения.

Следовательно, «аллергия» и «вакцинация» являются двумя стратегиями иммунитета – отторгать или встраивать в себя. Уточнить концепцию иммунитета мы можем через понятие гомеостаза, используемое в синергетике. «Гомеостаз – это явление поддержания программы функционирования системы в некоторых рамках,

¹⁷⁸ Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм. Стр. 36

¹⁷⁹ Эпидемиология политического // Новое литературное обозрение. 2015. № 136 (6). С. 37–48.

позволяющих её следовать к своей цели»¹⁸⁰. Существует два случая изменения гомеостаза: в одном случае, система проходит через фазу динамического хаоса, сопровождающуюся разрушением имевшегося порядка (гомеостаз 1), а после, в процессе самоорганизации, приходит к новому порядку, отличному от старого (гомеостаз 2), предполагающему, в том числе, новые цели и параметры порядка; в другом случае, мы имеем дело с эволюцией гомеостаза, когда, сохраняя прежние параметры порядка, система совершенствуется¹⁸¹. Это разделение хорошо отражено в знаменитой цитате Фридриха Ницше (который и сам интересовался вопросами заражения) "То, что не убивает нас, делает сильнее" – либо гомеостаз разрушается, либо эволюционирует, а вместе с ним укрепляется и иммунитет. Для системы «становиться более иммунной», значит не реагировать на повторное заражение тем же вирусом. Например, можно представить себе ситуацию диалога, когда, в одном случае, знание-вирус вызывает у адресата аллергию, раздражение, и он остро и враждебно реагирует на заражение [аллергия]; в другом случае, адресат никак не реагирует на знание-вирус, «пропуская его мимо ушей» [игнорирование]; в третьем случае, новое знание принимается и встраивается в систему [вакцинация]. В четвертом, при отсутствии иммунитета (в хаосе или состоянии сборки) знание-вирус легко заражает нового носителя, обходя его иммунитет [заражение]. Иммунитет, в таком представлении, это свойство системы реагировать на заражение, следуя одной из вышеперечисленных стратегий.

Обобщая всё вышесказанное, можно констатировать, что:

-состояние сборки или ассамбляжа предполагает отсутствие иммунитета постольку, поскольку в данном случае имеется лишь территориализация в той или иной степени и нет кодирования, позволяющего четко отличать «своё» от

¹⁸⁰ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании Стр. 50

¹⁸¹ О понятии гомеостаза см. В.М. Еськов, А.А. Хадарцев, О.Е. Филатова, Д.Ю. Филатова. Гомеостаз и эволюция с позиций третьей парадигмы / Вестник новых медицинских технологий – 2015 – Т. 22, № 3 – С. 33 и В.Г. Буданов, А.А. Хадарцев, О.Е. Филатова, Ю.М. Попов. Эволюция понятия гомеостаза в рамках трех парадигм: от организма человека к социумам и биосфере земли / Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2015 – №2 – С. 55-64

«чужого», «необходимое» от «ненужного» и т.д. Здесь нет речи о стратегии, поскольку у сборки нет цели;

-состояние страты или системы уже предполагает наличие второй артикуляции, а, следовательно, и инстанции отбора, т.е. иммунитета. В этом случае может идти речь о стратегии по отношению к заражению:

- Аллергия – стратегия, предполагающая отторжение всего «иного».

Того, что не подходит и не походит на установленные системой цели и ценности;

- Игнорирование (иммунитет в чистом виде) – стратегия, предполагающая отсутствие реакции и внимания ко всему «иному»;

- Вакцинация – стратегия, заключающаяся в принятии нового, для последующего встраивания в систему для её модификации.

Эта терминология – «аллергия», «вакцинация», «игнорирование» и «иммунитет» - оказывается гораздо удобнее по той причине, что, когда речь идёт о системе сопротивляющейся знанию-вирусу или встраивающей его в себя, необходимо помнить, что и сама система является организацией знаний. Именно для этого мы ввели понятие Тела без Органов – индивид, субъект или любая другая целостность далеко не всегда представляют собой систему [страту] – иногда это фрагментированная сборка, состоящая из разрозненных и хаотичных знаний, которыми было заражено Тело без Органов за время существования. В такой ситуации нет и речи об иммунитете – Тело без Органов просто [вос]принимает всё, чем оказывается заражено. В других случаях, когда знания организуются в систему, существуют различные механизмы (зависящие от отдельных вирусных знаний, которыми обладает носитель) позволяющие отделить «своё» от «чужого». Например, математик или логик, имеющий знание о том, что «противоречия недопустимы» (т.е. код, пропускающий лишь непротиворечивое знание и предполагающий борьбу с противоречивым), будет аллергически реагировать на мнение, противоречащее его мнению, в то время как диалектик-гегельянец, зараженный идеей о «единстве и борьбе противоположностей» встретив антитезис,

легко встроит его в свою систему (поскольку его код предполагает знаменитую схему «тезис-антитезис-синтез»). Потому, речь здесь не о противоречии или согласии (ведь и «согласие», в некоторых ситуациях, может быть способом отторжения, так же как выведение противоречия – способом принятия), но об аллергии и вакцинации.

1.3. Внедрение

Из четырех рассмотренных выше ситуаций – игнорирование, аллергия, вакцинация и хаос – нас будут интересовать первые две, поскольку последние два случая означают, что заражение происходит. Сделаем несколько уточнений.

Как было показано ранее, «система» (а значит и иммунитет) присутствует далеко не всегда. Лишь в очень редких случаях мы имеем дело с Телом без Органов, в котором все точки субъективации связаны друг с другом (фирма, в которой все работники обладают одинаковым уровнем осведомленности; дисциплина, которой занимаются ученые с совершенно идентичными взглядами; индивид, представляющий собой пример «идеально цельной личности»), а значит всегда существует возможность переключиться на менее систематизированную (или систематичную) точку субъективации, чтобы обойти иммунитет (например, перевести яростного соперника в положение «друга» (в точку субъективации, которая предполагает дружеское и доверительное общение) или «члена семьи»; заразить наиболее восприимчивого участника коллектива или сообщества, чтобы он уже заразил остальных изнутри и т.д.). Здесь важно уточнить вопрос масштабов – на одном масштабе мы можем иметь стратифицированную целостность, в то время как на другом – множество индивидов, находящихся в различных состояниях – кто-то более стратифицирован и територизован, кто-то менее. Такие, менее всего територизированные индивиды, будут являться «слабыми местами» иммунитета организации. Тоже верно и на другом масштабе – масштабе индивида – о некоторых темах у него имеется определённое мнение (код), другие же никак не подверглись кодированию – именно они и будут «слабыми местами» его иммунитета, «обходными путями» через которые знание-вирус может внедриться.

Потому, не будем считать это примером введения системы в хаос, поскольку речь здесь о другом – о нахождении «слабых мест», не подвергшихся строгому кодированию. Хаос в таком случае не возникает – он уже был и есть, как область, в остальном стратифицированного, Тела без Органов. Тоже верно и для вакцинации – существуют точки субъективации лояльные к новому. Когда они оказываются определяющими в системе, та готова к встраиванию в себя нового знания. Назовем этот способ обхода защитных реакций «поиском слабых мест».

Теперь перейдём к рассмотрению способов прямого обхода иммунитета. Ричард Броуди в своей книге «Психические вирусы» выделяет три большие категории таких способов (а те, что он выделяет отдельно, могут быть так же подведены под эти категории):

- 1) «Психическая обработка путём повторения информации»;
- 2) «Когнитивный диссонанс»;
- 3) «Троянский конь».

Рассмотрим последовательно эти три категории и внесем необходимые уточнения.

1.4. Психическая обработка путём повторения информации

Повторение оказывается самым фундаментальным способом заражения. Как замечает Сьюзен Сонтаг - «Часть дела по придаче событию черт реальности – это его постоянное проговаривание»¹⁸². Интерпретируя это высказывание в контексте вирусологической эпистемологии можно вывести формулу «чем чаще повторяется заражение знанием, тем в большей степени оно рассматривается как реальность». Это правило действует по отношению и к науке, и к «обыденности»: все, что не повторяется, является аномалией. Так, единожды случившееся событие, если о нём не будет ничего напоминать (т.е. не будет происходить повторного заражения словом-вирусом («постоянное проговаривание») или образом-вирусом (фотографии или видео)) будет терять яркость в памяти, представляясь всё менее

¹⁸² Сонтаг С. Болезнь как метафора Стр. 157

реальным и имевшим место. Верно и обратное: постоянно повторяющееся есть то, что мы называем реальностью. Здесь можно вспомнить о «привычке», о которой писал Юм, из которой исходит наша убежденность в существовании внешнего мира. Более того, многое из того, что считается реальным, никогда не было увидено «воочию»: немногие видели микробов, но постоянное их упоминание создало ощущение их присутствия. То же верно и для знания о космическом пространстве, форме земли, далеких странах, политических и исторических событиях. «Нам не было представлено никаких взвешенных логических обоснований этих концепций. Просто мы повторяли их и слышали их от других так часто, что в конце концов они стали нашими убеждениями, нашими ценностями»¹⁸³. Следовательно, речь здесь идет обо всех знаниях, в том числе и тех, которые систематизируют ученые. Не только последовательности и отношения, но даже различия и сами объекты – все это, в результате постоянного повторения, становится шаблоном, от которого довольно сложно отказаться в последствии. Именно так в Тело без Органов проникают фрагментированные знания-вирусы.

Здесь важен момент, на который было указано прежде – Тело без Органов виртуально, что значит – является памятью. Нечто, повторяющееся в памяти, закрепляется там надолго. И именно с этим связан тот факт, что с помощью одного лишь повторения заражения вирусы проникают и остаются даже в ситуации игнорирования или аллергии. Более того, аллергия – отторжение – может лишь способствовать его закреплению, поскольку даже «борьба против» в конечном итоге, ведет к повторению и закреплению в памяти того, с чем она ведется. Отсюда и примеры «любви к врагу», ощущение утраты в отсутствии оппонента ставшего привычным и т.п. Либо аллергия будет возникать лишь в моменты заражения, и тогда необходимо лишь дождаться, когда у носителя кончатся силы или ресурсы на поддержание постоянной борьбы; либо аллергия превратится в ненависть (что уже будет означать, что вирус внедрился), и тогда сама будет подпитывать

¹⁸³ Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют наше сознание Стр. 177

постоянное повторение ненавистного образа в памяти. «Прямое противостояние с вирусом, в конечном итоге, приводит к заражению» - так можно сформулировать знаменитый парадокс «забыть Герострата».

Игнорирование, как было условлено, предполагает, что имеет место уклонение от заражения. Это возможно, когда заражение происходит разово. Но если же оно повторяется постоянно, то, несмотря на уклонение, вирус останется в памяти, пусть и в виде не включенного в систему фрагмента, а в конечном итоге, войдет в неё через ассоциации, возникшие во время заражения. Ведь заражение всегда происходит в каком-либо контексте, и при повторении контекста с ним возникают ассоциации.

Это можно выразить по-другому: при постоянном повторении заражения знанием-вирусом, системе придётся его так или иначе кодировать, постольку, поскольку это знание начинает восприниматься как неотъемлемая часть реальности. Разница будет лишь в том, как именно оно будет кодировано: как «вечный противник» [Аллергия], как «то, что должно игнорироваться» (быть может, самая недолговечная из стратегий) [Игнорирование] или как «новое знание» [Вакцинация].

Таким образом, можно вывести формулу: «повторение=реальность». Все, что мы считаем реальностью, когда-то было знанием-вирусом, постоянно заражавшим нас и нашу память. Ранее было замечено, что слово-вирус и образ-вирус не всегда становятся знанием-вирусом – они могут быть запомнены бессознательно – так происходит с множеством вещей и действий. Чтобы убедиться в этом, достаточно попытаться вспомнить, откуда мы получили те или иные знания. Откуда мы знаем, как обдумывать прочитанную книгу? Кто именно научил нас переходить дорогу? Уверены ли мы, что $E=MC^2$ и почему это так? Или что Цезарь переходил Рубикон? Почему мы уверены, что Земля вращается вокруг Солнца (и вообще – вращается), хотя ничто из увиденного это не доказывает? Что заставляет нас мысленно отличать «руку» от «плеча»? Все, что является нашей реальностью, формируется и

организуется за счёт вирусов, и возникло путём заражения, причем далеко не всегда осознанно.

[Необходимо так же обратить внимание на то, что и сами воспоминания могут быть подменены, точнее, можно произвести заражение новыми воспоминаниями, которые заменят старые. «Считается, будто прошлое существует неизменяемо. Однако в наших силах переделать его по собственной воле» - утверждает Берроуз и приводит пример – «Идёт беседа. Двое сидят под деревом, отполированным спинами тех, кто сидел до и после того, как время протоптало дорожку через поле белых цветочков. Если разговор не записан, он существует лишь в памяти двух исполнителей. Предположим, я записал разговор, изменил звукоряд, а затем пленку прослушали участники беседы. Если подделка искусная и правдоподобная (да... «В» вполне мог сказать это), то исполнители запомнят мою версию своей беседы»¹⁸⁴. Здесь стоит обратить внимание на предположение Берроуза о согласии участников монолога с новой, «поддельной» его версией – здесь уже задействуется системный фактор – насколько новая версия будет согласоваться с системой убеждений носителя. Если эта система изменилась, то и на напоминание о действительно бывших убеждениях или словах, некто мог бы ответить «нет... «В» не мог такого сказать». Следовательно, в таком случае речь уже идет о третьей категории способов внедрения – «тroyанском коне». Важно лишь заметить это отношение к памяти – память – это знание-вирус, заражение которым, могло произойти как в прошлом, так и в настоящем].

В качестве итога, мы можем вывести формулу: **«повторяющиеся заражения формируют реальность»**. Осталось добавить к этому одно следствие, связанное с распространенностью знания-вируса – покуда вирус распространён в пространстве, он все чаще будет заражать одних и тех же носителей, которые будут чаще встречать его на своём пути, тем самым, формируя их реальность. **«Чем более знание-вирус распространено, тем более оно реально»**.

¹⁸⁴ Ожье Д. Интервью с Уильмом Берроузом. Стр. 41

1.5. Когнитивный диссонанс

Термин «когнитивный диссонанс» предполагает нарушение порядка, в частности, вызванное противоречием в системе. Но поскольку противоречие не является единственным способом разрушить порядок, от которого зависит работа иммунитета, стоит обобщить эту категорию до способов разрушения или обхода порядка. Несомненно, «любая противоречивая суггестия на подсознательном уровне вызывает временную растерянность, во время которой усваивается внушение»¹⁸⁵. Однако методы Берроуза демонстрируют, что такой «когнитивный диссонанс» возможно вызвать множеством других способов: нарушением линейного повествования, ритмичностью, наплывом различных образов, разрушением причинно-следственных связей и т.п. Все эти способы, в конечном итоге, нацелены на перегрузку системы. Противоречия, внешнее давление, необычные происшествия – всё это вызывает перегрузку в системе, ей необходимо разрешить возникшее в связи с заражением аномальным или парадоксальным знанием-вирусом напряжение: «эти новые мемы “конфликтуют” со старыми, в результате чего возникает психическое напряжение. Ваше сознание пытается разрешить возникший конфликт и создаёт новые мемы»¹⁸⁶. Что стоит отметить еще раз – это тот факт, что конфликтуют всегда знания со знаниями, также, как и иммунитет – это система знания. Реакция всегда зависит от того, какими вирусами уже заражен носитель.

Относительно этого способа у Броуди и Берроуза два различных подхода: по Броуди, заражение новым знанием-вирусом возможно напрямую – дав системе этот вирус как «спасательный круг» для возвращения в гомеостаз; Берроуз же видит в этом способ отвлечь иммунитет, чтобы незаметно для него внедрить вирус в память. Либо инстанция кодирования оказывается занята решением собственного противоречия (противоречия в коде), и новое знание-вирус предлагается как

¹⁸⁵ Берроуз У. Досье Берроуза : [сборник; пер. с англ.] / Уильям Берроуз. – М.: АСТ: Астрель, 2011. Стр. 152

¹⁸⁶ Броуди Р. Психические вирусы. Стр. 181

решение этой проблемы, либо знание-вирус проникает незаметно, пока инстанция отвлечена. Оба способа дополняют друг друга, и схожи в том, что предполагают нарушение гомеостаза. Таким образом, оба подхода являются способами введения системы в хаос, подорвав тем самым её иммунитет. Они следуют из правила, о котором мы говорили в самом начале этого обсуждения: будучи в хаосе, система «обнажена и беззащитна к любым, сколь угодно малым, внешним воздействиям». Следовательно, этот путь можно назвать «введением в хаос». Речь здесь о подрыве всей стратификации Тела без Органов: организации, означивания и субъективации. Все эти страты связаны между собой: «Это и есть тот внутренний монолог, который совершенно невозможно заткнуть, и он откровенно не человеческий, производящий слишком-человеческий смысл личности и удержания себя; генерирующий линейное, нарративное время, вдоль которого распределяется опыт и внутри которого обеспечивается личность. Так же как ребёнок имеет своё ощущение личности, навязанное введением эдипиальной идентификации с треугольником «мама-папа-я» (внушенным, в свою очередь, словом (и Именем) Отца), так и «Я» и наш внутренний монолог обеспечивают якорь для производства идентичности»¹⁸⁷. Разрушение причинно-следственных связей, противоречия, нарушение линейного повествования – все это вызывает подрыв организации, противодействие означиванию и «вылет» из точки субъективации. Опасность разрушения системы приводит к повышению напряжения внутри неё и сосредоточения ресурсов в том месте, где эта опасность обнаруживается. Такова связь между хаосом, напряжением и отвлечением внимания. При полной или частичной дестратификации на Теле без Органов заражение происходит по модели первой категории – за счет повторения.

Стоит лишь добавить, что новое знание-вирус может быть, этими же способами, внедрено в сам код системы, чтобы через некоторое время, начался

¹⁸⁷ Christopher Land «Apomorphine Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control

процесс дестратификации в силу внутренних для страты противоречий, а, следовательно, и полный подрыв иммунитета.

[Остается заметить, что существуют модели – в том числе, концепция «шизофренического cogito» или «Шизо» Делёза и Гваттари – изначально построенная на «логике заражения» и «вакцинации», и предполагающая постоянный процесс дестратификации].

1.6. Троянский конь

«Троянский конь» описывается Броуди следующим образом: «ваше внимание привлекается к мему, а вслед за ним туда «тихой сапой» устремляется ряд других мемов»¹⁸⁸. Однако, введя представление о кодировании, этот процесс можно уточнить – внимание не привлекается к «мему», но сам «мем» (знание-вирус) сопровождается определённым кодом, который принадлежит системе, в связи с чем, знание-вирус распознаётся как нечто «своё» и принимается. Принадлежащий системе код – это знакомые ей слова, термины или фразы (в случае индивида), предложения, построенные в соответствии с правилами дискурса (в случае с организациями или дисциплинами). Броуди даёт такой пример: если расставить тезисы по убыванию их достоверности, то наименее «достоверные» тезисы будут приняты вместе с остальными.

Другой случай – когда внимание расслабляется в связи с отсутствием опасности. Таковы примеры раппорта и отражения - создание «доверительных отношений». Заражение может легко произойти, если его адресант рассматривался как «авторитетное» или «доверенное» лицо – как некто «свой». «Есть тесты, которые это подтверждают» - говорит Ник Ланд в интервью – «Человек, посвященный в ход эксперимента, читает политическую программу, специально подготовленную заранее, и люди, которые ему сочувствуют, немедленно поддерживают все тезисы, хотя в устах другого человека они воспринимаются как воплощение абсолютного зла <...> «Кто» намного важнее, чем «что» <...>

¹⁸⁸ Броуди Р. Психические вирусы. Стр. 182-183

Единственный вопрос, который всех волнует: это произносят враги или же наши?»¹⁸⁹.

Таким образом, цель «троянского коня» заключается не столько в отвлечении внимания (ресурсов системы), сколько в снабжении знания-вируса определёнными участками кода, принадлежащего системе. Тогда, считав код, система опознает его как собственный и переключится на другую стратегию (например, на «вакцинацию»).

Выводы к §1 главы 3

В данном параграфе было разработано представление об иммунитете как защитном механизме системы [страты]. Было показано, что далеко не всегда система, а значит и иммунитет, имеют место. Всякая индивидуальная сущность – индивид, дисциплина, наука, сообщество и т.п. – это в первую очередь Тело без Органов – виртуальная целостность, не предполагающая организацию. Её организация происходит в два этапа: первая артикуляция предполагает определение внешних границ и установление идентичности [территоризация]; вторая артикуляция состоит в закреплении территории, путём определения целей, и последующим связывании и организации компонентов относительно неё[кодирование]. Первая артикуляция имеет место в случае сборок/ ассамбляжей, т.е. неорганизованных собраниях компонентов. В таких случаях заражение происходит, не встречая никаких преград. Когда имеет место вторая артикуляция, то речь уже идёт о страте или системе, обладающей иммунитетом. Иммунитет функционирует за счет кодирования. При заражении новым знанием-вирусом, он производит отбор на соответствие знания нуждам и целям системы.

Механизм этого отбора может действовать согласно одной из трех возможных стратегий: Аллергии, предполагающей отторжение всего, что определено как «иное»; Игнорирования – предполагающего отсутствие реакции на

¹⁸⁹ «Фрагментация – вот единственная стратегия» Интервью с Ником Ландом / Логос. — 2018. — №2 (123) — Стр.

заражение; и Вакцинации – случая, когда система принимает все новое и тем самым постоянно модифицирует себя.

Так же, были выделены три способа обхода иммунитета: Повторение заражения, в связи с чем знание-вирус начинает рассматриваться системой как требующее кодирования; «Когнитивный диссонанс» - перегрузка системы за счет нарушений гомеостаза, с помощью противоречивых команд или других способов дестратификации (разрушение причинно-следственных связей, нарушение линейного повествования); и «Троянский конь» - когда знание-вирус содержит участки кода, который заражаемая система воспринимает как «свой».

§2. Модель инфекционного распространения знания

Помимо разъяснения и уточнения способа существования знания, «Мира 3», и его функционирования как автономного и объективного, вирусная теория позволяет обратить внимание на еще один аспект – распространение знания. Обычно, период распространения либо полностью упускается исследователями из виду, либо рассматривается как само собой разумеющееся – «универсалии» культуры рассматриваются как уже данные, уже существующие. Тем самым, анализ сразу начинается с абстракций, и вопрос о том, как частная теория становится всеобщим знанием, оказывается редуцирован.

2.1. «Ризома» как наиболее общая и реалистичная модель

Для того, чтобы перейти к рассмотрению вопроса распространения знания, нам необходима сетевая модель. Понятие «сети» используют многие исследователи, однако для наших целей наиболее подходящей оказывается концепция «ризомы», разработанная Жилем Делезом и Феликсом Гваттари. Тому есть два ряда причин – назовём их «внешними» и «внутренними». В данном подпараграфе мы рассмотрим «внешние» причины, а «внутренние», укажем уже во время детального рассмотрения принципов ризомы в подпараграфе 2.2. настоящей главы. «Внешние» причины устанавливаются за счёт сопоставления ризомы с другими видами сетей. Для этого обратимся к работе А.В. Олескина «Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе».

Олескин рассматривает ризому как частный случай структуры, и утверждает, «что представление Делёза и Гваттари о ризоме в большей мере соответствует <...> стихии рынка, нежели сетевым структурам»¹⁹⁰. Однако, если провести более тщательный анализ, несложно установить, что концепция ризомы является не частным случаем, но наоборот, наиболее общим представлением о структуре. Первое, с чего следует начать такой анализ, это разграничение видов структур,

¹⁹⁰ Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. Стр. 47

которое используется в рассматриваемой работе. В ней выделяются три вида структур – «иерархические», «сетевые» и «рыночные» (и, конечно, ризома, но лишь в качестве некой аномалии).

Иерархические структуры характеризуются «наличием единого центра активности (лидера, пейсмейкера, доминанта, в социуме – начальника, босса, президента и др.), подчиняющего себе другие элементы системы»¹⁹¹. Как следствие, сама структура становится ранжированной, т.е. в ней возникает вертикальное деление её участников по рангам или уровням, в зависимости от их близости к центральному звену, находящемуся на вершине иерархии.

Сетевые структуры отличаются от иерархий, в первую очередь, децентрализацией, т.е. отсутствием единого центра. При этом, можно выделить несколько вариантов сетей – может существовать как «идеально плоская сеть», в которой все узлы равны по рангу и значению и потому в ней полностью отсутствует «вертикаль власти», так и «объемная» сеть, в которой имеются несколько центров активности, задающих вертикальные отношения между «частичными лидерами» и их окружением. Между этими двумя случаями существует целый континуум промежуточных вариантов с различным количеством центров и степенью их рангового отличия от остальных узлов. Главным же отличием сети от иерархии остаётся децентрализация, т.е. дело не в наличии или отсутствии центров, а в том, что центров в сети всегда больше одного.

Рыночная структура характеризуется автономией узлов и конкурентными отношениями между ними, в противоположность отношениям связности, присутствующим в иерархических и сетевых структурах. Каждый узел рыночной сети является «лидером» и «начальником», конкурирующим с другими узлами-«лидерами».

Именно этот признак – автономия узлов – является причиной, по которой Олескин сближает концепцию ризомы с понятием рыночных сетей. Потому,

¹⁹¹ Там же. Стр. 37

перечислив виды структур, рассмотрим эту характеристику подробнее. Делез и Гваттари вводят несколько принципов ризомы, одним из которых является «принцип а-означающего разрыва» (или «принцип незначащего разрыва»), согласно которому, ризома может быть разъединена в любом месте и при этом не разрушена окончательно. Этот принцип Олескин относит на счёт сетевой структуры: «многие сетевые структуры реализуют также характерный для ризомы “принцип незначащего разрыва”. В силу наличия многих дублирующих связей элементов сети, её, как и ризому, можно “сломать, разбить в каком-либо месте”, но целостность сетевой структуры сохраняется, ибо сохраняются связи элементов, идущие в обход разрыва»¹⁹². Однако, если обратиться к тексту Делеза и Гваттари, то мы увидим, что речь идёт не о целостности, но возможности ризомы *возобновиться* «следуя той или иной своей линии». Целостность ризомы может быть нарушена, но она может возобновиться из только лишь одной своей линии. И это возможно именно благодаря тому, что любой узел автономен. В противном случае, когда, к примеру, от структуры остался лишь один узел, обладавший своим значением лишь в составе сети, он уже не мог бы восстановить сеть заново, ведь он перестал быть членом сети одновременно с её разрушением. Кроме рыночных сетей, это верно и для вирусов – вирус может распространиться за счёт одного зараженного или заражения, который всегда может стать причиной эпидемии – разрастания вирусной сети. Но почему тогда не использовать рыночную модель для рассмотрения вирусных сетей? В первую очередь потому, что вирусы не только конкурируют между собой, но и взаимодействуют – так, вирус СПИДа «открывает» дорогу другим вирусам, ослабляя иммунитет своего носителя. Рыночная структура, в идеализированном виде, предполагает лишь конкуренцию, и потому не подходит в качестве модели вирусного распространения. Поэтому, после установления необходимости автономии узлов, сделаем следующий шаг в анализе ризомы. Покуда ризома объявляется частным случаем структуры – наиболее близком к

¹⁹² Там же. Стр. 46

рыночной – непонятно каким образом в ней возможна кооперация и связность, не являющиеся характеристиками рынка.

Причина, по которой ризома объявляется частным случаем, заключается в том, что многие авторы, по неизвестной причине, противопоставляют ризому другим структурам – иерархической (или «древовидной» в терминологии Делёза и Гваттари («Иерархическая структура» - пишет Олескин – «метафорически описывается ими как корневая система с единым срежневым корнем»¹⁹³)) и сетевой (или «мочковатой корневой системе» («Сетевая структура тогда близка к «мочковатой корневой системе», которая децентрализована»¹⁹⁴)). Однако, стоит лишь обратиться к тексту авторов ризомы, и мы увидим, что сами они этого противопоставления не вводят – «В ризомах существуют структуры дерева или корней, но верно и обратное: ветка дерева или сегмент корня могут начать распускаться в ризому»¹⁹⁵. Ризома не противопоставляется древовидным и корневым системам, но лишь различается с ними. Всегда существуют взаимопереходы между типами структур, и Олескин, вводя противопоставление между ризомой и другими типами, сближая ризому с рыночной структурой, в тоже самое время замечает, что «реальные рынки полиструктурны, поскольку постоянно формируют основанные на избирательной кооперации сетевые структуры и порой также иерархии (олигополии и монополии); нечто подобное наблюдается и при структурировании микробных колоний как первоначально аморфных толп конкурирующих особей»¹⁹⁶. Таким образом, незаметно для самого себя, он утверждает включение в ризому остальных видов структур. Более того, он сам же сближает реальные полиструктурные рынки с вирусными сетями. Здесь важно отметить, что речь идёт о «реальных рынках». Что это значит? Делез и Гваттари

¹⁹³ Там же. Стр. 47

¹⁹⁴ Там же. Стр. 47

¹⁹⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Стр. 26

¹⁹⁶ Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе Стр. 89

замечают, что «определения мест зависят не от теоретических анализов, предполагающих универсалии, а от прагматики, komponующей множества и совокупности интенсивностей»¹⁹⁷, т.е. «иерархии», «сети» и «рынки» - это лишь универсалии, идеализированные представления, которые оказываются противопоставленными лишь будучи абстрагированными. «На деле», «в прагматике», все эти типы структур вполне могут и одновременно сосуществовать, и превращаться одна в другую, как это и бывает в «реальном» мире и в «реальных рынках». Впрочем, речь здесь может идти не только о рынках: Олескин так же делает два замечания относительно сети Интернет. В начале он говорит о том, что «в литературе делаются попытки отождествить понятия “ризомы” и “сетевая структура”, в том числе описать виртуальные сети Интернета в рамках концепции ризомы»¹⁹⁸, но позже, обращаясь к понятию «полиструктурности», он утверждает, что «полиструктурной системой, несмотря на свое “сетевое” название, фактически является и паутина Интернета»¹⁹⁹. Следовательно, вернее сближать концепт «ризомы» не с «сетью», но с «полиструктурной системой», которая включает в себя все типы структур.

Показав, что ризома является концептом, включающим в себя и «иерархию», и «сеть», и «рынки», вернёмся к вопросу об автономии узлов. Тот факт, что узлы автономны – это онтологический факт, а не функциональный. Узлы не автономны только как часть иерархий или сетей, где они получают свою роль, значение и функцию как часть целого – деталь системы. Если мы абстрагируемся от «реальных» иерархий и сетей, то узлы будут рассматриваться как зависимые от структуры, как это и делает Олескин. Но стоит обратиться к «реальным» узлам, которые могут как входить в какие-то структуры, так и выходить из них, или быть участниками нескольких сетей, иерархий и/или рынков одновременно, то

¹⁹⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Стр. 26

¹⁹⁸ Олескин А. В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе Стр. 46

¹⁹⁹ Там же. Стр. 89

становится ясно, что автономия неотъемлемая их, узлов, характеристика. Приписывая сетевым структурам «принцип незначущего разрыва» Олескин не допустил ошибки, однако, стоит отметить, что сохранение целостности системы при удалении узлов – лишь частный случай применения этого принципа, который, в конечном итоге, устанавливается именно исходя из онтологической автономии узлов. При этом, такая автономия не мешает возникновению других характеристик отдельных видов структур – конкуренции или связям, централизации, иерархизации, децентрализации и т.д. Деланда, для того чтобы уточнить этот момент, вводит различие между «свойствами» и «способностями»: узлы обладают свойствами как автономные сущности (но «свойства составных частей никогда не смогут объяснить отношения, в силу которых образовалось целое»²⁰⁰); в тоже время, в качестве составных частей целого (сети, иерархии, рынка) узлы проявляют определённые способности, которые зависят от их свойств, но не сводимы к ним. Следовательно, когда Олескин утверждает, что вне структуры узлы перестают быть тем, что они есть, он сводит узлы к их способностям, абстрагируясь от их свойств.

Ризома обретает форму какой-либо типичной структуры благодаря одному лишь прибавлению: при возникновении центра она иерархизируется, обретает древовидную форму; при появлении дополнительных центров она оказывается более похожей на сеть; стоит связям стать конкурентными, и мы можем говорить о подобии рынка. Нечто от дерева, «нечто от пырея, нечто от ризомы»²⁰¹. В каждой рассматриваемой реальной структуре мы всегда можем найти различные характеристики, относимые на счёт различных универсальных моделей. Ризома, в свою очередь, описывает реальную динамику и взаимопереход между этими моделями. Потому ризома как «полиструктурная система» оказывается наиболее общим представлением, начиная с которого нам необходимо лишь уточнять и детализировать, картографировать различные локальные участки.

²⁰⁰ Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Стр. 20

²⁰¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Стр. 16

Таким образом, концепт «Ризомы» оказывается, с одной стороны, наиболее общим представлением о структурах (точнее, представлением о динамической полиструктурной системе), поскольку может включать в себя и иерархии, и сети, и рынки; с другой стороны, наиболее реалистичным представлением вообще, «картой» фактического положения дел, а не «калькой» абстрактных идеализированных универсалий, покуда позволяет описывать поведение «реальных рынков», «сети Интернет» и «микробных колоний».

2.2. Пастер после Латура

Одним из исследователей, делающих акцент на распространении теории, как факторе её становления, является Бруно Латур. Он говорит о росте сетей, но в то же время, отказывается от теории «заражения», хотя один из первых «кейсов» Акторно-Сетевой теории был посвященной именно Пастеру и его открытию микробов. В то же время, и АСТ, и вирусная теория сходятся в том, что современное исследование должно принимать во внимание построение и рост сетей. Концепцию сети Латур разрабатывает исходя из концепции ризомы. Именно ризоматическую онтологию, в свою очередь, «ставит себе на службу» Латур (хотя будет точнее сказать «закладывает в основание АСТ»²⁰², ибо та могла бы называться «актантно-ризомной онтологией»²⁰³), указывая на синонимичность его «сети» и «нитей» с «ризомой» Делёза²⁰⁴. И в то же время, он старательно игнорирует тему заражения,

²⁰² Так, Федорова С.Е. показывает, как из «концептуальных комплексов» и онтологий трех авторов - Лейбница («Бог» и «синтез конъюнкции»), Делёза («Другой» и «синтетический дизъюнктивный синтез») и Латура («социальное» и «множественный циркулирующий и нелокализуемый поток») - может быть выстроена «единая логическая последовательность онтологических модификаций в области множественного» [Федорова С.Е. Актантно-ризомная онтология Бруно Л. // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2017. № 37 Стр. 249-261]

²⁰³ Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».—М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Стр. 22

²⁰⁴ «Аст — это смена метафоры для описания сущностей: нити (или ризомы, по Делёзу) вместо поверхностей» Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями Стр. 175; «поначалу слово «сеть», как и термин «ризома» Делёза и Гваттари, ясно указывало на серию трансформаций» Латур Б. Вопрос об отзыве. Стр. 202

которая вполне эксплицитно присутствует в концепции ризомы. Потому, прежде чем применить вирусную логику в рассмотрении вопроса распространения знаний, проанализируем теорию Латура, дабы понять, почему он отказывается от неё.

Рост сети Латур связывает с «переводом», противопоставляемым «переносу». «Все акторы» — пишет Латур в «Пересборке социального» - «которых мы развернем, могут *вступать в ассоциации, заставляя других действовать так или так*. И происходит это не посредством переноса (transporting) некоей силы, остающейся *все той же* благодаря надежному проводнику, а посредством осуществления *трансформаций*, проявляющихся во множестве неожиданных *событий*, запускаемых в других, *следующих далее* в цепи, посредниках»²⁰⁵ (курсив автора). Делая акцент на изменениях, вызванных влияниями акторов, распространение рассматривается как распространение различий — тот, кто становится последователем неких взглядов, тем самым изменяется, ибо до того, как новый взгляд был принят им, он не был их «последователем». Потому, Латур отказывается от идеи «переноса», поскольку рассматривает рост сети как цепочку изменений, вызванных акторами, входящими в эту сеть.

Но, с точки зрения логики заражения, между переносом и переводом нет никакой оппозиции - вирусы «вызывают в приютившем организме изменения, позволяющие им распространиться дальше»²⁰⁶, т. е. перенос *того же самого* вируса предполагает его *изменение*, «перевод», который, в свою очередь, с необходимостью связан с мутациями. «Каждый раз, когда клетка делится, чтобы произвести на свет дочерние клетки, или, когда происходит репликация вируса, случаются ошибки. Это означает, что даже при отсутствии полового размножения, когда происходит перемешивание генов, потомки никогда не являются точной копией своих родителей». Мутации не просто случаются время от времени, но происходят постоянно, всякий раз, когда вирус распространяется. Более того, у

²⁰⁵ Латур Б. Пересборка социального.

²⁰⁶ Вулф Н. Смертельный шторм: Эпоха новых пандемий. Стр. 40

вирусов «самый большой масштаб мутаций из всех живых существ»²⁰⁷ - в плане изменчивости они являются рекордсменами среди живых организмов. И когда Латур, исследуя приёмы пастерианцев, устанавливает: «правильная организация перевода: новая разновидность старого знания»²⁰⁸, он упускает лидера в этой области, ведь всякий случай вирусного заболевания, это появление на свет *новой*, мутировавшей, разновидности *того же* самого вируса (нового штамма), в результате удачного переноса в новую среду обитания («с точки зрения вирусов и других микробов, наши тела — среда обитания»²⁰⁹) и не менее удачного перевода (предполагающего не только мутации, но и обмен генами с другими вирусами или сдвиг рамки считывания, когда вирус «переписывает себя» иным образом).

Но почему Акторно-Сетевая теория игнорирует эту возможность использования термина «заражения», вводя вместо него оппозицию «перенос/перевод»? Для чего множить сущности? Ответ на этот вопрос можно получить, задавшись вопросом «что переводится?».

«Записи» - отвечает другой теоретик Акторно-Сетевой теории Мишель Каллон: «Когда исследователь получает статью, написанную коллегой, частицы, гены и протеины, которыми манипулирует этот коллега в его или ее лаборатории, присутствуют на столе исследователя в форме таблиц, диаграмм и утверждений, основанных на записях, сделанных благодаря инструментам»²¹⁰. В рамках АСТ речь идёт не о распространении идей, теорий или взглядов, но о записях, которые, циркулируя формируют сеть, и, в свою очередь, «в определенных точках этих сетей мы обнаруживаем центры перевода, которые извлекают выгоду из всех этих записей и утверждений»²¹¹. Идеи же оказываются лишь эффектом практики,

²⁰⁷ Там же. Стр. 44

²⁰⁸ Латур, Бруно Пастер: Война и мир микробов Стр. 126

²⁰⁹ Вулф Н. Смертельный шторм: Эпоха новых пандемий. Стр. 37

²¹⁰ Каллон М. Акторно-сетевая теория. – URL: http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон_М._Акторно-сетевая_теория.pdf

²¹¹ Там же.

связанной с использованием записей, более того, эффектом метафорики. «Идеи» - утверждает Латур, помещая это слово в кавычки - «никогда не отрываются от сетей, которые их фабрикуют»²¹². Он отказывает идеям в автономии. Так, «микроб» для него оказывается лишь словом, записью, циркулирующей в сети вместе с другими записями и практиками. «Микроб — это образ действий, нацеленный на определенное употребление и определенный тип установления связей и перемещения»²¹³. Как только прекращаются доказательства и эксперименты, исчезают и микробы, утверждает он. Причем, даже тогда, когда используемые им цитаты утверждают обратное: так, один из авторов «Медицинской помощи» (*Concours Medical*) замечает, что «нужно впасть в некое безразличие, чтобы не замечать бактерий повсюду, увидев их однажды, или не желать видеть ничего»²¹⁴, т. е. идея, как и вирус, существует, в первую очередь, за счёт носителя и им же переносится, и остаётся даже тогда, когда этот носитель покидает пределы сети, лаборатории или театра доказательств.

Но что вызвало в Латуре это «некое безразличие» к такому очевидному факту? Как было отмечено ранее — Латур признаёт лишь материальное, актуально наблюдаемое, отказывая всему виртуальному в существовании. Грэм Харман верно подмечает, что Латур вовсе не делёзианец, ибо для него «не существует никакого «становления», выходящего за пределы индивидуальных акторов. Равно как нет для него превосходящих их как «виртуальности», так и потенциальности»²¹⁵. Идей для АСТ просто не существует, есть лишь циркулирующие записи и практика их использования, которые, переводясь и распространяясь, приводят к социальным изменениям (подобное утверждение довольно заурядно, ибо его можно свести к

²¹² Латур, Бруно Пастер: Война и мир микробов Стр. 143

²¹³ Там же. Стр. 85

²¹⁴ Там же. Стр. 174

²¹⁵ Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика / пер. с англ. А. Морозов и М. Федянин // Логос. — 2014. — № 4 (100) Стр. 232

крайне банальному тезису, что «небольшие изменения в следствие роста становятся большими»). АСТ не приняла логику заражения, ибо заражение предполагает то, что переносится, а именно виртуального агента не видимого глазу, в существование которого Пастер смог заставить поверить всё общество, кроме, разве что, АСТеоретиков, которые желают видеть лишь серии переводов и изменений [записей].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что теория «слова-вируса» вместе с концепцией «заражения», оказывается, во-первых, более лаконичной, поскольку позволяет объединить понятия «переноса», «перевода» и «распространения» в один концепт - «заражение»; во-вторых, она принимает во внимание регистр «виртуального», без которого речь о науке будет сводиться к «записям», при полной редукции «идей»; в-третьих, при всех этих достоинствах, она вполне перенимает «ризоматическую онтологию» Делеза и Гваттари, без каких либо вычитаний, которыми «грешит» Акторно-Сетевая теория.

Несомненно, здесь нет призыва к отказу от достижений, сделанных за последние годы Акторно-Сетевой теорией. Но АСТ делает шаг назад, к социологическому актуализму, в рамках которого, происходящее в науке и философии сводится то к «ритуальным действиям», как в работе Рэндалла Коллинза «Социология философий», то к «циркуляции записей» - каждый раз редуцированными оказываются сами идеи, в пользу коммуникаций учёных. Вирусная же теория, наоборот, хотя и делает акцент на «жизни» идей, но помимо этого, позволяет рассматривать и другие аспекты научной жизни, прибавляясь к уже сказанному и ничего при этом не вычитая.

Таким образом, несмотря на использование в рамках Акторно-сетевой теории концепции ризомы, и рассмотрения распространения теорий, она не подходит для наших нужд, поскольку «крайний актуализм» делает её слепой по отношению к открытию, сделанному Пастером – открытию микробов и логики заражения.

2.3. Принципы Ризомы

Рассмотрев «внешние» причины использования концепта «Ризомы», перейдем к «внутренним», которые, как уже было сказано, связаны с принципами самой ризомы. Концептуализируя «Ризому», Делез и Гваттари выделяют «приблизительные характеристики ризомы»:

«1 и 2. Принципы соединения и неоднородности: любая точка ризомы может — и должна быть — присоединена к любой другой её точке»²¹⁶. Два этих принципа не просто подходят для описания логики заражения, но являются её прямой концептуализацией, следствием внесённых ею модификаций, поскольку именно «зараза, эпидемия запускают в игру полностью неоднородные термины — например, человек, животное и бактерия, вирус, молекула, микроорганизм»²¹⁷. Для того чтобы поймать вирус, необходимо встать на его «точку зрения»: смена правил, вызвана необходимостью поймать вирус, за ним с необходимостью ведётся охота, потому, требуется уловить его логику, а та оказывается отказом от таксономической логики («Таксономист может провести чёткое разграничение между колобусами, бабуинами, шимпанзе, гориллами и человеком, однако признаки, по которым проводятся эти разграничения, для микроба не имеют никакого значения»), в пользу логики маршрутов, топологии и картографии, пересечения различных территорий и сред.

«3. Принцип множественности: <...> У множества нет ни субъекта, ни объекта, есть только определения, величины, измерения, способные расти лишь тогда, когда множество меняет свою природу»²¹⁸. Микроб — это популяция микробов, ибо стоит хотя бы одному (если «одиночество микроба» вообще возможно вне лабораторных условий) оказаться в необходимой среде, как первым делом он воспроизводит популяцию. Поскольку такое воспроизводство

²¹⁶ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения Стр. 12

²¹⁷ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Стр. 398

²¹⁸ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения Стр. 14

сопровождается мутациями и любая репродукция вируса вполне может оказаться новым штаммом, который, если возникшие изменения оказались полезными, задаст новую траекторию развития всей популяции, реорганизует её, постольку рост микробной популяции и её изменение крепко связаны в одном процессе, который, к тому же, является процессом жизнедеятельности микроба.

По тем же причинам (микроб=популяция микробов), и само заражение является нелинейным и множественным, предполагающим рассеяние [диссеминацию] следуя по разнородным расходящимся траекториям²¹⁹: зараженный, не важно человек это, животное или что-то неорганическое, становится не только переносчиком, но и разносчиком заболевания, так, что всё встреченное инфицированным становится для вируса возможными путями роста-распространения, и именно вирус «решает» какие из них окажутся предпочтительнее, в зависимости от «выбранного» способа передачи и вызываемых симптомов (кашель, диарея, высыпания и т. п.), причем ему не обязательно ограничиваться чем-то одним, он может одновременно распространяться во все стороны, разом заражая и воздух, и поверхности, и живых существ, и их пищу, и всё в результате лишь одного выброса, случившегося, к примеру, в результате приступа кашля. Более того, инфекции не обычный случай наряду с другими, покуда Делёз и Гваттари указывают на заражение как на необходимую деталь множественности: «банды — человеческие или животные — размножаются посредством заражения, эпидемий, сражений и катастроф»²²⁰; «стаи формируются, развиваются и трансформируются посредством инфекции»²²¹; «инфекция — это одновременно животная популяция, и размножение животной

²¹⁹ Описывая такое движение применительно к эволюции в целом, Бергсон использует образ взрыва: «мы имеем дело с гранатой, внезапно разорвавшейся на части; части эти, сами представлявшие собой нечто вроде гранат, разорвались на новые части, которые вновь должны раскалываться, и так далее...» Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. С фр. В. Флеровой; Вступ. ст. И. Блауберг. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб;

²²⁰ Делёз Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения Стр. 397

²²¹ Там же. Стр. 398

популяции самого человека»²²². Логика заражения и логика множественности предполагают друг друга.

С необходимой множественностью вирусных знаний согласен и Розов: «Ключевым положением является следующее: отдельно взятый образец в принципе не может быть однозначно воспроизведен в силу того, что все на все похоже в том или ином отношении. <...> Если эстафетный механизм все же постоянно срабатывает, то только потому, что мы имеем дело не с одним, а с множеством образцов, ограничивающих друг друга, образец становится образцом только в контексте других образцов, других эстафет, только в составе определенных эстафетных структур. Это означает, что понять механизм эстафет нельзя в рамках элементаристских представлений: отдельно взятых эстафет просто не существует и не может существовать, они возникают только в рамках некоторого эстафетного универсума»²²³. Вирусные знания дополняют друг друга, более того, сами являются популяциями различных знаний: обращение записей в знание возможно лишь благодаря навыку чтения, а то, в свою очередь, само составлено из различных знаний – знания слов, терминов, знания грамматики и орфографии. Только в качестве разнородной популяции знание-вирус может функционировать. Таким образом, знание-вирус – это всегда разнородная популяция знаний.

«4. Принцип а-означающего разрыва: <...> Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям»²²⁴. Сеть, формирующаяся передвижениями вирусной популяции, может существовать лишь в моменты передачи, поскольку нет никакой необходимости в её сохранении и поддержании в неизменном виде: всё, что необходимо вирусу — это быть переданным. И не всегда имеет значение

²²² Там же. Стр. 399

²²³ М.А. Розов. К построению модели науки. Стр. 56

²²⁴ Делез Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения Стр. 16

кому, когда и где. Вирус действует исходя из наличных обстоятельств. Более того, поскольку уже инфицированные не представляют для него интереса, разнообразие путей оказывается даже более предпочтительным.

Принимая во внимание, что отдельные микробы имеют крайне короткую жизнь, каждый переход - это смена «поколений», обновление популяции, то можно сказать, что распространение всякий раз начинается заново. Каждый «ход», сделанный популяцией, делается как первый, а любая новая среда тут же становится «родной». Прошлое не имеет для инфекции значения, так же как и будущее: «Она перерастает свои границы, чтобы включить внешнее себе — среду, которая дает возможность тому, что приходит к узлу от сети, участвовать во встречах и событиях, которые случайны или непредвиденны в том смысле, что ни сетевая структура, ни данное содержание, которое может быть транслировано системой связей, не устанавливают заранее то, что может обнаружиться»²²⁵. Важна не сеть, но узлы. Единственное, что заразным агентам необходимо возобновлять — это само заражение. При этом — каждый раз словно с чистого листа. Такой рост, не принимающий во внимание предыдущие и последующие состояния, начинающийся с нуля в каждом из узлов ризомы, Брайан Массуми называет «непреднамеренным»: «непреднамеренный рост — рост, который принимает новую форму в ответ на неожиданные встречи и случайные события, которые изменяют его природу»²²⁶. Однако, принимая во внимание, что именно рост и распространение являются неизменными задачами, говорить о его «непреднамеренности» не совсем верно. Непреднамеренными оказываются мутации и обстоятельства. Они есть те различия, незапланированные и потому всегда неожиданные, которые возникают в повторении цикла.

²²⁵ Массуми Б. «Будущее нужно активно изобретать»: философ Брайан Массуми об эволюции ризомы и спекулятивном прагматизме» URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi> [дата обращения 18.10.2017]

²²⁶ Там же.

Поскольку принципы «ризоматичности» являются онтологическими, это значит, что они проявляются на всех уровнях теории. Но какие следствия они за собой ведут?

Принципы неоднородности и связанности позволяют связать вирусную концепцию с теорией «методологического анархизма» Пола Фейерабенда, даже, более того, можно считать эти принципы одним из способов выражения его позиции, заключающейся в том, что «существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, – допустимо всё»²²⁷. Первое следствие имеет отношение к виду идей: необходимо рассматривать все идеи, теории и методы до их деления на «научные», «мифические», «философские» или какие-либо другие. Покуда заражение предполагает и распространение, и перевод, можно сказать, что специализация идей по дисциплинам зависит от того, кто ей заражен: так, структуралистский метод переносился как в психоанализ, так и в этнологию, литературоведение, философию, политологию и даже математику. В каждом случае он принимал различные формы, мутировал в зависимости от своего носителя – психоаналитика Лакана, этнолога Леви-Стросса, марксиста Альтюссера и т.д. Стоит ученому заразиться идеей, как она изменится в нём. Стоит ему инфицировать ею своих коллег, как она начнёт циркулировать в пространстве института или академии, принимая все более специфические для определённой дисциплины формы. Её «специализация» может дойти до того, что заразить её мутировавшим штаммом кого-либо, далёкого от этой дисциплины будет практически невозможно. К тому же, это значит, что любая теория является, или может быть трансдисциплинарной – после серии мутаций метод может быть перенесён в другую дисциплину – все, что для этого необходимо – это подходящий носитель.

²²⁷ Фейерабэнд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабэнд; пер. англ. А. Л. Никифорова. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – Стр. 47

Другое следствие относится к переносчикам, и заключается в том, что при рассмотрении возможных путей распространения знания, необходимо принимать в расчёт различные, неоднородные носители: как людей, так и компьютеры, журналы и книги, сообщества и отдельных индивидов. Несомненно, различные переносчики знаний будут по-разному взаимодействовать друг с другом и с самим знанием. Но с точки зрения логики заражения, и человек и книга распространяют слово-вирус.

Третье следствие имеет отношение к содержанию идей – любая теория может включать в себя и знание об объектах, и о субъектах, и об отношениях, и о практике. Знание о практических действиях может быть распространено отдельно от представления об объектах, с которыми это действие должно быть совершено, например, в виде лозунга - «Быстрее! Выше! Сильнее!» - или, в виде принципа - «допустимо всё». Отношения, лишённые и субъектов, и объектов могут распространяться как приказ или ценность – «Свобода! Равенство! Братство!». Так и объекты – «Частицы» или «Вирусы» - могут отрываться от теорий, становясь художественными метафорами, или же переноситься вместе с частью представления – как это было сделано в данном исследовании по отношению к вирусной теории – как операциональный термин. Не только субъекты обладают лишь фрагментом общего знания, но и сама передача предполагает передачу лишь фрагмента теории, и для того, чтобы заразить кого-либо теорией целиком необходимо провести серию заражений как это происходит при обучении в учебных заведениях.

Гетерогенность, разнородность предполагает третий принцип - принцип множественности. Любая теория – это множество аксиом и теорем, множество различных случаев. Но также и множество штаммов одной теории. Структурализм, пост-структурализм, даже дисциплины – это тоже различные разновидности одной дисциплины: математическая физика, квантовая или механическая теория – все это разновидности физики, чье знание мутировало при встрече с другим. Но как, в таком случае, возможно говорить о какой-то теории, если она всякий раз принимает

новые формы? Возможность ухватить эту двойственность того же самого и, вместе с тем, всякий раз другого, даёт сама вирусная теория. В медицине (и юриспруденции), в отличие от других областей знания, используются *кодовые имена* для обозначения болезней. Кодовые имена «связывают общее и частное»²²⁸, индивидуальное и родовое — одно имя для болезни как сущности и заболевания как частного случая. Это значит, что в каждом случае мы можем найти определённые фрагменты, по которым можем опознать причастность теории к какому-либо массиву знания («Нечто от ... и нечто от ...»). Так, математическая физика имеет фрагмент физической теории, и фрагмент математической. В конечном итоге, принимая во внимание процесс специализации, теории можно определять по носителям — куда теорию разрабатывает физик, скорее всего она, мутируя в своём носителе, получит определённые черты физической теории.

В отношении путей заражения этот принцип утверждает, что мы всегда имеем дело, в первую очередь, с сетью. Несомненно, иногда эта сеть может иметь центр. Но верно и то, что центров может быть несколько — несколько институтов, занимающихся разработкой одной теории, которые, в отсутствие прямой коммуникации, со временем начинают все больше различаться. Так, приводя в пример АСТ, «у российских комментаторов принято различать Парижскую школу (Латур и Каллон) и Ланкастерскую (Ло и Мол)²²⁹» (стоит отдельно обратить внимание на используемую формулировку относительно этих центров распространения: «Горная школа Парижа <...> остаётся одним из очагов АСТ»). Оказавшись разделёнными, они по-разному коммуницировали с другими теориями («Если Парижская школа пыталась дистанцироваться от критической теории в любых её проявлениях, то Ланкастерская школа постоянно взаимодействовала с

²²⁸ Серр, Мишель Девочка с пальчик. - М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. Стр. 68

²²⁹ Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27. № 1. Стр. 4

дискурсами эмансипации»²³⁰), в связи с чем их штаммы АСТ стали столь различными, что между ними возникла оппозиция. Исходя из вирусной теории распространения знания необходимо искать не «центры», но «очаги» или «горячие точки» - таковыми являются сообщества и институты – места, в которых вирусные теории постоянно циркулируют и находятся в постоянной мутации: с одной стороны, большое скопление людей обеспечивает возможные пути дальнейшего распространения, с другой же – мутации теорий повышают шансы на то, что возникнет штамм, особенности которого позволят ему заразить большее число носителей. Именно две эти характеристики – скопление носителей и частота мутаций и определяют нечто как «очаг». В противном случае, когда сообщество невелико или мутации редки, шансы на распространение теории так же становятся малы (речь здесь всегда о вероятности – большее или меньшей): небольшое сообщество или отдельный индивид, даже при высокой частоте мутаций, не сможет быстро распространить теорию; большое же сообщество, циркулируя в котором теория мутирует крайне медленно, не будет расширяться, ведь теория уже не смогла заразить большее число людей, а следовательно, в том виде, котором она есть, уже и не сможет.

Относительно содержания теорий и идей, следствие принципа множественности схоже с предыдущим: любая теория и дисциплина имеют в себе множество «частей», «деталей» и «аспектов»: алгебра – это и определенные объекты, и термины, и набор особых отношений. Это всегда множество аксиом, и теорем, и следствий. Только рассматривая теории как сборки, возможно понять, как происходят мутации - штамм геометрии, получивший имя «Лобачевского» отличается лишь одной аксиомой. Изменение одной «детали» - это мутация, ведущая за собой возникновение нового штамма. Но после изменений, произошедших с геометрией под влиянием Лобачевского, мутации продолжились, затронули большее число «частей», так, что «геометрию Лобачевского» стало

²³⁰ Там же. Стр. 5

возможным считать новым вирусом. Возможен и другой процесс – один аспект отрывается от теории, и распространяется отдельно от неё – «теория поля», ушедшая из физики в социологию Бурдьё. Конечно, здесь речь идёт о метафоризации, описанной в одной из предыдущих глав, но эта метафоризация понимается не как художественный троп, но как перенос, вместе со словом, представления об определённых функциях. При этом, тот факт, что детали теории могут распространяться отдельно от «целой» теории никак не противоречит вирусной гипотезе, и даже наоборот – постулируется ею: «крупные бактерии усеяны микробами помельче»²³¹ - существуют вирусы у вирусов, вирусы, носителем которых являются другие вирусы. Заражение может происходить на любом масштабе, и любой элемент теории – это потенциальная вирусная идея.

Четвёртый принцип назван Делёзом и Гваттари «принципом а-означающего разрыва». Его можно было бы переформулировать следующим образом «любая точка – это источник». Даже если сообщество распалось, институт закрылся – всегда существует шанс того, что теория распространится вновь, и возникнет новый очаг. Связь между автором и написанной им книгой не необходима – книга отдельно от автора вполне может быть источником заражения. Так же, как и индивид, прочитавший книгу, сам становится новым источником. Иногда достаточно одного носителя – текста или индивида – чтобы вокруг них сложилось целое сообщество.

Именно относительно этого принципа так важно введение виртуального регистра памяти – для АСТ каждое новое доказательство микробов - это доказательство каждый раз новых микробов. Потому АСТ является сетевой теорией записи, а не социологией идей – ничто для неё не хранится в памяти – либо запись есть, либо нет ничего. Следовательно, подобно аквариумной рыбке, которая, сделав круг, оказывается всякий раз в новом месте, в силу «короткой» памяти, акторно-сетевой теоретик, исследуя различные доказательства или следствия

²³¹ Вулф Н. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий Стр. 30

одной теории, каждый раз должен предполагать, что имеет дело с новой теорией. Чтобы подтвердить, что в различных случаях мы имеем дело с одной теорией или идеей, нет нужды искать исток - достаточно памяти. Только так возможно говорить о том, что теория претерпела изменения, произошла мутация – когда имеется нечто, что опознаётся как «тоже самое». Актуально все различно, но виртуально имеет место повторение. Без введения виртуального регистра невозможно даже установить, что записи остались прежними, ибо лишь память может в этом удостоверить.

Делёз и Гваттари пишут о еще двух принципах – декалькомании и картографии (5 и 6) – эти принципы связаны в первую очередь с типом теоретической модели – «калька» или «карта». «Калькой» они называют модели, направленные на воспроизводство того, что они представляют – детальное копирование положения дел. Такие модели всегда будут относиться к тому, что уже произошло, к тому, что было. Из них мы узнаем о прошлом положении, но не можем предсказать последующее. «Карта», в отличие от «кальки», «полностью развернута в сторону эксперимента». Примером такой модели, позволяющей как экспериментировать, так и предсказывать возможные следствия, является теория графов. Именно её используют, когда хотят предсказать инфекционное распространение (информации или, к примеру, широковещательного трафика²³²). Теория графов предполагает два типа элементов – узлы и связи между ними. Именно это упрощение позволяет отказаться от «калькирования»: строя граф, необязательно указывать каким именно образом один узел связался с другим (если только в этом нет необходимости *ad hoc*) – оказался ли носитель знания заражён им путём коммуникации, чтения или наоборот письма – достаточно лишь указать, что заражение произошло, чтобы иметь возможность составить представление о распространении какой-либо теории. Зная какие узлы уже являются носителями,

²³² Кучерявый Е. А., Ярцев С. В. Теория эпидемий как инструмент анализа распространения широковещательного трафика в сетях VANET [Текст] / Е. А. Кучерявый, С. В. Ярцев // Информационно-управляющие системы. - 2016. - № 4. - С. 101-107

мы можем делать предсказание о дальнейшем распространении знания-вируса. Применением теории графов к анализу распространения знания будут посвящены последующие параграфы. Но перед тем, рассмотрим вопрос об изменении знания-вируса – о его мутациях.

2.4. Изменения вирусов

В рамках вирусологической теории разрабатывается представление о нескольких путях изменения вирусов – мутации, рекомбинации генов, сдвига рамки считывания. Все эти понятия, будучи перенесенными в эволюционную эпистемологию, позволяют объяснить изменчивость идей и теорий. Первое, что необходимо по этому поводу заметить, это то, что вирусы изменяются лишь в носителе. Следовательно, никакая теория, рассматривающая лишь записи, не может этого ухватить – актуалистская онтология всегда будет иметь дело лишь со следствием – новыми терминами или формулами, т.е. другими записями. Без виртуального регистра нет речи о том, что одна и та же идея может быть выражена по-разному. Но также становится не ясно где изменяется идея. В отличие от АСТ, вирусологическая эпистемология может с уверенностью утверждать: идеи изменяются лишь с помощью носителей.

Мутации имеют место при заражении и последующем делении вируса в организме носителя. Таким образом, идея изменяется, будучи выраженной или понятой. При мутации вируса происходит частичное изменение его генома, т.е. идея формулируется другими словами. Подобное может случаться как по ошибке (при пересказе или понимании), так и при изменении теории в процессе её разработки. Самое интересное следствие заключается в том, что, в конечном итоге, вызвана ли мутация ошибкой или это была модификация не имеет значения – значение имеет лишь то, насколько изменение повлияет на дальнейшее распространение идеи. Более того, грань между «намеренным» изменением и ошибкой довольно размыта: любая интерпретация предполагает такое изменение, и её легитимность всегда под вопросом, всегда требует испытаний. Потому, в дальнейшем рассуждении нет необходимости обращаться к этой оппозиции -

«ошибка/модификация» - ошибка может оказаться вполне продуктивной, а так называемая «модификация» может обернуться провалом. Нечто может объявляться ошибкой или модификацией лишь впоследствии, исходя из результатов. Мутация, когда она только произошла - это изменение, не больше и не меньше.

Существует три варианта этих изменений генома вируса: «В одних случаях происходит делеция, т.е. выпадение одного или нескольких нуклеотидов, в других случаях происходит встраивание одного или нескольких нуклеотидов, а в некоторых случаях – замена одного нуклеотида другим»²³³ - что-то при передаче идеи может быть опущено, что-то добавлено, а что-то заменено другими словами. Последний случай делится еще на два – замена может быть синонимичной или не синонимичной. При не синонимичной замене у вируса изменяются функции. Такое происходит при изменении в популяции терминов. Например, термины «пространство» и «время» заменяются на «пространственно-временной континуум», а это, в свою очередь, приводит к функциональным изменениям. (Здесь стоит отметить, что расхождение с точкой зрения Тулмина²³⁴ не является теоретической, это разница в целях – Тулмина волновали вопросы [дисциплинарного] отбора и долгосрочных изменений, в связи с чем он и отказывается от рассмотрения мутаций, в то время как теория слова-вируса предполагает рассмотрение эпигенетических факторов – краткосрочных изменений, происходящих за время жизни индивида). Долгое время считалось, что синонимичная замена не приводит к функциональным изменениям. Однако, что верно и для лингвистики, «изменение некоторых букв генома в определённых позициях не повлечёт за собой замены аминокислот соответствующего белка, которая могла бы сказаться на его свойствах или функции», в тоже время, «налицо

²³³ Букринская А. Г. Вирусология. — М.: Медицина, 1986. Стр. 93

²³⁴ «Для тех целей, которые стоят перед нами в настоящее время, эти историографические черты метода Дарвина более важны, чем какое-либо специфически биологическое детальное исследование, например, мутаций или естественного отбора» Тулмин С. Человеческое понимание Стр. 125

предпочтение одних синонимичных кодонов другим»²³⁵. Следовательно, изменения все же имеют место. Несомненно, существует возможность замены одного термина другим без потери теоретической или логической связности, мы можем иногда использовать слово «копии» вместо «реплики», «передачу» вместо «переноса» - функции с этими словами связанные во многом схожи, но все же имеются и отличия, которые, в некоторых случаях оказываются принципиальными. Так, используя слово «копия» вместо «реплики» генетикам приходится уточнять, что речь идёт о «неточных копиях», или ввести оговорку, как это делает Докинз, представив «ошибки» необходимым свойством копирования²³⁶. Синонимия никогда не бывает полной. Потому, любой дискурс включает в себя ограничение на использование синонимов. При всём сходстве значений нельзя заменить термин «черная дыра» на «черное отверстие».

Другое различие, которое необходимо выделить – это различие между «шифтом» и «дрейфом», между большими мутациями и незначительными. В конечном итоге, это различие масштабов и количества.

Таковы мутации отдельного вируса, но есть так же и другой вариант изменения теорий – рекомбинация генов. «Когда два различных вируса проникают в одного хозяина, иногда они оказываются в одной клетке – отличное условие для обмена. В таких случаях на свет могут появиться мозаичные дочерние вирусные частицы, которые содержат элементы генома обоих вирусов. В процессе перераспределения генов между некоторыми видами вирусов происходит обмен целыми блоками генов. <...> Оба вида генетического перемешивания – это возможность для вирусов быстро и радикально создавать что-то новое. Как и в случае с мутацией, дочерние вирусы строятся по новым генетическим моделям,

²³⁵ Бредихин Д. Такие разные синонимы (URL - <https://biomolecula.ru/articles/takie-raznye-sinonimy>)

²³⁶ «Теперь следует сказать об одном важном свойстве любого процесса копирования: оно несовершенно. Случаются ошибки» Докинз Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз; пер. с англ. Н. Фоминой – Москва: АСТ: CORPUS, 2014. Стр. 54

которые иногда помогают им выживать и распространяться»²³⁷. Т.е. рекомбинация генов – это возникновение междисциплинарной теории, зародившейся в результате «перемешивания» двух других теорий. Такова эволюционная эпистемология, таков и её вирусологический вариант, разрабатываемый в данной работе. То же верно и для многих других теорий и дисциплин. В.Г. Буданов сформулировал это так: «новая информация, знание, новые информационные потоки рождаются при взаимодействии, как минимум, двух других информационных потоков» и показал, каким образом, применив формулу Капицы роста народонаселения, возможно прогнозировать рост числа таких мутаций.²³⁸

Здесь может быть несколько вариантов: перекрестная реактивация, гетерозиготность и комплементация. Перекрестная реактивация предполагает «спасение маркера», когда два штамма вируса с частично поврежденным геномом скрещиваются, рекомбинируя неповрежденные участки генома, давая на выходе новый штамм вируса, обладающий свойствами обоих родительских штаммов. То же верно и для теорий, сливающихся в одну, посредством объединения работающих гипотез каждой из них. Под термином «гетерозиготность» скрывается ситуация, когда «при совместном культивировании двух штаммов вируса может происходить формирование вирионов, содержащих в своём составе два разных генома или по крайней мере один полный геном и часть второго генома»²³⁹. Так, к примеру, благодаря объединению дарвиновской теории естественного отбора и постулатов генетики Менделя возникла «синтетическая теория эволюции». Комплементация - это негенетическое взаимодействие, при котором один вирус снабжает другой необходимыми компонентами, «структурными и неструктурными». Речь здесь идет о мультидисциплинарности, согласно терминологии Ж. Пиаже, одностороннем влиянии, когда одна дисциплина

²³⁷ Вулф Н. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 45

²³⁸ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. Стр. 77-82

²³⁹ Букринская А. Г. Вирусология. Стр. 97

дополняет другую. Так, известно, что «диалог двух выдающихся ученых – лингвиста Романа Якобсона и первооткрывателя информационной РНК, Нобелевского лауреата Франсуа Жакоба породил много идей»²⁴⁰, благодаря которым оказалось возможным дальнейшее развитие генетики. Мы можем обратиться к тексту самого Жакоба, дабы увидеть вполне подходящее описание «вирусно-теоретической комплиментации»: «...понимание одной из систем может помочь в анализе другой. Однако этот процесс носит односторонний характер, поскольку до сих пор генетика, кажется, не внесла ощутимого вклада в прогресс лингвистики. Лингвистика же, напротив, предложила генетике совершенную модель. Если лингвистическая модель доказала свою исключительную ценность при молекулярном анализе наследственности, то это, возможно, потому, что она в равной степени применима как к структуре, так и к функциям генетической материи»²⁴¹. Выделив поверхностным анализом эти соответствия вирусологической и эпистемологической терминологии, оставим этот вопрос для дальнейших исследований. Вывод, который на данном этапе важно сделать заключается в том, что для «рекомбинации генов» необходим носитель – при возникновении междисциплинарной теории или в случае мультидисциплинарного воздействия, всегда имеется человек, в чьей «голове» теории пересеклись и смешались, вследствие диалога или чтения - заражения.

Акцент на мутации имеет важное следствие по отношению к представлению об эволюции: эволюция не предполагает прогресс напрямую, это процесс адаптации к постоянно сменяющимся условиям. Здесь нет речи о развитии, ибо мутации - это изменения, возникающие извне. Как замечает Берроуз, это «не вопрос логических предпочтений», поскольку «мутация включает в себя перемены,

²⁴⁰ Золян С. Т., Жданов Р. И. Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 60–84.

²⁴¹ Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 139–140.

буквально невообразимые с точки зрения будущего мутанта»²⁴². Вирус не имеет планов о том, как ему мутировать – мутации происходят вследствие внешних воздействий – мутагенов, встреч и т.п. То же верно и для теорий – возникают новые проблемы, социальные или технические, новые аномалии, которые необходимо истолковать – все эти внешние для теории события и являются стимулом для её внутреннего изменения. В таком положении, когда каждый следующий шаг – это шаг в неизвестность, невозможен «идеал», к которому необходимо было бы продвигаться. А в отсутствии этого «идеала» не может быть и речи о прогрессе, который, по сути, заключается в продвижении к некой идеальной точке. Потому К.Х. Уоддингтон выдвинул предложение применить к теории эволюции теорию игр: «главная проблема сводится к тому, чтобы суметь сейчас сравнивать относительную способность двух популяций к сосуществованию в будущем, условия которого полностью нельзя предвидеть. Наиболее полезным было бы, на мой взгляд, определять “приспособленность популяции” подобно тому, как оцениваются карты, полученные при сдаче, в карточной игре, положение на шахматной доске или, еще лучше, “полезность” данного инструмента»²⁴³. Каждое изменение теории, каждая мутация знания-вируса, не предполагает абсолютного прогресса, но обеспечивает её выживание или даёт относительное преимущество в распространении, по сравнению с другими теориями, лишь на короткий период времени. Оставив задачу построения теории эволюции на основании теории игр для последующих исследований, обратим внимание на выводы, которые уже могут быть сделаны: изменения знания-вируса всегда имеют внешнюю причину; эволюция знания предполагает мутации, которые, в лучшем случае, дают относительное и временное преимущество в конкурентной борьбе.

Несомненно, мутации знания постоянно имеют место – как при передаче, при циркуляции в обществе, так и при изменении в отдельно взятом носителе. Но если

²⁴² Берроуз У. Счетная машина. Стр. 220

²⁴³ К.Х. Уоддингтон Основные биологические концепции / На пути к теоретической биологии. Стр. 28

рассматривать только их, может создаться впечатление, что знание в обществе находится в хаосе, а это не совсем так. Знание [само]организуется – в отдельном индивиде-носителе, за счет соотношения с другим вирусным знанием, которое в нём уже имеется; в коллективе, в результате циркуляции и обмена знаниями между участниками; и, наконец, в обществе, в результате стандартизации – установления стандартов знания. Потому, дабы составить более цельную картину, перейдем к рассмотрению процессов организации знания.

2.5. [Само]организация знания

Помимо изменений, знание так же может распространяться, оставаясь более или менее гомогенным, однородным. Обычно, гипотеза, с которой начинают рассмотрение знания, заключается в том, что существует «универсальное» знание, понятное всем. Тогда вопросом становится то, как знание изменяется. Но путь рассуждений в рамках вирусологической эпистемологии оказывается противоположным – мы начали рассмотрение с того факта, что знание изменяется при распространении, постольку, поскольку распространение предполагает не «передачу», но заражение – возникновение образов, смысла при встрече со словом. Заражение же, предполагает мутации – тот факт, что при встрече разных индивидов с одним и тем же вирусом у них будут возникать различные смыслы. Однако, теперь, для полноты картины, необходимо точнее проанализировать факторы, от которых зависит это сходство или различие возникающих у носителей знания смыслов.

Как уже говорилось выше, возникающий при заражении знанием смысл зависит от другого знания, которое уже имелось у индивида на момент коммуникации. Следовательно, чем более сходные вирусы уже имеют носители, тем более схож будет и возникающий при заражении смысл. Будем называть «вирусным набором» множество вирусов, сосуществующих в одном носителе. Тогда, чем более схож вирусный набор двух носителей, тем меньше мутаций будет возникать при заражении. Но от чего зависит сходство вирусных наборов? От того, в какие сети распространения вирусов входит данный носитель набора. Потому,

для того, чтобы ответить на вопрос об организации знания, необходимо понять, что представляет собой сеть распространения и как она устроена.

Первое, с чего необходимо начать – это источник, начальная точка. Источник нового знания-вируса – это всегда носитель, обладающий виртуальным регистром – человек или ИИ, постольку, поскольку только в таких носителях знание может изменяться, а потому лишь они могут быть источником нового знания. (Несомненно, сеть всегда можно продолжить в прошлое, чтобы найти те старые вирусы, из которых возник новый). Следующим звеном уже может быть какой угодно носитель: текст, изображение, звукозапись, другой человек или ИИ. Здесь возникает отдельный вопрос об «авторстве» знания-вируса – далеко не всегда тот, кто являлся источником вируса, «нулевым пациентом», впоследствии признаётся его «автором». Иногда «автором» становится тот, кто систематизировал или переформулировал идею, или даже главный распространитель. Здесь важен вопрос мутаций – если речь идёт о новом штамме, то «автором» стоит считать «нулевого пациента» оригинального вируса, если же речь идёт о мутации знания-вируса до такой степени, что мы можем говорить о том, что возник новый вирус, то и «автором» следует считать носителя, в котором произошла эта мутация. Впрочем, быть может, от «авторства» давно уже стоит отказаться как от понятия, корнящегося в необоснованном эгоизме, и лишь поддерживающем его. Ограничившись этим замечанием, оставим этот вопрос для будущих исследований.

Покуда речь идёт о сети зараженных, на первый план выходят узлы – носители и переносчики. Зарезервируем термин «носители» за теми, кто обладает виртуальным регистром – людьми и ИИ. Именно в них слово-вирус становится знанием-вирусом, в них оно может мутировать и лишь они могут взаимодействовать с переносчиками. Будем использовать термин «переносчики» по отношению к тем объектам, которые виртуальным регистром не обладают, и лишь переносят слово-вирус в себе, без его актуализации как знания-вируса – таковы книги, журналы, фотографии, рисунки, схемы, аудио- и видеозаписи, словом всё, что может быть средством записи и воспроизведения текста в самом

широком смысле слова. К этому следует добавить, что и люди, и ИИ так же могут оказаться лишь переносчиками слова-вируса: человек может просто повторить услышанное, пересказать слово-вирус, без того, чтобы понять его смысл. Но для чего тогда нужно это разделение на носителей и переносчиков? Оно необходимо, чтобы выделить важное свойство вирусной сети – узлы-переносчики не могут соединяться друг с другом. Текст не может взаимодействовать с текстом или изображением, схема не может переписать сама себя в цифровой формат. Для любого действия записи требует носитель. Потому, мы и резервируем термин «носитель» за людьми и ИИ. В качестве объяснительной гипотезы, можно добавить, что в конечном итоге слово-вирус, как и любой другой вирус, «желает» быть «живым», а таковым он может быть лишь в носителе. Узлы-носители, в отличие от узлов-переносчиков, соединяться друг с другом могут. Человек может заразить другого человека. Таким образом, окончательно правило может быть сформулировано следующим образом: между любыми двумя узлами-переносчиками должен иметься узел-носитель.

Следующий элемент сети – это связи между узлами или, если пользоваться терминологией теории графов, ребра. Следуя традиции, любое инфекционное взаимодействие будет именоваться «заражением», однако, необходимо уточнить, как и в каком смысле используется здесь это именование. Ранее, мы использовали слово «заражение» как концепт коммуникации, делая акцент на том, что речь идёт не о прямой передаче смысла, но об опосредованной словами – смысл не передаётся, но возникает у адресата в результате языкового взаимодействия. Но при контакте зараженного с вещами, принято говорить, что они тоже оказались заражены, поскольку являются теперь переносчиком вируса, пусть и в «спящем» состоянии. Следовательно, переход от узла-носителя к узлу-переносчику так же следует называть «заражением». Но здесь возникает вопрос: всегда ли, когда некто записывает или произносит слова, он «вкладывает» в них смысл? Чтобы дать ответ на этот вопрос, его стоит переформулировать. Подобно тому, как при заражении предметов вирусной популяцией, мы позволяем себе считать, что болезнь в них

«присутствует», хотя она может и никогда не актуализироваться (например, за счёт своевременно принятых санитарных мер), так и при записи текста или разговоре, мы можем говорить о смысле слов, хоть он может и не возникнуть никогда. Но, чтобы не повторять ошибку Поппера, и не приписывать смысл тексту в виде неотъемлемой составляющей, нам необходимо ввести различие. Будем называть «заражением» любое распространение слова-вируса, т.е. его репликацию. Это не противоречит правилу, согласно которому, заражение предполагает мутацию, ведь запись текста означает, что изменилась его форма – ведь слово как звук, слово как графический текст и слово как ментальный образ различны именно формой. Благодаря этой тонкости, сохраняется отсылка к виртуальному регистру – между этими различными формами слова существует общность, причем общность виртуальная – то, что позволяет говорить о том, что набор звуков и набор линий являются *одним и тем же* словом. Для обозначения же тех случаев, когда слово-вирус становится знанием-вирусом, будем использовать термин «инфицирование». За счет такого различия мы добиваемся терминологического параллелизма: при переходе узла-носителя к узлу-переносчику (но также и двух людей, выступающих лишь как переносчики) происходит заражение; при переходе от узла-переносчика к узлу-носителю – инфицирование. Как и в случае с узлами, когда мы можем считать переносчиками всех, в том числе и людей, так и в случае с ребрами сети, мы, удобства ради, можем всегда говорить о заражении, используя термины «носитель» и «инфицирование» (и «инфицированный» как синоним «носителя») по мере надобности.

Для построения сети достаточно двух элементов – узлов и ребер. Но помимо элементов, существуют эмерджентные свойства и объекты, возникающие при определенном сочетании элементов. При анализе повторения [подпараграф 1.4. главы 3] было обнаружено одно такое эмерджентное свойство инфекционной сети – чем более она распространена, тем проще ей распространяться. Иммуитет многих узлов будет, в конечном итоге, сломлен путём повторения заражения. А количество этих повторений напрямую зависит от распространённости вируса.

Другой эмерджентный объект – цепь. В теории графов цепью считается последовательность узлов и ребер, в которой ребра не повторяются. Цепь важна при рассмотрении вирусной сети, ведь заражение происходит во времени и имеет длительность, а значит, каждый случай заражения – это отдельное ребро цепи. Другой эмерджентный объект – это цикл. Мы имеем цикл всякий раз, когда возможно построить цепь, которая начинается и заканчивается в одной точке. Поскольку заражение предполагает мутации, то присутствие цикла означает, что речь идёт о развитии знания, а отсутствие – о распространении. Повторяющийся во времени цикл, будем называть «циркуляцией». Любое обсуждение предполагает циркуляцию знания-вируса. Циркуляция присутствует в случае любой «исследовательской программы», в любой лаборатории или сообществе ученых – везде, где происходит развитие знания. И характеристика носителя как «участника сообщества» следует именно из включенности в циркуляцию. Когда Кун обсуждает вопрос принадлежности кого-либо к научному сообществу, он утверждает, что «членство в профессиональных обществах и чтение журналов - вот более чем достаточные признаки этой принадлежности»²⁴⁴, т.е. речь здесь идёт именно о необходимости быть включенным в цикл. Специализация знания достигается за счёт изоляции – имеется циркуляция, но почти отсутствует распространение. «Почти», ведь «если коснуться вопроса о степени изоляции, эта изоляция никогда не бывает полной»²⁴⁵. Именно в такой ситуации возникает то, что Тулмин назвал «форумом конкуренции». Именно как следствие изоляции возникают определённые «популяции терминов» (Тулмин) или «символических обобщений» (Кун): покуда сообщество изолируется, степень и количество мутаций уменьшается, а вирусные наборы носителей, включенных в такую изолированную циркуляцию, гомогенизируются, становятся схожими.

²⁴⁴ Кун Т. Структура научных революций. Стр. 231

²⁴⁵ Кун Т. Структура научных революций. Стр. 215

Осознанная изоляция, в свою очередь, возникает как необходимость поддерживать определенное направление развития знания. Более того, лишь при наличии определенного направления имеет смысл говорить о «развитии», т.е. приближении к некой цели. В отсутствии направления будут иметь место лишь нерегулируемые изменения. Но каким образом задается направление? Существуют вирусы определённого «формата»: «цели», «задачи» и «ценности». Цель развития какого-либо знания состоит в ответах на вопросы и решении проблем. Ответ и решение – вот конечное состояние знания. Оно никогда не может быть известно заранее и развитие знания в процессе изолированной циркуляции состоит в его выведении путём мутаций. Таким образом, цели являются ориентирами развития. Другим ориентиром являются «ценности». «Хотя они функционируют постоянно, их особенная важность обнаруживается тогда, когда члены того или иного научного сообщества должны выявить кризис или позднее выбрать один из несовместимых путей исследования в их области науки»²⁴⁶, т.е. ценности как ориентир функционируют при выборе из двух возможных направлений. Множество ориентиров задают «проблемное поле». Необходимо отметить, что «”проблемы” всегда имеют отношение к людям»²⁴⁷, т.е. это виртуальное образование, существующее как смысл, знание-вирус, возникающий за счёт суммарного заражения «ценностями» и «целями». За счет гомогенизации «целей» и «ценностей» при изолированной циркуляции знания создаётся ситуация «общности интересов» у носителей одинаковых вирусных наборов. Как следствие, возможным становится коллективное развитие дисциплины или теории. Тогда, направление развития какого-либо знания, это заранее не прочерченная траектория, возникающая за счёт ценностной и целевой ориентации мутаций знания-вируса. Добавив к этому тот факт, что цель и ценности, как и любые другие вирусные популяции (терминов, формул) могут изменяться со временем, мы

²⁴⁶ Кун Т. Структура научных революций. Стр. 241

²⁴⁷ Тулмин С. Человеческое понимание Стр. 133

можем использовать здесь термины «гомеорез» и «креод», введенный основателем эпигенетики К.Х. Уоддингтоном. Таким образом знание [само]организуется. В конечном итоге, именно эти факторы и характеризуют научные сообщества и дисциплины: общность вирусных наборов носителей знания, возникшая вследствие его изолированной циркуляции.

Этот момент – [само]организация знания в сообществе – затрагивает другой важный аспект – внешние отношения между сетями. Потому, следующее, что мы рассмотрим – это отношение инфекционной сети с другими структурами. Покуда знание распространяется среди людей, особую важность обретают социальные связи носителей – отношения, которые предполагают частую коммуникацию. Сумма социальных связей называется социальной сетью. Но каким образом выделяется та или иная социальная сеть? За счёт обнаружения чего-то общего между её узлами. В социуме подобная общность возникает за счёт установления определенных конвенций – «всякого рода уставы, программы организаций, разделяемые всеми членами данной социальной структуры цели, ценности, взгляды, нормы поведения, этические регуляторы и многое другое. Все это сплачивает индивидов, так или иначе модифицирует их поведение, так что формирует то, что в социологии обозначается как “групповая идентичность”»²⁴⁸. Совокупность таких конвенций обозначается как «матрикс» сети. Уже из этого перечисления становится ясно, что «матрикс» является определенным знанием-вирусом, распространившимся и, таким образом, связавшим носителей в социальную сеть. Следовательно, здесь мы имеем дело с влиянием инфекционной сети на социальную – общее знание-вирус приводит к объединению носителей в единую социальную сеть. Именно матрикс, как указывает Олескин, лежит «в фундаменте сетевой структуры в человеческом социуме». Продолжив рассмотрение матрикса, мы встретим у него уже выделенные нами характеристики, но проявляющиеся, на этот раз, в масштабе сети:

²⁴⁸ Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе Стр. 67

Во-первых, матрикс устанавливает самоидентификацию членов сети: «слова о матриксе в смысле “объединяющего начала” в сети имеют важный ракурс, связанный с самоидентификацией группы элементов (индивидов) – членов сети – с этой сетью <...> он формируется в сетях в человеческом социуме и в биосоциальных системах животных как система неких стандартов, под которые каждый из элементов сети должен подстраиваться в своём поведении»²⁴⁹. Таким образом, именно матрикс, знание-вирус, устанавливает сеть, поскольку его наличие у того или иного индивида определяет, является ли он принадлежащим к определённой сети [отбор и самоидентификация]. Следовательно, помимо [само]определения элементов социальной сети, именно заражение знанием-вирусом является определяющим фактором формирования этой сети.

Во-вторых, кроме отбора, и предоставления носителям символов для самоидентификации, матрикс так же обеспечивает коммуникацию в сети – ведь знание-вирус – это и слово, и язык. Посредством распространения общего языка, общего набора терминов и правил их комбинации, устанавливается возможность для коммуникации между носителями как членами одного сообщества. Это верно и в случае наций или народов, и в случае научных или профессиональных сообществ, и даже относительно каких-либо «обществ по интересам» - любая культура и субкультура имеют собственный язык. Или, с точки зрения вирусной эпистемологии, общий язык устанавливает культуру или субкультуру как общность, состоящую из носителей, определяет их интересы и то, как они себя идентифицируют. К этому теперь следует добавить – регулирует то как, в каком виде и по каким правилам будет происходить коммуникация между ними. Т.е. общие идеалы, правила и нормы, язык и поведение – всё это определённый вирусный репертуар, который, будучи схож у всех носителей сети позволяет другим вирусам с лёгкостью их, носителей, заражать и тем самым распространяться на всю сеть. Коммуникацию – предполагающую равенство

²⁴⁹ Там же. Стр. 70

между коммуницирующими индивидами и возможность свободы выбора в плане ответа («индивид, воспринявший сигнал, может по-разному ответить на него»²⁵⁰) принято отличать от управляющего воздействия, построенного на приказах, т.е. таких сигналов, ответ на которые заранее и жестко определен, запрограммирован. Уильям Берроуз, а также, Делёз и Гваттари с их концептом «слова-порядка», делали акцент именно на этом свойстве языка – заражение кого-либо языком – знанием об определенных связанных между собой сигналах, образах и действиях (можно сказать, образах действия) – открывает возможность для контроля над зараженным. Однако, Делёз и Гваттари все же приуменьшали важность распространения знания-вируса как необходимой подложки для осуществления воздействия (добавив «лишь» к вполне верному тезису), утверждая, что «информация – лишь строгий минимум, необходимый для испускания, передачи и соблюдения приказов как команд»²⁵¹. Именно распространение знания-вируса с необходимостью предшествует любому контролю и любой власти. И, поскольку само это распространение пока еще не может полностью контролироваться (что верно как для эпистемологии, так и для вирусологии), постольку можно сказать, что это распространение является аполитическим фундаментом для любой власти (в том числе политической). Распространение языка-вируса всегда предшествует распространению слов-порядка, установлению дисциплины (в том числе той, о которой писал Мишель Фуко в «Надзирать и наказывать») и любых социальных структур. Распространение знания-вируса открывает возможность для коммуникации и управляющего воздействия, а те, в свою очередь, для координации элементов сети. Олескин выделяет несколько механизмов такой координации: массовое подражание лидеру или его прямое воздействие на индивидов; локальный контакт между соседствующими узлами сети, по типу взаимовлияния («У людей (и вообще у приматов) этот механизм координации поведения соответствует

²⁵⁰ Там же. Стр. 57

²⁵¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Стр. 126

обиходному явлению взаимной имитации поведения (“обезьянничания”)²⁵², т.е. здесь речь идёт о бессознательном и произвольном заражении); делокализованная передача информации от особи к особи (собственно, заражение); и «координация за счёт заполняющих все биосоциальную систему диффузных стимуляторов (химических соединений, физических полей). Координирующий стимул может вырабатываться особями данной биосоциальной системы или поступать извне»²⁵³. Последний механизм особенно интересен, поскольку заключается в том, что сеть инфицированных носителей будет сходно реагировать на определенные импульсы [эмерджентное свойство - солидарность]. Именно этот механизм работает в случае «массовых истерий», моды и многих других социальных феноменов, когда множество людей незнакомых друг с другом, при возникновении какого-нибудь стимула, неожиданно демонстрируют одинаковое поведение, иногда вполне слаженное и скоординированное. В подобных случаях инфекционная сеть играет гораздо большую роль нежели социальные связи. Т.е. в конечном итоге, определяющим оказывается именно знание-вирус, матрикс, а не социальная сеть, поскольку он не только ей предшествует, устанавливая её, но и обеспечивает её функционирование (благодаря единообразию вирусных репертуаров носителей) – делая возможными коммуникацию между участниками, управленческие команды, и взаимную координацию.

В-третьих, более того, формируя и координируя, матрикс может так же регулировать: «в сетях, где отношения доминирования-подчинения оттеснены на задний план эгалитарными, кооперативными отношениями, а коммуникация между элементами сети преобладает над их управляющими воздействиями друг на друга, матрикс может вести себя как безликий “квази-доминант”. Его команды принимаются к исполнению как приказы командира в армии <...> в неиерархической сетевой структуре появляется незримый, своего рода “мнимый”,

²⁵² Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. Стр. 65

²⁵³ Там же. 65

лидер, который в ряде случаев осуществляет жесткое управляющее воздействие на элементы сети и сетевую структуру в целом»²⁵⁴. В конечном итоге, что и было показано в §2 главы 2 данного исследования и указано в качестве определяющего фактора для вменения «миру знания» «относительной автономии», матрикс, знание-вирус, само управляет социумом. Это верно для неиерархических систем, где нет определённого лидера, и сам матрикс – покуда в него входят цели и ценности – оказывается той сущностью, что определяет развитие сети. Но это так же верно и для иерархий, ибо еще до того, как лидер отдаёт приказ, именно матрикс, знание-вирус, диктует ему набор этих приказов, именно от него зависит, что считает лидер возможным для себя, что он считает своей нормой и по каким правилам действует, каких целей он будет этим добиваться и как, в конечном итоге, он воспринимает себя, что означает для него «быть лидером». Истинность такого положения дел гарантируется следующей, четвертой, характеристикой матрикса – матриксом как неявным знанием.

Матрикс как неявное знание, наше «в-четвёртых», определяется за счёт того факта, что «в сетевой структуре присутствует информация, которая не заложена ни в каком из её элементов по отдельности»²⁵⁵. «В составе матрикса сетевых структур присутствуют всевозможные знания, которые как бы циркулируют по сети. В человеческом социуме речь идёт о неявном знании, которое не имеется ни у какого из членов сети по отдельности: только сообща “сетевики” решают ту или иную задачу»²⁵⁶. Подобный механизм существует и в виде искусственного интеллекта, так называемое «роевое сознание» или «сознание роя». Различные фрагменты знания, распределение которых (как было показано в подпараграфе 2.2. главы 2) так же зависит от знания-вируса, существуют как элементы инфекционной сети, рассеянной в носителях, за счет чего и происходит их координация (наше «во-

²⁵⁴Там же. Стр. 71

²⁵⁵ Там же. Стр. 70

²⁵⁶ Там же. Стр. 69

вторых»). А поскольку, как было показано выше, распространение знания-вируса происходит до распределения ролей, до какой-либо иерархизации, то и такое неявное знание вполне присутствует и в иерархических структурах, и в рыночных. Когда Олескин замечает, что ризома отличается от сети отсутствием матрикса, он делает свои выводы исходя из гипотезы о том, что ризома – это частный пример структуры. Но верно другое – ризома – это в том числе и матрикс, точнее, матрикс какой-либо структуры – это лишь локальный участок ризомы, инфекционная сеть, ставшая гомогенной в определённой области за счёт циркуляции.

И таково «в-пятых» - самореферентность. «Термин «самореферентность» означает, что развитие системы не подконтрольно никакой внешней инстанции. Развиваясь, самореферентная система сверяет каждый шаг с вложенными в неё внутренними стандартами (матриksom в нашем понимании), к которым реальная система должна максимально приблизиться, по принципу постоянно действующей обратной связи»²⁵⁷. Циркулирующее знание-вирус задаёт матрикс социальной сети или научному сообществу, за счёт чего регулируется не только поведение этого сообщества, но и то, как оно будет развивать это знание. Следовательно, мы можем в полной мере утверждать, что инфекционная сеть знания-вируса саморегулируется и самоорганизуется, и, при этом, организует и регулирует сети социальные. Причем, социальные сети любых типов – в том числе, «социальные сети» подобные Facebook, Twitter и т.п., существующие в пространстве сети Интернет. Более того, хотя речь здесь шла лишь о носителях, имеющих виртуальный регистр, тоже верно и для сетей переносчиков – сетей распространения литературы, медиа и любых других переносчиков вирусных образов и слов. Необходимо лишь отметить, что влияние знания-вируса на сети переносчиков является опосредованным носителями – регулируя и координируя поведение людей, знание-вирус регулирует и подконтрольные им сети.

²⁵⁷ Там же. Стр. 70

Установив, как происходит влияние инфекционной сети на сети носителей и переносчиков, рассмотрим в заключение обратную сторону – как социальные сети влияют на распространение знания. Для этого обратимся к работе П.А. Сулимова «Методы машинного обучения для предсказания распространения инфекции в сети». В ней, для решения поставленной и вынесенной в заглавие задачи, он определяет набор метрик для предсказания изменений связей в социальных сетях. Он исходит из тезиса, что «информация – своего рода вирус, передающийся от человека к человеку»²⁵⁸, что полностью согласуется с нашим исследованием. Нам лишь остаётся перенести перечисленные им принципы в более обширное поле.

Показатель схожести выделяется им отдельно от других, топологических показателей. Это верно постольку, поскольку сходство двух носителей, не являющихся членами одной социальной сети – в некотором роде случайно. Ведь если два вирусных резервуара оказались схожи, и это не было следствием их участия в циркуляции, то ничем кроме «совпадения» мы это объяснить не можем (при условии, что отсутствие связи действительно было установлено). Однако, здесь важно другое – носителей, схожих с уже зараженным, знание-вирус заразит с большой вероятностью. Установление факторов, отвечающих за степень этой вероятности – задача последующих исследований в рамках вирусологической эпистемологии.

Остальные метрики являются топологическими, что значит, исходят из различных конфигураций графа сети. Так, метрики соседства, исходят из утверждения, что «одна из особенностей социальных сетей заключается в том, что люди склонны заводить контакты с теми, у кого с ними уже есть общие знакомые»²⁵⁹, а метрики соседства из «очевидности» того, что «чем короче расстояние от одной вершины до другой, тем более вероятно то, что рано или

²⁵⁸ Сулимов П.А. Методы машинного обучения для предсказания распространения инфекции в сети. Вестник НГУЭУ. 2016;(1):285-306. Стр. 286

²⁵⁹ Там же. Стр. 291

поздно они свяжутся. А если путей из вершины x в вершину y будет несколько, то это только увеличит вероятность возникновения связи»²⁶⁰. Обе эти метрики указывают на принципы возникновения новых социальных связей, а рост числа этих связей, в свою очередь, будет влиять на вероятность того, что вирус будет передан. Более интересна в этом плане метрика, построенная на свойстве вершин (узлов) – «Предпочтительное присоединение. Идея данной метрики основана на том, что вершины в сети стремятся присоединиться к тем вершинам, у которых уже есть большое количество связей»²⁶¹ - это означает, что в социальной сети некоторые узлы, имеющие большое число связей, будут эти связи наращивать со всё большей и большей скоростью, становясь, в результате центральными узлами. Относительно инфекционной сети они будут выступать как очаги инфекции. Тем самым, мы можем сделать вывод относительно инфекционной сети, основанный на свойствах сети социальной, что носитель, с высоким коэффициентом заражения однажды станет инфекционным очагом, т.е. этот коэффициент будет расти.

К этому следует добавить показатель плотности сети, на которой акцентирует внимание Деланда: «плотность – мера интенсивности соединений между непрямыми связями»²⁶². Во-первых, «в тесно сплетённых сетях, где все друг друга знают и люди взаимодействуют разными способами, распространяемая информация зачастую известна всем участникам сети»²⁶³, т.е. в сетях с высокой плотностью знание-вирус крайне легко распространяется. Во-вторых, «в сети с высокой плотностью информация о нарушении местных норм становится известна всем членам сообщества; это означает, что сама сеть способна поддерживать внутреннюю репутацию и предостерегать (посредством остракизма и других

²⁶⁰ Там же. Стр. 292

²⁶¹ Там же. Стр. 292

²⁶² Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Стр. 71

²⁶³ Там же. Стр. 48

санкций) потенциальных нарушителей»²⁶⁴. Таким образом, от степени плотности сети зависит и степень того, насколько доминирует в ней «матрикс».

В свою очередь, сетевая модель должна быть соединена с представлением об иммунитете к знанию-вирусу. Каждый из узлов-носителей находится в одном из четырех возможных режимов: хаотической сборки [0], предполагающей отсутствие иммунитета, или одной из иммунных стратегий – аллергии [3], игнорирования [2] или вакцинации [1]. Введение представления об этих четырех режимах позволит прогнозировать распространение инфекционной сети с большей точностью. Нумерация режимов от 0 до 3 позволяет указать степень, с которой узел противостоит новому знанию. Так, новому знанию-вирусу проще всего распространяться среди носителей, лишенных иммунитета, тех, чей иммунитет равен нулю. Следующие – те, чей иммунитет функционирует в режиме вакцинации. Именно с их помощью знание-вирус может мутировать, принимая формы более легитимные для других носителей (т.е. речь здесь идёт о способе «тройного коня»). Последними будут заражены «аллергики» и «игнорирующие». Причем, это возможно либо с помощью «тройного коня» - мутаций, которые будут содержать код, делающий знание-вирус приемлемым для этих носителей, либо в связи с распространённостью сети, ведущей за собой повышение частоты заражений (т.е. путём «повторения»). Эта концепция может быть уточнена – например, могут быть введены дробные значения иммунитета, путём использования модели нечетких множеств.

Таким образом, остальные сети оказывают влияние в первую очередь на распространение знания-вируса. Более того, попадание вируса в определенную сеть гарантирует ему распространение. Это наиболее важный вывод, поскольку он устанавливает подобие как научных сетей, так и любых других. Существуют сети, обеспечивающие стандартизацию обучения, ведь ученому, чтобы стать узлом в циркуляции, уже необходимо обладать неким вирусным набором. Полезное

²⁶⁴ Там же. Стр. 71

уточнение вносит Кун: «они получили сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же учебную литературу, извлекли из нее одни и те же уроки»²⁶⁵. Существует некий стандарт вирусного набора, позволяющий носителю войти в сеть циркуляции определенных знаний.

В свою очередь, такая сеть стандартного обучения, предполагающая распространение определенного набора знания в университетах и школах отличается от клубов или небольших сообществ лишь несколькими параметрами: она более широка, поскольку искусственным путём распространена на всю территорию, на которой приняты определенные стандарты (стандарты среднего и высшего образования для определенной страны или содружества стран); она менее проницаема для нововведений (т.е. обладает некоторым значением иммунитета) в силу иерархической структуры – новому знанию необходимо пройти испытания во множестве инстанций, прежде чем оно войдет в «стандарт»; она обеспечивает распространение знания на более длительный период времени – как только знание входит в «стандарт», его распространение постоянно возобновляется, в то время как в случае других сетей, инфекция может распространиться лишь один раз, после чего «затухнуть».

Сходство, выходящее здесь на первый план – то, что и сети «стандартизированного образования» и другие сети в первую очередь являются механизмом распространения – оказывается наиболее важным выводом, поскольку при таком взгляде, становление парадигмы может произойти в обход институтов или инстанций, исключительно за счёт «сарафанного радио». Обычно, становление парадигмы представляется как пробивание определённого заслона – нежелания сообщества принимать новое знание. Однако, за счёт теории вирусного распространения знания, этот процесс может быть представлен более детально: несомненно, сопротивление существует и имя ему – иммунитет. В тоже время, всегда существуют различные «слабые места» этого иммунитета – более лояльные

²⁶⁵ Кун Т. Структура научных революций. Стр. 230-231

к новому члены сообщества, более восприимчивые носители и т.д. Помимо того, существует возможность и «прямого» внедрения нового знания – либо в периоды кризиса, когда иммунитет сообщества оказывается подорван в связи с внутренними противоречиями или какой-либо другой причины дестабилизации структур; либо знание-вирус может быть внедрено через череду мутаций, делающих его более приемлемым для сообщества. Таким образом, речь здесь идёт не об одной абстрактной модели смены парадигм, но о различных стратегиях внедрения и распространения. Так, религиозное знание, несмотря на конфронтации с научным, продолжает удерживать свои позиции в силу того, что делает ставку на распространение среди лишенных иммунитета носителей и, как следствие, повторяемость в культурном пространстве. Эта стратегия рассчитана на длительный период распространения и закрепления среди носителей со слабым иммунитетом [0-1]. В таком случае, используется тактика, названная Броуди «евангелизмом» - когда частью вируса становится установка на распространение («расскажи это всем», «зарази этим как можно большее число носителей»). Многие политические идеологии, в свою очередь, делают ставку на метод «когнитивного диссонанса», активизируясь в кризисные периоды, презентуя себя в качестве решения кризиса. Такая стратегия предполагает высокую скорость распространения в короткие сроки, но при этом не гарантирует удержания позиций. То, что представлялось решением в момент кризиса, может оказаться совершенно не жизнеспособной идеей в период застоя. Научное же сообщество отличается наиболее высокой степенью иммунитета [1-3]: покуда одной из основных характеристик научного знания является его систематичность, значение иммунитета внутри сообщества всегда поддерживается на уровне не меньшем чем 1. Следовательно, знание в нём получает распространение в первую очередь за счёт мутаций, позволяющих пробиться сквозь иммунный заслон (хотя это не исключает возможности кризиса научного знания, когда поддержание иммунитета становится для сообщества проблематичным). Все эти стратегии могут пересекаться, их всегда можно комбинировать: так, Пастер объединился с гигиенистами, модифицируя

представление о вирусе в лаборатории, и, в тоже время, распространяя его среди обычных людей; так, несмотря на то, что Лондонское королевское общество присудило Ньютону авторство дифференциальных уравнений, а Лейбница объявило «плагатором», в конечном итоге распространение получил именно метод Лейбница (в чем сыграл свою роль тот факт, что даже после смерти Лейбница, диспут с Ньютоном продолжили последователи – носители знания-вируса о методе дифференциального исчисления – Джон Кейль и Иоганн Бернулли).

Таким образом, вирусологическая эпистемология позволяет рассматривать знания не только как специфически научный продукт, но как вирус, циркулирующий в обществе независимо от многих инстанций, которые могут обеспечить его распространение, но не могут его остановить. Становление новой парадигмы или распространение новых теорий или убеждений может теперь быть проанализировано с гораздо большей четкостью и детальностью. К тому же, вирусологическая эпистемология открывает новое проблемное поле, на котором могут возникнуть вопросы, неизвестные эволюционной эпистемологии. Например, «какое значение имеет тот факт, что какая-либо теория не была принята научным сообществом, если она оказывается общепринятой в силу распространённости?». Или «как влияют на ученого вирусы, распространенные в данный момент в социальной сети?», «каков иммунитет того или иного сообщества или определённого индивида?», «в какой форме знание должно быть сформулировано, чтобы получить наибольшее распространение?», «какие мутации наиболее благоприятны?» и т.д.

Выводы к §2 главы 3

В данном параграфе была показана возможность построения модели распространения знания. Установлено, что наиболее подходящей моделью является «ризوما» Жюль Делёза и Феликса Гваттари, поскольку, в отличие от других моделей, концепция ризомы предполагает автономию узлов и возможность любого из них стать новым источником распространения.

Было разработано представление о мутации вируса, тесно связанного с его распространением. Рассмотрены различные возможные варианты этих мутаций и указано на возможность прогнозирования числа мутаций.

Посредством теории графов были концептуализированы элементы сети – два типа узлов: «узлы-переносчики», благодаря которым возможно хранение и распространение знания-вируса, и «узлы-носители», в которых знание-вирус мутирует и реплицируется; и два типа связей между ними: «заражение», имеющее место в случаях, когда адресатом является узел-носитель, и «инфицирование», предполагающее распространение знания-вируса на узел-переносчик. Выделены связанные с этим эвристики.

Помимо дистрибутивных свойств инфекционной сети, относящихся к каждому из элементов в отдельности, установлены системные, эмерджентные свойства, такие как «цепь», «циркуляция», ускорение распространения пропорционально распространенности.

Определены отношения инфекционной сети и социальной, показаны возможности детального и точного анализа инфекционного распространения знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной диссертационной работе было проведено многоплановое исследование знания как имеющего вирусную природу.

Для этого, в первом параграфе первой главы были проанализированные теории, проводящие аналогию между функционированием и способом существования языка и вируса. Установлены основные принципы метафорического переноса и свойства, общие для вирусов и языка – зависимость от носителя, заражение, распространение, сеть и самоорганизация. В конце параграфа данные принципы были перенесены в контекст эволюционной эпистемологии, на представление о «Мире 3» - «мире знания».

Во втором параграфе рассмотрены предпосылки и история формирования «вирусной логики», сформировавшейся в связи с возникновением вирусологии как дисциплины. Если эпидемиология рассматривала эпидемии как сумму зарегистрированных случаев заболевания на определённой территории, то с возникновением представления о вирусе, эпидемия стала восприниматься как инфекционная сеть из носителей, связанных между собой заражением. Таким образом, было установлено, что «вирусная логика» предполагает представление о сети, агенте и заражении.

Вторая глава была посвящена исследованию и определению особенности функционирования и существования «мира 3» как имеющего вирусную природу. Представление Карла Поппера об онтологической «относительной автономии» и следующей из этого «объективности» «мира 3» было подвергнуто критике. В свою очередь, для обеспечения возможности объективного научного изучения знания, характеристики «относительной автономии» и «объективности» «мира 3» были введены заново, но на других основаниях: «объективность» знания определена как его онтологическая характеристика, связанная с его коллективной и над-субъективной природой, следствием этого является функциональная

«относительная автономия», возникающая из феномена самоорганизации знания в носителях, и его саморазвития благодаря научной деятельности.

В третьей главе были разработаны модели «иммунитета» и распространения знания как инфекционной сети. Введено представление об иммунитете как свойстве системы, функционирующем в трех различных режимах: аллергии, предполагающем отторжение знания-вируса; игнорирования, предполагающем отсутствие как заражения, так и реакции на него; вакцинации, заключающемся во встраивании в систему новых вирусов при сохранении гомеостаза. Проанализированы три категории способов обхода иммунитета и намечены пути к дальнейшей разработке модели инфекционного распространения знания учитывающей фактор иммунитета.

Наиболее подходящей моделью инфекционной сети является концепция «ризомы» Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, поскольку предполагает возможность распространения заражения из любого, отдельного взятого узла сети. Так же, были рассмотрены свойства инфекционной сети, как дистрибутивные, относящиеся к свойствам узлов и ребер сети, так и системные. Установлено отношение инфекционной сети и социальной, и определены возможности детального и точного анализа инфекционного распространения знания.

Таким образом, в данной работе была сформулирована концепция знания, позволяющая решить и онтологические вопросы, стоявшие перед эволюционной эпистемологией многие годы; и вопросы социологии науки, позволяя объединить актуалистский подход, рассматривающий лишь индивидов, с представлением о жизни идей, носителями которых являются эти индивиды, и открыть путь для изучения их взаимовлияния; и практические вопросы, такие как применение математического аппарата в анализе распространения знания, а так же возможность не только исследовать историю науки («При любой вспышке инфекционного заболевания первый вопрос — какой микроб за этим стоит?»²⁶⁶),

²⁶⁶ Натан В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 238

но прогнозировать возможные изменения знания («оценка направления эволюции вирусов»²⁶⁷), скорость роста числа новых теорий, и определять их потенциал к распространению («определив, что это за микроб, мы хотим узнать, на что он способен»²⁶⁸) и стратегию («каким путём данный возбудитель будет распространяться»²⁶⁹).

²⁶⁷ Натан В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 238

²⁶⁸ Натан В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 238

²⁶⁹ Натан В. Смертельный шторм: эпоха новых пандемий. Стр. 238

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Джорджо Открытое / Пер. с итал. И нем. Б.М. Скуратова / Редактор глав 1-11; 15-19 М. Маяцкий; 12-14; 20 – Дм. Новиков. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
2. Акройд П. Венеция. Прекрасный город, пер. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М.: Изд-во О. Морозовой, 2012.
3. Аристотель Поэтика. Риторика [] : сборник / Аристотель; Вступ. ст. С. Ю. Трохачева; Пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой . - Санкт-Петербург : Азбука, 2000. - 447 с.
4. Аронсон О. Трансцендентальный вампиризм /Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под редакцией Елены Петровской. [вып. 15]. М.: «Три квадрата», 2010 Стр. 25-46.
5. Аронсон О. Эпидемиология политического // Новое литературное обозрение. 2015. № 136 (6). С. 37–48.
6. Белоногов И.Н. Эпигенетика в эпистемологии // Философия науки и техника 2017. Т.22. № 2. С. 60-74.
7. Белоногов И. Н. Теория «Трех миров» Карла Поппера на пути к реализму. Онтологический статус «Третьего мира» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 1(26). С. 199–205.
8. Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической // Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 209—218.
9. Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 193—206.

10. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. С фр. В. Флеровой; Вступ. ст. И. Блауберг. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. - 384 с. - (Канон философии)
11. Берроуз У. Билет, который лопнул, оставил мало времени, поэтому желаю «Доброй ночи» : [роман] / Уильям Берроуз; пер. с англ. В. Когана. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 222, [2] с.
12. Берроуз У. Голый завтрак : [роман] / Уильям Берроуз; пер. с англ. В. Когана. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 286, [2] с.
13. Берроуз У. Города Красной Ночи / У.С. Берроуз. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Компания Адаптек», 2005. – 398, [2] с.
14. Берроуз У. Дезинсектор! : [сборник] / Уильям Берроуз; пер. с англ. А. Ахмеровой. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 215, [9]с.
15. Берроуз, У. Джанки: Исповедь неисправимого наркомана. Гомосек. Письма Яхе : [романы: пер. с англ.] / Уильям Берроуз. – М.: АСТ, 2005. – 381, [3] с.
16. Берроуз У. Досье Берроуза : [сборник; пер. с англ.] / Уильям Берроуз. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 284, [4] с.
17. Берроуз, Уильям С. Западные земли: [роман] / Уильям С. Берроуз. – М.: АСТ: Адаптек, 2005. – 351, [1] с.
18. Берроуз У. И Бегемоты сварились в своих бассейнах : [роман] / Уильям Берроуз, Джек Керуак; пер. с англ. А. Круглова. – М.: АСТ: Астрель, 2010. - 222, [2] с.
19. Берроуз У. Интерзона : [роман] / Уильям Берроуз; пер. с англ. Н.Н. Абдулина. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 282, [6] с.

20. Берроуз У. Мягкая машина: [роман]/Уильям Берроуз; пер. с англ. В. Когана. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. – 223, [1] с.
21. Берроуз У. Нова Экспресс : [роман] / Уильям Берроуз; пер. с англ. В. Когана. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 217, [7] с.
22. Берроуз У. Пристань святых : [роман]/Уильям Берроуз; пер. с англ. С. Минкина. – М.: Астрель, 2012. – 251, [5] с.
23. Берроуз У. С. Пространство Мертвых Дорог/У.С. Берроуз. – М.: «ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Компания Адаптек», 2005. – 382, [2] с.
24. Берроуз У. Счётная машина = The Adding Machine / Перевод М. Гунина и др. - Тверь: Kolonna publications, Митин журнал, 2008. - 320 с.
25. Брасье Р. Понятия и Объекты / пер. с англ. Переводческая группа Cube of Pink (философский факультет МГУ) // Логос. — 2017. — № 3 (27) — С. 227—260.
26. Бредихин Д. Такие разные синонимы (URL - <https://biomolecula.ru/articles/takie-raznye-sinonimy>)
27. Бродский А. И. О книжниках и лесниках. Этический смысл архи-письма / Этическая мысль научно-теоретический журнал. 2016. Т. 16. № 1. Стр. 19-30.
28. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют наше сознание / Пер. с англ. Л.В. Афанасьевой. – М.: Поколение, 2007. – 304 с.
29. Биологический энциклопедический словарь. / Гл. ред. М. С. Гиляров; Редкол.: А. А. Баев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 864 с., ил., 30 л. ил.
30. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. Новое издание, дополненное материалами: Синергетика третьей

волны. Цифровой жизненный техноуклад. Образование эпохи большого антропологического перехода. Изд. 4-е, доп. - М.: ЛЕНАНД, 2017. – 272 с.

31. Букринская А. Г. Вирусология. — М.: Медицина, 1986. — 336 с.
32. Волков В.В., Харходин О.В. Теория практик / Вадим Волков, Олег Харахордин. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге — 298 с
33. Вулф, Натан Смертельный шторм: эпоха новых пандемий / Натан Вулф; пер. с англ. К. Тимониной. – Москва: АСТ, 2013. 285. с.
34. Гваттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Кн. 1. Л., 1991.
35. Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида [Текст] / Д.Б. Голобородько; Рос. Акад. Наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2011. – 177 с.
36. Деррида Ж. О грамματοлогии / Перевод с французского и вступительная статья Наталии Автономовой. – М.: Ad Marginem. 2000.
37. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический проект, 2007. – 495 с.
38. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
39. Делез, Ж, Лекции о Спинозе / Жиль Делёз ; пер. Бориса Скуратова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 216 с.
40. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 376 с.

41. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность : опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: Пер. с франц. – М.: ПЕР СЭ, 2001.
42. Делёз Ж., Феликс Гваттари. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения/Пер. с франц. И послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-фактория, 2008.
43. Делёз Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. И послесл. Я.И. Свирского; науч. Ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель. 2010. 895. с.
44. Деланда М. Новая онтология для социальных наук / пер. с англ. М. Потапов и С. Гавриленко // Логос. — 2017. — № 3 (27) — С. 35—56.
45. Деланда, М. Новая философия общества : Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда ; пер. с англ. К. С. Майоровой. – Пермь : Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
46. Деннет Дэниел С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. Перевод с англ. А. Вертенникова. Под общ. Ред. Л.Б. Макеевой. – М.:Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
47. Дойдж Норман. Пластичность мозга: Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. – М. : Эксмо, 2010. 539. с.
48. Докинз Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз; пер. с англ. Н. Фоминой – Москва: АСТ: CORPUS, 2014 – 512 с.
49. Дьяков А. В. Жиль Делёз. Философия различия. – СПб.: Алетейя, 2013. – 504 с.

50. Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. — 246 с.
51. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. — 2017. — № 3 (27) — С. 83 – 112.
52. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия / Социология власти Том 27. №1. 2015. Стр. 17-36.
53. Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 135–143.
54. Золян С. Т., Жданов Р. И. Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 60–84.
55. Каллон М. Акторно-сетевая теория. [URL: [http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон М. Акторно-сетевая теория.pdf](http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон_М._Акторно-сетевая_теория.pdf)]
56. Кан Д. Технологии физиологических коммуникаций у Уильяма Берроуза и Л. Рона Хаббарда // Митин журнал. 2008. № 60: сетевой журнал. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj60/kan.shtml> (дата обращения: 28. 02. 2017)
57. Крюков А.П., Демичев А.П., Поляков С.П. Веб-платформы для научных исследований. – Программирование. 2016, № 3, с. 12-30.
58. Колесников А.С. Проблема субъективности в постструктурализме // Формы субъективности в философской культуре XX века. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.79-106.
59. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н.С.Розова и Ю.Б.Вертгейм). Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.

60. Кули Х.Ч. Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
61. Кун. Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
62. Кучерявый Е. А., Ярцев С. В. Теория эпидемий как инструмент анализа распространения широковещательного трафика в сетях VANET [Текст] / Е. А. Кучерявый, С. В. Ярцев // Информационно-управляющие системы. - 2016. - № 4. - С. 101-107.
63. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/1954)). Пер. с фр./ М. Титовой и А. Черноглазова (Приложения), М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2009 (1-е изд: 1998). – 432 стр.
64. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/1955)). Пер. с фр. / А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2009 (1-е изд: 1999). – 520 стр.
65. Латур, Бруно Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Бруно Латур ; [пер. с фр. А.В. Дьякова]. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 316 с. – (Прагматический поворот; вып. 7)
66. Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Философско-литературный журнал Логос. Том 27. №1. 2017 Стр. 217-244.
67. Латур Б. Вопрос об отзыве // Философско-литературный журнал Логос. Том 27. №1. 2017 Стр. 201-216.
68. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. — 2002. — № 5-6 (35) — С. 211—242.

69. Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Философско-литературный журнал Логос. Том 27. №1. 2017 Стр. 135-162.
70. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Философско-литературный журнал Логос. Том 27. №1. 2017 Стр. 173-200.
71. Латур, Б. Об интеробъективности. / пер. с англ. А. Смирнова; под научн. ред. В.С. Вахштайна // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. — М: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — С. 169—199.
72. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст]/пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».—М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.—384 с.—(Социальная теория).—1000 экз.— ISBN 978-5-7598-0819-0 (в пер.)
73. Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки/ пер. с англ. О. Столяровой // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2003. — № 3. — С. 20-39.
74. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 342–365.
75. Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина; Научн. ред. О.В. Хархордин.. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. — 296 с.
76. Латур, Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества / пер. с англ. К. Федоровой; научн. ред. С. Миляева. - СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. - 414 с.

- 77.Латур Б. Об интеробъективности // Социол. обозр. – 2007. – Т. 6. – № 2. – С. 79–96.
- 78.Левин Г.Д. Проблема «третьего мира» в современной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XXIX. № 1. С. 96–110.
- 79.Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии / На пути к неклассической эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. С. 7-24.
- 80.Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида / В. Мазин. – СПб.: Алейтея, 2010. – 256 с.
- 81.Маркова Л. А. Философия из хаоса. Ж. Делёз и постмодернизм в философии, науке, религии. — М.: Канон, 2004.
- 82.Массуми Б. «Будущее нужно активно изобретать»: философ Брайан Массуми об эволюции ризомы и спекулятивном прагматизме» ([URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi](https://theoryandpractice.ru/posts/8115-rizoma-massumi) [дата обращения 18.10.2017])
- 83.Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Перевод с французского под редакцией И.С. Вдовиной, С.Л, Фокина. Санкт-Петербург. «Ювента». «Наука». 1999.
- 84.Михель Д. В. Из лаборатории в поле: анализ кейса развития микробной теории в России // Социология власти. 2012. №6-7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/iz-laboratorii-v-pole-analiz-keysa-razvitiya-mikrobnoy-teorii-v-rossii> (дата обращения: 02.05.2017).
- 85.На пути к теоретической биологии I. Прологомены / Издательство «Мир», Москва, 1970.
- 86.Никифоров А. Л. Философия и история науки – М.: Идея-Пресс, 2008. С. 176.

87. Найт, Р. Смотри, что у тебя внутри. Как микробы, живущие в нашем теле, определяют наше здоровье и нашу личность / Роб Найт; пер. с англ. Е. Валкина. – Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2015.
88. Некипелова И.М. Язык как уникальная открытая и саморазвивающаяся система [Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-unikalnaya-otkrytaya-i-samorazvivayuschayasya-sistema>]
89. Одьё, Д. Интервью с Уильямом Берроузом / Даниель Одьё; пер. англ. Н. Абдуллина. – М.: АСТ: Астрель; Владимир. ВКТ. 2011 с. 315.
90. Олескин А.В. Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. Изд. Стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 304 с.
91. Парамонов В.Н. Новое в теории появления жизни / «Химия и жизнь» №5, 2005 [URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/25618 (дата обращения: 19.12.2017)]
92. Петров М.К. Язык, знак, культура / Вступ. Ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
93. Письма Уильяма Берроуз / подготовлено О. Харисоном; пер. с англ. Н. Абдуллина. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 572, [4] с.
94. Поппер Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д. Г. Лахути. Отв. ред. В. Н. Садовский. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.
95. Поппер Карл Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. / Составление Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57-74.

- 96.Порус В.Н. Цена «гибкой» рациональности (о философии науки Ст.Тулмина)
// Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей – М.:
ИФ РАН, 1999.
- 97.Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория:
незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 1—40.
- 98.Реgev Й. Дисс-на-Land / Логос. 2018. Т. 28. #2. С. 140-155.
- 99.Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо Зеркала в мозге: О механизмах
совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О.А. Кураковой, М.В.
Фаликман. – М.: Языки славянских культур, 2012. 208. с.
100. Розин В.М. Современные проблемы эпистемологии / Эпистемология и
философия науки № 1, 2012. С. 238-245.
101. Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического
описания. Пер. С французского Дмитрий Кралечкин – МОДЕРН, 2011 – 160
Стр.
102. Сериков А.Е. Семиотическая модель действия // Социологический
журнал. - М.: ИС РАН, №1, 2009 Стр. 19-46.
103. Стёпин В.С. О философских основаниях синергетики
//Синергетическая парадигма. Синергетика и образование. М.: Изд-во
«Прогресс-Традиция, 2007.
104. Степин В.С. Теоретическое знание / М.: Прогресс-Традиция, 2003.—
744 с
105. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. — СПб.: СПбГУП, 2011. — 408
с. — (Классика гуманитарной мысли; Вып. 3)

106. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С.249 – 295
107. С. Сонтаг Болезнь как метафора. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 176 с.
108. Сулимов П.А. Методы машинного обучения для предсказания распространения инфекции в сети. Вестник НГУЭУ. 2016;(1):285-306.
109. Тимирязев К. А. Луи Пастер / Избранные сочинения в 4-х томах. ОГИЗ - СЕЛЬХОЗГИЗ, М., 1948 г. Земледелие и физиология растений. Сборник общедоступных лекций.
110. Тулмин. Ст. История, практика и “третий мир” (трудности методологии Лакатоса) // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей – М.: ИФ РАН, 1999. С. 258-279.
111. Тулмин С. Человеческое понимание / Перевод с английского З.В. Кагановой. Общая редакция доктора философских наук профессора П. Е. Сивоконя – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 304. с.
112. Федорова С.Е. Актанто-ризомная онтология Бруно Л. // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2017. № 37 Стр. 249-261.
113. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабенд; пер. англ. А. Л. Никифорова. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. - 413, [3] с.
114. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981-1982 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

115. Фуко. М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К. Стаф. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698, [6] с.
116. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / Пер. с франц. В. Каплуна – СПб.: Академический проект, 2004 – 532 с.
117. Фуко М. Лекции о Воле к знанию с приложением «Знание Эдипа»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1970-1971 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2016. – 351 с.
118. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с.
119. Фуко М. Психическая болезнь и личность / пер. с фр., предисл. И коммент. О.А. Власовой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009. – 320 с.
120. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
121. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект (Психологические технологии), 2010.
122. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой Вступительная статья Н. С. Автономовой, СПб., А-cad, 1994.
123. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2011. – 432 с.
124. Харари Ф. Теория графов / М.: Мир, 1973, 300 стр.

125. Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика / пер. с англ. А. Морозов и М. Федянин // Логос. — 2014. — № 4 (100) — С. 229—248
126. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. — Пермь: Гиле Пресс, 2015. — 152 с.
127. Харман Г. О замещающей причинности (пер. с англ. А. Маркова) // Новое литературное обозрение № 114 (2'2012), С. 75-90.
128. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда / пер. с англ. А. Писарев // Логос. — 2017. — № 3 (27) — С. 1—34.
129. Чубаров И. Перевод как опыт нечувственных уподоблений Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык / Логос 5–6 (84) 2011 Стр. 237-252.
130. Шалагинов Д. С. Summa contra connexiones: ненависть к миру и двойная жизнь: рецензия на новую книгу Э. Калпа о Делёзе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. I, № 3. — С. 155–169.
131. Шульга Е.Н. Генезис идеи коэволюции. Биофилософия; РАН. Ин-т философии; ред. А.Т. Шаталов. – М. : ИФРАН, 1997.
132. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. — 416 с.
133. Burroughs, William S, James Grauerholz, and Ira Silverberg. Word Virus: The William S. Burroughs Reader. New York: Grove Press, 1998.
134. Christopher Land «Apomorphine Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control / Ephemera: theory & politics in organization. 5(3): 450-471.
135. Deacon, Terrence William The symbolic species: the co-evolution of language and the brain /W.W. Norton & Company, New York, London 1997.

136. Thanem. T. The Body Without Organs: (Nonorganizational Desire in Organizational Life) // Culture and Organization. 2004. Vol. 10 (3). P. 203-217.
137. The Deleuze Dictionary. Edited by Adrian Parr. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2005. vi + 318 pp.